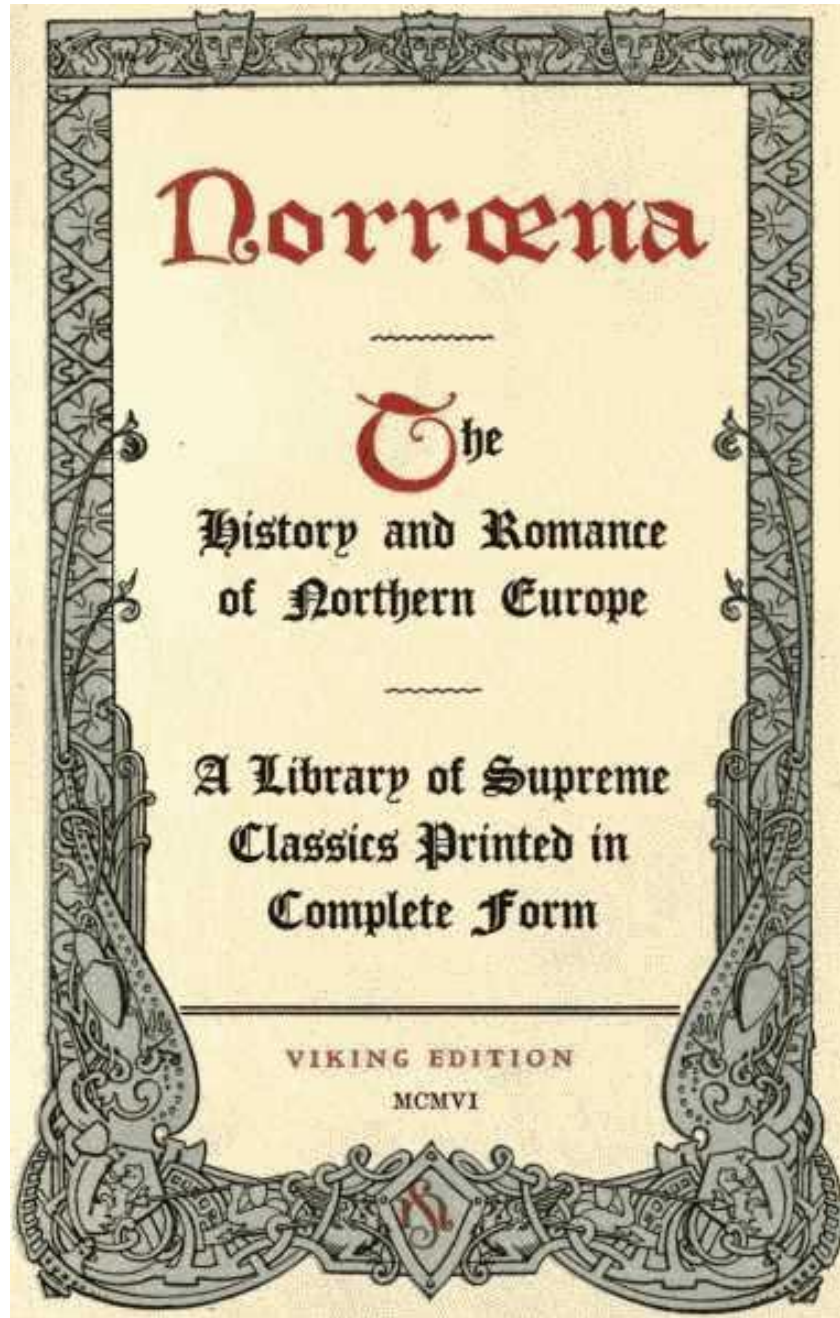

Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, Том 3

Виктор Рюдберг

Электронная книга проекта Гутенберга по тевтонской мифологии: Боги и богини Северных земель, том 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Тевтонская мифология: Боги и богини Северных земель, Том 3

Автор: Виктор Ридберг

Переводчик: Расмус Бьорн Андерсон

Дата выхода: 4 февраля 2019 [Электронная книга № 58830]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Шарлин Тейлор и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ: БОГИ И БОГИНИ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ", Т. 3 ***

Тевтонская мифология

Боги и богини Северных земель

В ТРЕХ ТОМАХ

Автор: ВИКТОР РИДБЕРГ, доктор философии,

ЧЛЕН ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ; АВТОР КНИГИ "ПОСЛЕДНИЙ АФИНЯНИН" И ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД Со ШВЕДСКОГО

АВТОР: РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор юридических наук,
БЫВШИЙ ПОСОЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ДАНИИ; АВТОР КНИГ "СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ", "СКАЗКИ ВИКИНГОВ" И ДР.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ РАСМУС Б. АНДЕРСОН, доктор философии,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР.

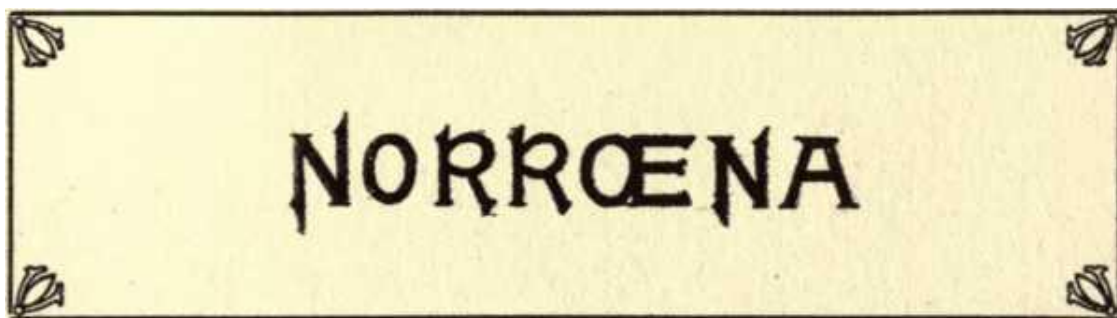
Дж. У. БЬЮЭЛ, доктор философии,
УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕДАКТОР.

ТОМ III.

ОПУБЛИКОВАНО
ОБЩЕСТВОМ НОРРАНА,
ЛОНДОН КОПЕНГАГЕН СТОКГОЛЬМ БЕРЛИН НЬЮ-ЙОРК
1906

Из издания "Викинг "

В мире изготовлено всего шестьсот пятьдесят комплектов, из которых этот
№ 99

АВТОРСКОЕ ПРАВО,
Т. Х. СМАРТ,
1905.

ТОРА В ГИРОДСГАРД.

ПУТЕШЕСТВИЕ

(С офорта Лоренца Фрелиха.)

Локе в облике сокола, попав в плен к Гейрреду, пообещал, что в случае освобождения отдаст Тора во власть великана без его молота, пояса или железных перчаток. Тор, которого убедил хитрый Локе, отправился в путешествие. Когда он пришел к реке Вимер, он попытался перейти ее вброд, хотя поток превратился в большой поток. Когда он добрался до центра, вода быстро поднялась, пока не захлестнула его за плечи, и ему, казалось, грозила неминуемая опасность быть унесенным прочь. В этот момент, посмотрев в сторону истока реки, он увидел Гьялп, дочь Гейрреда, которая стояла верхом на ручье и была причиной его быстрого роста. Вслед за этим он схватил камень и со своей обычной точностью швырнул его в оскорбившую его женщину, которая отступила. Но Тор с большим трудом добрался до берега, на который, однако, ему было бы очень трудно взобраться, если бы ему не посчастливилось ухватиться за выступающий кустарник, с помощью которого он вытащил себя из бушующей воды.

См. страницу [933](#).

ТЕВТОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ.

Содержание.

ТОМ ТРЕТИЙ

	Страница
История семи Спящих	707
Антропология мифологии	729
Свипдаг и Гроа	747
Отождествление Менглада с Фрейей	751
Меч мести	759
Орвандель, Звездный Герой	767
Свипдаг Спасает Фрейю от Гигантов	770
Свипдаг в рассказе Саксона о Хотересе	781
Эрик Дисертус в Саксон	793
Более поздние судьбы меча Волунда	808
Свипдагский эпитет "Скирнир"	815
Трансформация и смерть Свипдага	819
Воспоминания о мифе о Свипдаге	830
Орвандел, Эгиль и Эббо	847
Фрей воспитывался в доме Орванделя	865
Ивальде, деда Свипдага	870

Параллельные мифы в Ригведа	874
Решение, вынесенное сыновьям Ивальде	884
Ольвальде и Сыновья Ивальде идентичны	890
Обзор Торсдрапы	932
О тождестве Волунда с Тьяссом	952
Худший акт мести	956
Стража в Хвергельмере и Эливагаре	968
Слагфин, Эгиль и Волунд	971
Клад нифлунгов, оставленный Волундом	975
Слагфин-Гьюк, Звездный Герой	981
Появление Слагфина в мифе о Луне	985
Обзор синонимов Сыновей Ивальда	991

СПИСОК ФОТОГРАВИЙ.

	Страница
ТОМ. III.	
Путешествие Тора в Гейрродсгард	Фронтиспис
Идун Вернулась в Асгард	807
Тор, Гимир и Мидгардский Змей	915
Король Свафрлейм получает Меч Тирфинг	1003

МИФ О НИЖНЕМ МИРЕ.

(Часть IV. Продолжение из тома II.)

94.

СЕМЕРО СПЯЩИХ.

Вельюспа рассказывает о событиях, которые предвещают Рагнарек и ведут к нему. Среди них мы также находим, что *лейка Мимс синир*, то есть что сыновья Мимера "вскакивают", "взлетают", "приходят в оживленное движение". Но смысл этого до сих пор оставался нерешенной проблемой.

В строфе, непосредственно предшествующей (44-й), Велуспа описывает, как это выглядит на поверхности Мидгарда, когда приближается конец света. Братья и ближайшие родственники убивают друг друга. Священные узы морали разорваны. Это эпоха бурь и эпоха волков. Люди больше не щадят и не жалеют друг друга. Ножи и топоры свирепствуют. Разрушающий мир меч

мести Волунда уже был принесен Фьяларом в облике красного петуха (стр. 41) из Железного Леса, где он до сих пор был спрятан Ангербодой и охранялся Эгтером; великан-волк Хейт со своими спутниками вторгся в мир, защищать который было долгом богов. Штормы сопровождаются солнечными затмениями (стр. 40).

Затем внезапно звучит рог Хьяллара, возвещающий, что разрушение мира сейчас свершится, и как только первые звуки этой трубы проникают в мир, появляются сыновья Мимера. "Старое дерево", мировое древо, стонет и дрожит. Когда сыновья Мимера "появляются", Один ведет беседу с главой их отца, своим верным советником, относительно надвигающегося конфликта, который является последним, в котором боги должны принять участие.

Здесь я приведу доводы в пользу предположения, что звук рога Хьяллара пробуждает сыновей Мимера ото сна, длившегося столетия, и что христианская легенда о семи спящих уходит своими главными, если не единственными корнями в тевтонский миф, который во второй половине пятого или в первой половине шестого века был преобразован в легенду. В то время большая часть тевтонской расы уже была обращена в христианство: готы, вандалы, гепидианцы, ругианцы, бургундцы и швабы были христианами. Значительные части Римской империи были заселены германцами или управлялись их мечами. Франки были на грани вхождения в христианскую церковь, а за ними аламанны и лонгобарды. Их мифы и саги были реконструированы настолько, насколько их можно было приспособить к новым формам и идеям, и если они, более или менее преобразованные, принимали облик христианской легенды, то это обличье позволяло им путешествовать до самых пределов христианского мира; и если они также содержали, как в рассматриваемом здесь случае, идеи, которые не были полностью чужды греко-римскому миру, тогда они могли бы легче приобрести право римского происхождения.

В своей древнейшей форме легенда о "семи спящих" имеет следующие очертания (*Miraculorum Liber*, vii., i. 92):

"Семь братьев"[1] имеют место упокоения недалеко от города Эфес, и история о них такова: Во времена императора Деция, во время гонений на христиан, семь человек были схвачены и приведены к правителю. Их звали Максимиан, Малх, Мартиниан, Констанций, Дионисий, Иоанн и Серапион. Были предприняты всевозможные попытки убеждения, но они не поддавались. Император, довольный их учтивыми манерами, дал им время на размышление, чтобы они сразу не попали под смертный приговор. Но они спрятались в пещере и оставались там много дней. Тем не менее, один из них вышел за провизией и позаботился о других необходимых делах. Но когда император вернулся в тот же город, эти люди помолились Богу, прося Его по Своей милости избавить их от этой опасности, и когда, лежа на земле, они закончили свои молитвы, они заснули. Когда император узнал, что они находятся в вышеупомянутой пещере, он, под божественным влиянием, повелел завалить вход в пещеру большими камнями, "ибо, - сказал он, - поскольку они не желают приносить жертвы нашим богам, они должны там погибнуть". Пока это происходило, один христианин выгравировал имена семерых мужчин на свинцовой табличке, а также их свидетельство об их вере, и он тайно положил табличку у входа в пещеру перед тем, как последняя была закрыта. По прошествии многих лет, когда общины обрели мир, а христианин Феодосий обрел императорское достоинство, среди народа распространилось ложное учение саддукеев, отрицавших воскресение. В это время случилось так, что житель Эфеса собирается построить загон для своих овец на указанной горе, и с этой целью он

расшатывает камни у входа в пещеру, так что пещера была открыта, но при этом он не подозревал о том, что было скрыто внутри. Но Господь вдохнул жизнь в семерых мужчин, и они встали. Думая, что проспали всего одну ночь, они послали одного из своих, юношу, купить еды. Когда он подошел к городским воротам, он был поражен, ибо увидел славное знамение Креста и услышал, как люди произносят имя Христа. Но когда он предъявил свои деньги, которые были со времен Деция, его схватил продавец, который настаивал на том, что, должно быть, нашел спрятанные сокровища прежних времен, и который, поскольку юноша решительно отрицал это, привел его к епископу и судье. Под их давлением он был вынужден раскрыть свою тайну и повел их к пещере, где находились мужчины. Затем у входа епископ находит свинцовую табличку, на которой было записано все, что касалось их дела, и, когда он поговорил с этими людьми, к императору Феодосию был отправлен гонец. Он подошел, преклонил колени на земле и поклонился им, и они сказали правителю: "Августейший Августус! возникло ложное учение, которое пытается отвлечь христианский народ от Божьих обетований, утверждая, что воскресения мертвых не существует. Чтобы вы знали, что всем нам предстоит предстать перед судилищем Христа, согласно словам апостола Павла, Господь Бог воскресил нас из мертвых и повелел нам заявить вам об этом. Смотрите, чтобы вас не обманули и не исключили из царства Божьего". Когда император Феодосий услышал это, он вознес хвалу Господу за то, что Он не допустил гибели Своего народа. Но мужчины снова легли на землю и заснули. Император Феодосий хотел сделать для них могилы из золота, но в видении ему запретили это делать. И по сей день эти люди покоятся на том же месте, завернутые в тонкие льняные накидки.

На первый взгляд нет ничего, что выдавало бы тевтонское происхождение этой легенды. По-видимому, она могла иметь независимое происхождение где угодно в христианском мире, и особенно в окрестностях Эфеса.

Между тем историк франков, епископ Турский Грегориус (родился в 538 или 539 году), является первым, кто изложил в письменной форме легенду о семи спящих. В приведенной выше форме это впервые появляется через него в пределах христианизированной Западной Европы (см. "*Miraculorum Liber*" Григория, i, гл. 92). После него она вновь появляется в греческих записях, а оттуда путешествует дальше и, наконец, попадает в Аравию и Абиссинию. Его рассказ написан не ранее 571 или 572 года. Поскольку сама легенда утверждает, что в ее сохранившемся виде она не старше первых лет правления Феодосия, она, должно быть, возникла между 379-572 годами.

В следующий раз, когда мы узнаем что-либо о семи спящих в западной литературе, мы узнаем о лонгобардском историке Пауле Диаконусе (родился около 723 года). То, что он рассказывает, сильно удивило исследователей; ибо, хотя он, безусловно, был знаком с христианской версией о семи мужчинах, которые поколениями спят в пещере, и хотя он не сомневался в ее правдивости, он, тем не менее, рассказывает другую — и то тевтонскую - легенду о семи спящих, местом действия которой является самая отдаленная часть Тевтонского королевства. Он повествует (часть 4):

Поскольку мое перо все еще занято Германией, я считаю уместным в связи с некоторыми другими чудесами упомянуть одно, которое у всех на устах. На самых отдаленных западных границах Германии, недалеко от берега моря, под высокой скалой, можно увидеть пещеру, в которой спали семеро мужчин, никто не знает, как долго. Они находятся в глубочайшем сне и не подвержены влиянию времени не только в том, что касается их тел, но и в том, что касается их

одежды, так что они пользуются большим почетом у диких и невежественных людей, поскольку время за столько лет не оставило никаких следов ни на их телах, ни на их одежде. Судя по их одежде, они, должно быть, римляне. Когда мужчина из любопытства попытался раздеть одну из них, говорят, что у него сразу отсохла рука, и это наказание вызвало такой ужас, что с тех пор никто не осмеливался к ним прикасаться. Несомненно, когда-нибудь станет ясно, почему Божественное Провидение так долго сохраняло их. Возможно, благодаря их проповеди — ибо считается, что они не кто иные, как христиане, — этот народ еще раз будет призван к спасению. В окрестностях этого места обитает раса скритобин ("скридфиннов").

В главе 6 Паулюс делает следующие дополнения, которые, как будет установлено, важны для нашей темы: "Недалеко от того морского берега, о котором я упоминал как о лежащем далеко на западе (в самой отдаленной Германии), где простирается бескрайний океан, находится непостижимо глубокий водоворот, который мы традиционно называем морским пупом. Дважды в день он поглощает волны и дважды извергает их снова. Часто, как нас уверяют, корабли затягивает в этот водоворот с такой силой, что они похожи на стрелы, летящие по воздуху, и часто они гибнут в этой бездне. Но иногда, когда они вот-вот будут поглощены, их отбрасывают назад с той же ужасающей быстротой".

Из того, что здесь рассказывает Паулюс Диаконус, мы узнаем, что в восьмом веке среди германских язычников преобладало распространенное поверье, что по соседству с этим океанским водоворотом, вызванным Хвергельмером ("ревушим чайником"), с незапамятных времен под скалой спали семь человек. В какой степени германские язычники верили, что эти люди были римлянами и христианами, или же эту черту следует приписать предположению германских христиан и она возникла под влиянием христианской версии легенды о семи спящих, — это вопрос, который нет необходимости обсуждать в настоящее время. То, что они когда-нибудь пробудятся, чтобы проповедовать христианство "упрямым", все еще языческим тевтонским племенам, явно является предположением самого Паулюса, и он не представляет это как что-то другое. Это не имеет ничего общего с сагой в ее языческой форме.

Теперь первый вопрос: исчезло ли с тех пор языческое предание о семи спящих, которое, согласно свидетельству лонгобардского историка, было распространено среди германских язычников восьмого века, не оставив никаких следов в наших мифических записях?

Ответ таков: следы этого вновь появляются у Саксона, у Адама Бременского, в норвежских и немецких народных верованиях и в Велуспе. При сравнении друг с другом этих следов достаточно, чтобы определить характер и первоначальное место традиции в эпосе тевтонской мифологии.

Я уже приводил выше (№ 46) основные черты рассказа Саксона о путешествии короля Горма и Торкила в нижний мир и обратно. Вместе со своими спутниками им разрешается посетить обители пыток проклятых и поля блаженства, а также облаченные в золото источники мира и увидеть сокровища, хранящиеся поблизости. В том же царстве, где находятся эти источники, по словам Саксона, находится *табернакулум*, внутри которого хранятся еще более драгоценные сокровища. Это *секретариат тезауруса uberioris*. Датские авантюристы также вошли сюда. Сокровищница также была оружейным складом, и в ней хранилось оружие, пригодное для ношения воинами сверхчеловеческих размеров. Владельцы и изготовители этого оружия тоже были там, но они были совершенно спокойны и неподвижны, как безжизненные фигуры. Они все еще не были мертвы, но производили впечатление полумертвых (*semineses*). Заманчивая

красота и ценность сокровищ, а отчасти и бездействующее состояние владельцев привели датчан к попытке завладеть некоторыми из этих драгоценных вещей. Даже обычно осторожный Торкил подал плохой пример и положил руку на предмет одежды (*amiculo manum inserens*). Саксон не сообщает нам, прикрывала ли эта одежда кого-либо из тех, кто спал в сокровищнице, и прямо не заявляет, что прикосновение руки вызвало какие-либо неприятные последствия для Торкила. Но далее Саксон рассказывает, что Торкил стал неузнаваем, потому что увядание или истощение (*маркор*) изменило его тело и черты лица. С этим рассказом Саксона мы должны сравнить то, что мы читаем у Адама Бременского о фризских авантюристах, которые пытались разграбить сокровища, принадлежащие великанам, которые в середине дня прятались в подземных пещерах (*meridiano tempore latitantes antris subterraneis*). В этом рассказе, должно быть, также предполагалось, что владельцы сокровищ спали во время разграбления, поскольку не раньше, чем они отправились в обратный путь, фризы были преследуемы награбленной партией или другими существами нижнего мира. Тем не менее, всем, кроме одного, удалось вернуться на свои корабли. Адам утверждает, что они были такими существами *quos nostri cyclopes appellant* ("которые среди нас называются циклопами"), что они, другими словами, были гигантскими кузнецами, которые, соответственно, сами изготовили несметное количество золотых сокровищ, которые там видели фризы. Эти северные циклопы, по его словам, жили в крепких стенах, окруженных водой, к которой, согласно Адаму Бременскому, впервые попадаешь после пересечения страны морозов (*provincia frigoris*) и после прохождения того *Еврипида*, "в котором воды океана возвращаются к своему таинственному источнику" (*ad initia quædam fontis sui arcani recurrens*), "этой глубокой подземной пропасти, в которой, согласно сообщениям, убывающие потоки моря поглощались до возвращения" и который "с неистовой силой увлек несчастных моряков в нижний мир" (*infelices nautos vehementissimo impetu traxit ad Chaos*).

Очевидно, что то, о чем здесь рассказывают Павел Диаконус, Адам Бременский и Саксон, должно быть отнесено к одной и той же традиции. Все три относят место действия этих странных вещей и событий к "самой отдаленной части Германии" (см. № № 45, 46, 48, 49). Согласно всем трем сообщениям, бескрайний океан омывает берега этой сказочной страны, которую нужно пересечь, чтобы добраться до "спящих", до "людей, полумертвых и похожих на безжизненные изображения", до "тех, кто прячется среди бела дня в подземных пещерах". Паулюс уверяет нас, что они находятся в пещере под скалой по соседству со знаменитым водоворотом, который всасывает в себя морские волны и извергает их снова. Адам заставляет своих фризских авантюристов приблизиться к тому, чтобы их поглотил этот водоворот, прежде чем они доберутся до пещер с сокровищами, где обитают упомянутые циклопы; и Саксон помещает их скинию, наполненную оружием и сокровищами, в область, которую мы уже признали (см. № 45-51) принадлежащей нижнему миру Мимера и расположенной по соседству со священными подземными источниками.

В северной части владений Мимера, следовательно, в непосредственной близости от фонтана Хвергельмер (см. № № 59, 93), из которого берут начало все воды и который является источником знаменитого водоворота (см. № № 79, 80, 81), согласно Волюспе, находится золотой зал, в котором живут родственники Синдре. Синдре, как мы знаем, подобно своему брату Броку и другим своим родственникам, художник древности, циклоп, если воспользоваться языком Адама Бременского. Таким образом, северные летописи и латинские хроники совпадают в утверждении, что по соседству с водоворотом или его подземным источником, под скалой и в золотом зале, или в подземных пещерах, наполненных золотом,

обитают некие люди, которые являются подземными ремесленниками. Павел Диаконус заставляет "любопытного" человека, проникшего в эту обитель, раздеть одного из спящих, одетого в "римскую" одежду, и за это он наказывается отсечением руки. Саксон заставляет Торкила положить руку на великолепное одеяние, которое он видит там, и Торкил возвращается из своего путешествия с изможденным телом и такой худой, что его невозможно узнать.

Есть основания предполагать, что древний ремесленник *Синдре* идентичен *Двалинну*, древнему ремесленнику, созданному Мимиром. Я основываю это предположение на следующих обстоятельствах:

Двалинн упоминается рядом с *Даином* как в Хавамале (43), так и в Гримнерсмале (33); также в сагах, где они вместе добывают сокровища. Оба имени явно являются эпитетами, указывающими на мифическую судьбу древних художников, о которых идет речь. *Даинн* означает "мертвый", и по аналогии с этим мы должны интерпретировать *Двалинн* как "дремлющий", "тот, кто дремлет". (ср. древнешведское *dvale*, сон, бессознательное состояние). Их судьба сделала их представителями смерти и сна, своего рода эквивалентами Танатоса и Гипноса. Как таковые, они появляются в аллегорических строфах, включенных в "Гримнерсма", которые, описывая, как мировое древо страдает и стареет, заставляют *Даинн* и *Двалинн*, "смерть" и "сон", получать пищу с его ветвей, в то время как Нидхог и другие змеи обвивают его корни.

В Хиндлулиоде (6) художников, создавших "Золотого кабана" Фрея, зовут *Даинн* и *Набби*. В Младшей Эдде (i. 340-342) они называются *Броккр* и *Синдри*. Как ни странно, из-за неизвестных нам мифологических обстоятельств скальды смогли использовать *Dainn* в качестве парафразы для обозначения четвероногого животного, ищущего корни, и *Brokkr* также имеет аналогичное значение (ср. Младшая Эдда, ii. 490, и Вигфуссон, под диктовку *Броккра*). Это указывает на изначальную идентичность этих эпитетов. Таким образом, мы приходим к следующим параллелям:

- *Даинн* (-*Броккр*) и *Двалинн* вместе создавали сокровища;
- (*Dáinn*-) *Броккр* и *Синдри* сделали золотого кабана Фрея;
- *Даинн* и *Набби* сделали золотого кабана Фрея;

и вывод, который мы отсюда делаем, заключается в том, что в нашей мифологии, в которой существует такое множество имен, *Двалинн*, *Синдри* и *Набби* - один и тот же человек, и что *Даинн* и *Броккр* идентичны. Возможно, позже у меня будет возможность представить дополнительные доказательства этой личности.

Первобытный художник *Синдре*, который вместе со своими сородичами обитает в золотом зале во владениях Мимера под горами Хвергельмер, недалеко от подземного источника мальстрем, поэтому носит эпитет *Двалинн*, "тот, кто окутан сном". "Спящий", таким образом, покоится со своими сородичами, где Павел Диаконус слышал, что семеро человек спят с незапамятных времен, и где Адам Бременский заставляет гигантов-кузнецов, богатых сокровищами, прятаться в пещерах нижнего мира за стенами, окруженными водой.

Уже было продемонстрировано, что *Двалинн* является сыном Мимера (см. № 53).

Следовательно, *Синдре-Двалин* и его родственники - отпрыски Мимера (*Мимс синир*). Таким

образом, золотая цитадель, расположенная недалеко от фонтана мальстрема, населена сыновьями Мимера.

Также было показано, что, согласно Соларлджоу, сыновья *Мимер-Ниди* происходят из этого региона (с севера во владениях Мимера), и что они находятся во всех семи:

Нордан са эк рида
Ниджа сону
ок вару сьау саман;

то есть это то же число, что и "экономические месяцы", или изменения года (см. № 87).

В том же регионе у дочери Мимера Нат есть свой чертог, где она отдыхает после завершения своего путешествия по небесам (см. № 93). Таким образом, "спящий замок" из тевтонской мифологии расположен на территории Ната удала, а Двалин, "спящий", является братом Ната. Возможно, ее цитадель идентична той, в которой спят Двалин и его братья. Согласно Саксо, в *скинии*, принадлежащей спящим мужчинам и сверкающей оружием и сокровищами, слышны женские голоса, когда Торкил и его люди приходят туда, чтобы разграбить сокровища. У Нат есть свой двор и сопровождающие ее сестры в тевтонской мифологии, например, в Ригведе (*Ушас*). *Симмара* (см. № 97, 98) - одно из ночных зрелищ. Согласно средневековым сагам, этих дисов и дочерей Мимера, как говорят, двенадцать (см. № 45, 46).

Мимер, как мы знаем, был опекуном среднего корня мирового дерева. Семеро его сыновей, олицетворяющие изменения, ежегодно происходящие с мировым древом и природой, вместе с ним охраняли священное дерево и ухаживали за ним, а также поливали его корнями *аургом форси* из подземного рога, "залога Вальфатера". Когда кланы богов стали врагами, а ваны схватились за оружие против асов, Мимер был убит, и мировое дерево, потеряв своего мудрого хранителя, попало под влияние времени. Оно страдает в корне (*Grimpersmal*), и поскольку оно в идеале идентично самому творению, как естественному, так и нравственному, то к концу периода существования этого мира оно предстанет в том же ветхом состоянии, в каком должны будут предстать природа и нравственный мир.

Логика требовала, чтобы, когда мировое дерево потеряло своего главного опекуна, владыку источника мудрости, оно также потеряло ту заботу, которой под его руководством наделили его семь сыновей. Они, вольно или невольно, удалились, и история о семи мужчинах, которые спят в цитадели, полной сокровищ, сообщает нам, как они с тех пор проводили свое время до Рагнарека. Подробности мифа, рассказывающего о том, как они попали в это состояние, сейчас не могут быть найдены; но это может быть сделано для того, чтобы указать, как на возможную связь с этим вопросом, что один из старших ванагодов, отец Ньерда, и, возможно, тот же, что и Мундильфор, носил эпитет *Свафр*, *Свафрторинн* (Фьельсвиннсмал). *Svafr* означает *сопитор*, спящий, а *Svafrthorinn*, по-видимому, относится к *svefnthorn*, "шипу для сна". Согласно традициям, человека можно было усыпить, вложив ему в ухо "сонную колючку", и затем он спал до тех пор, пока ее не вынимали или она не выпадала.

Народные предания, разбросанные по Швеции, Дании и Германии, до наших дней сохранились в устах простых людей о мужчинах, спящих среди оружия и сокровищ в подземных камерах или в скальных залах. По шведской традиции они вооружены не только оружием, но и лошадьми, которые дожидаются в своих стойлах того дня, когда их хозяева должны проснуться и отправиться на вылазку. Общей чертой большинства этих традиций, как северных, так и

германских, является то, что это должно происходить тогда, когда приближается величайшее бедствие или когда приближается конец света и наступает судный день. Что касается немецких саг, то по этому поводу я обращаюсь к мифологии Якоба Гримма. Я просто хочу указать здесь на определенные черты, которые имеют особое значение для обсуждаемого предмета, и которые народная память в определенных частях Германии сохранила из языческих мифов. Когда герои, проспавшие столетия, выходят в поход, звучат трубы последнего дня, предстоит великая битва с силами зла (Антихристом), *очень старое дерево, которое засохло, снова зазеленеет*, и начнется более счастливая эпоха.

Это безмерно старое дерево, которое засохло в конце нынешнего периода существования мира и которому суждено снова зазеленеть в более счастливую эпоху после решающего конфликта между добром и злом, может быть не чем иным, как мировым деревом из тевтонской мифологии, Игдрасилем из наших Эдд. Ангельские трубы, при звуках которых люди, спящие в горах, совершают вылазку, имеют своим прототипом рог Хеймдаля, возвещающий разрушение мира; а битва, которую предстоит вести с Антихристом, - это конфликт Рагнарека, облаченный в христианские одежды, между богами и разрушителями мира. Здесь семерым сыновьям Мимера тоже предстоит выполнить свою задачу. Последняя великая борьба также касается нижнего мира, области блаженства которого требуют защиты от терс-кланов Нифельхеля, тем более что именно эти области блаженства составляют новую землю, которая после Рагнарека поднимается из моря, чтобы стать обителью лучшей расы людей (см. № 55). "Каменная стена" горы Хвергельмер и ее "каменные ворота" (Völuspa; ср. № 46, 75) требуют защитников, способных владеть теми огромными мечами, которые хранятся в спящем замке на полях Нат-удал, и Синдре-Двалина помнят не только как художника древности, распространителя рунической мудрости Мимера, врага Лока и отца человеколюбивых дисесов (см. № 53), но и как героя. Имя коня, на котором он ехал и, вероятно, будет скакать в конфликте Рагнарек, соответствует строфе, цитируемой в Младшей Эдде, *Модинн*; саги средневековья связывают его имя с неким викингом, *Синдри*, и с Синтрамом из немецкой героической поэзии.

Теперь я возвращаюсь к строфе Вельуспы, которая была отправной точкой в исследовании, содержащемся в этой главе:

Leika Mims synir
en mjetudr kyndisk
at hinu gamla
gjallarhorni;
hátt blæss Heimdallr,
horn er á lothi.

"Сыновья Мимера поднимаются, ибо судьба мира провозглашается старым рогом гьяллара. Громко трубит Хеймдаль — рог поднят".

Что касается *лейки*, следует помнить, что его старое значение "прыгать", "подпрыгивать", "взлетать" вновь появляется не только у Ульфилы, который переводит *скиртан* Нового Завета как *лайкан* (Луки i. 41, 44 и vi. 23; в первом отрывке говорится о ребенке, дремлющем в утробе Елизаветы; ребенок "прыгает" при ее встрече с Марией), но и в другом отрывке из "Велуспы", где говорится о "Рагнарек", *"лейкр хар хити вид химин сьялфан"* — "высокие прыжки" (пьесы) "огонь против самих небес". Далее, мы должны указать на претеритную форму *kyndisk* (от *kynna*, чтобы было известно) рядом с настоящей формой *leika*. Это сопоставление указывает на то, что сыны

Мимера "устремляются ввысь", в то время как судьба мира, конечная судьба творения *заранее* и непосредственно перед этим была провозглашена "старым гьяллархорном". Вскикивание сыновей Мимера - это эффект первого мощного взрыва. Далее следует одно или несколько из них: "Громко трубят Хеймдаль — рог поднят; и Один говорит головой Мимера". Таким образом, мы выяснили значение слова "*лейка Мимс синир*". Их пробуждение и появление - один из признаков, которые лучше всего запоминаются в хрониках популярных традиций о приближении Рагнарека и возвращении мертвых, и в этой строфе Вельюспа сохранил память о "спящем замке" из тевтонской мифологии.

Таким образом, сравнение дошедших до нас фрагментов мифов с народными преданиями дает нам следующие очертания тевтонского мифа о семи спящих:

Мировое древо - представитель физических и моральных законов мира — великолепно выросло утром во времени на полях трех мировых источников, и в течение первых эпох мифологических событий (*ар альда*) оно было свежим и зеленым, о нем заботились подземные стражи этих источников. Но времена становились все хуже. Женский двойник Лока, Гульвейг-Хейд, распространяет злые руны в Асгарде и Мидгарде, и он и она вызывают споры и войны между теми божественными кланами, задачей которых является следить за порядком в мире и поддерживать его в гармонии. Во время вражды между асами и ванами средний и самый важный источник мира - источник мудрости, тот, из которого были извлечены добрые руны, — был лишен своего стража. Мимер был убит, а семеро его сыновей, управляющие семью временами года, которые следили за тем, чтобы эти смены сезонов следовали друг за другом в пределах, предписанных мировыми законами, были усыплены и впали в ступор, который продолжается на протяжении всего исторического времени до Рагнарека. Следовательно, мировое древо не может не увядать и не стареть в течение исторической эпохи. И все же оно не должно погибнуть. Ни огонь, ни меч не могут причинить ему вреда; и когда зло достигнет своего апогея, и когда нынешнему миру придет конец в результате конфликта Рагнарек и в пламени Сурта, тогда оно вернет себе ту свежесть и великолепие, которые были у него утром времени.

До тех пор Синдре-Двалин и шестеро других сыновей Мимера спят в золотом чертоге, который стоит к северу, в нижнем мире, на полях Мимера. Нат, их сестра, обитает в том же регионе и окутывает покои тех, кто дремлет во тьме. Расположенный к северу под горами Нида, зал находится рядом с фонтаном Хвергельмера, который вызывает знаменитый водоворот. Как сыновья Мимера, великого кузнеца древности, семь братьев сами были великими кузнецами древности, которые в первую счастливую эпоху подарили богам и природе самые прекрасные сокровища (Мьельнер, Брисингамен, Слидругтанне, Драупнер). Зал, где они сейчас покоятся, также является сокровищницей, в которой хранится множество великолепных изделий их кузнечного мастерства, и среди них оружие, слишком большое, чтобы им могли владеть человеческие руки, но предназначенное для использования самими братьями, когда приближается Рагнарек и произойдет великий решающий конфликт между силами добра и зла. Семеро спящих там облачены в великолепные мантии иного покроя, чем те, что распространены среди людей. Некоторые смертные имели привилегию видеть сферы нижнего мира и осматривать зал, где обитают семь братьев. Но всякий, кто осмеливался прикоснуться к их сокровищам или соблазнился великолепием их мантий, чтобы попытаться завладеть хоть одним из них, был наказан пониканием и иссушением своих конечностей.

Когда приближается Рагнарек, старое и оскорбленное мировое древо дрожит, и труба Хеймдаля, до тех пор хранившаяся в самой глубокой тени дерева, снова оказывается в руке бога, и при оглушающем мир звуке этой трубы семеро сыновей Мимера пробуждаются ото сна и вооружаются, чтобы принять участие в последней битве. Это должно закончиться победой добра; мировое древо снова зазеленеет и расцветет под опекой своих прежних хранителей; "тогда все злопрекратится, и Бальдер вернется". Таким образом, тевтонский миф о семи спящих наиболее тесно связан с мифом о возвращении мертвого Бальдра и других мертвецов из нижнего мира, с идеей воскресения и возрождения мира. Он является неотъемлемой частью великого эпоса тевтонской мифологии, и его нельзя было пощадить. Если мировому древу суждено состариться в течение исторической эпохи, и если нынешний период времени должен продвигаться к гибели, то это должно иметь свою эпическую причину в том факте, что хранители главного корня древа были оторваны ходом событий от своего важного занятия. Поэтому Мимер умирает; поэтому его сыновья погружаются в вековой сон. Но необходимо, чтобы они проснулись и возобновили свои занятия, ибо должно произойти возрождение, и мировое древо должно расцвести с новой свежестью.

Как в Германии, так и в Швеции до сих пор существует распространенное поверье, согласно которому "семь спящих" связаны с погодой. Если в день семи спящих пойдет дождь, то, согласно этому народному поверью, после этого дождь будет идти еще семь недель. Люди задавались вопросом, как предсказание погоды могло быть связано со спящими святыми, и на самом деле этот вопрос также был бы совершенно непонятен, если бы легенда имела христианское происхождение; но это удовлетворительно объясняется языческо-тевтонской мифологией, где семь спящих представляют те самые семь так называемых экономических месяцев - семь изменений погоды, которые привели к разделению года на месяцы —*gormanudr*, *frerm.*, *hrútm.*, *einm.*, *sólm.*, *selm.*, и *корнскурдарманудр*. Также считалось, что мореплавание находится под покровительством семи спящих, и это мы можем понять, если вспомним, что чертог сыновей Мимера, как считалось, находился рядом с фонтаном Хвергельмер и Гротом в шхерах, "опасным для моряков", и что они, как и их отец, любили мужчин. Поэтому Торкил, великий мореплаватель из саги, восхваляет Гудмунда-Мимера как защитника в опасностях.

Легенда сохранила обнаруженную в мифе связь между вышеуказанным значением и идеей воскресения мертвых. Но в мифе о семи сыновьях Мимера эта идея наиболее тесно связана с самим мифом и, следуя эпической логике, объединена со всей мифологической системой. С другой стороны, в легенде идея воскрешения используется в качестве товарного знака. Семеро мужчин в Эфесе погрузились в свой долгий сон и снова проснулись, чтобы предстать перед императором Феодосием и произнести проповедь, иллюстрированную их собственной судьбой, против ложного учения, которое пытается отрицать воскресение мертвых.

Грегориус говорит, что он первый, кто записал на латинском языке это чудо, ранее не известное Церкви Западной Европы. В качестве своего авторитета он цитирует "некоего сирийца", который интерпретировал для него эту историю. Кроме того, требовался человек с Востока в качестве авторитета, когда нужно было представить неизвестное до сих пор чудо - чудо, которое произошло в пещере близ Эфеса. Но нет абсолютных оснований предполагать, что Грегориус представляет историю своего собственного изобретения. Отсылка легенды к Эфесу объясняется античной вариацией саги об Эндимионе, согласно которой последний был приговорен к заточению и вечному сну в пещере на горе Латмос. Латмос находится к югу от Эфеса, и не очень далеко оттуда. Эта сага - древняя основная нить легенды, из которой вытекает

ее локализация, но не ее содержание и детали. Содержание позаимствовано из тевтонской мифологии. То, что Сирия или Малая Азия были сценой ее превращения в христианскую легенду, возможно, и неудивительно. Во время и сразу после того времени, к которому сама легенда относит воскрешение семи спящих, во времена Феодосия, римский Восток, Малая Азия, Сирия и Египет были полны тевтонских воинов, у которых там были постоянные квартиры. *Notitia dignitatum*, относящаяся к этому периоду, говорит о войсках готов, алеманнов, франков, шамавов и вандалов, которые располагали там постоянными военными квартирами. Тогда существовали *ala Francorum*, *cohors Alamannorum*, *cohors Chamavorum*, *ala Vandilorum*, *cohors Gothorum*, и, без сомнения, там, как и везде в Римской империи, большие провинции были колонизированы ветеранами Тевтонского ордена и другими иммигрантами. Мы также не должны упускать из виду, что легенда относит засыпание семерых мужчин ко временам Деция. Деций пал в битве с готами, которые несколько лет спустя вторглись в Малую Азию и захватили среди прочих мест также Эфес.

95.

ОБ АНТРОПОЛОГИИ МИФОЛОГИИ.

Приведенный сейчас отчет о мифах, касающихся нижнего мира, показывает, что иерологи и скальды нашего языческого мира разработали это учение проницательным образом, вплоть до мельчайших деталей. Нижний мир и его царство смерти были главными предметами, занимавшими их воображение. Многочисленные саги и предания, восходящие к языческим источникам и описывающие путешествия Свипдага, Хаддинга, Горма, Торкила и других туда, являются доказательством этого, а полное совпадение утверждений из совершенно разных источников относительно топографии нижнего мира и жизни там, внизу, показывает, что идеи были сведены в систематизированное и наглядное целое. Путешествия Свипдага и Хаддинга в нижний мир были включены в качестве эпизодов в великую эпопею о тевтонских патриархах, основные очертания которой я представил на предыдущих страницах. Это делается таким же образом, как посещения Улисса и Эния в нижнем мире стали частью великих греческих и римских эпических поэм.

При таких обстоятельствах может показаться удивительным, что исландские средневековые записи, касающиеся языческой веры в загробную жизнь, содержат утверждения, которые кажутся совершенно несовместимыми друг с другом. Ибо существует множество доказательств того, что считалось, что мертвые жили в холмах и скалах или в могильных холмах, где были похоронены их тела. Как это можно согласовать с доктриной о том, что умершие спускались в нижний мир и там были осуждены либо на обитель в Асгарде, либо в царствах блаженства в Аиде, либо в мире пыток?

На этот вопрос был дан слишком поспешный ответ о том, что утверждения не могут быть согласованы, и что, следовательно, языческо-тевтонские взгляды относительно судного дня в этой наиболее важной части религиозной доктрины не получили поддержки.

Причина неясности, однако, кроется не в самом вопросе, который никогда не был тщательно изучен, а в ложных предпосылках, из которых были сделаны выводы. Мифологи просто предположили, что популярный взгляд христианской церкви на земного человека, согласно которому он состоит из двух факторов, брэнного тела и нетленной души, был необходимым

условием для всякой веры в загробную жизнь, и что германские язычники, соответственно, также лелеяли эту идею.

Но эта двойственность не входила в веру наших языческих отцов. Дело также не в том, что человек, задумавший загробную жизнь, в связи с этим обязательно должен воспринимать душу как простой, неразрывный духовный фактор человеческой природы. Разделение на две части, *жизнь ок сала, ликамр ок сала*, тело и душу, пришло с христианством, и есть все основания предполагать, что у скандинавских народов само слово "душа", *sála, sál*, как и идея, которую оно представляет, является импортированным словом. В древнескандинавской литературе это слово впервые встречается у современника Олафа Трюгвесона Хальфреда, после того, как он был обращен в христианство. Тем не менее, это слово имеет тевтонский корень. Ульфилас переводит новозаветную *психику* с *сайвалы*, но это он делает, исходя из платоновского новозаветного взгляда на человека как состоящего из *трех* факторов: духа (*пневмы*), души (*психики*) и тела (*сомы*). Дух (*пневма*) Ульфилас переводит с помощью *ahma*.

Другое предположение, также неверное при оценке антрополого-эсхатологических верований германцев, состоит в том, что предполагается, что они проводили различие между материей и разумом, к чему пришли философы Запада в своих абстрактных исследованиях. Напротив, несомненно, что такое различие никогда не входило в систему языческих тевтонских воззрений. В нем все вещи были *материальными*, конечно, *эфни* или мелкозернистыми, осязаемыми или неосязаемыми, видимыми или невидимыми. Нетленные составляющие человека были, как и все тленное, *материальными*, и невозможно было представить силу, которая не была бы связана с материей, или выражала себя в материи, или *была* материей.

Языческая тевтонская концепция природы человека и составляющих ее факторов больше всего похожа на арийско-азиатскую, поскольку мы находим последнюю сохранившейся в традициях буддизма, которые предполагают наличие в человеке более трех факторов и отрицают существование души, если это означает, что все, что не является телесным в человеке, состоит из одного простого и, следовательно, неразрывного элемента - души.

Антропологическая концепция, представленная в *Völuspá*, заключается в следующем: Человек состоит из шести элементов, а именно: начинать с низшего и грубого и заканчивать высшим и благороднейшим:

- (1) Земная материя, из которой сформировано тело.
- (2) формирующая растительная сила.
- (3) и (4) Подарки Лодера.
- (5) Дары Хонера.
- (6) Дары Одина.

Слова Велуспы таковы: Боги

фунду а ланди
литт меганди
Спросите у Эмблы
орлауглаусы.

найденный на земле
с малой властью,
Спрашивай и Эмблу
без судьбы.

Аунд тау не атто,
это тау не хауфдо,
ла не лети,
не лито года.

Духа у них не было,
"одр" у них не было,
ни "ла", ни "лети",
ни формы богов.

Аунд гаф Один,
другой гаф Хенир,
ла гаф Лодур
ок лито года.

Дух дал Одина,
"одр" дал Хонера,
"ла" дал Лодера
и форму богов.

Два низших фактора, земной материал и растительная сила, уже были объединены в Аске и Эмбле, когда три бога обнаружили, что они "растут как деревья". Эти элементы смогли объединиться просто по воле природы, без какого-либо божественного вмешательства. Когда солнце впервые осветило с юга "камни зала", растительная сила соединилась с материей первобытного гиганта Имера, который был наполнен семенем жизни из молока Аудумблы, и тогда "земля заросла зелеными травами".

Таким образом, человек не был создан непосредственно из грубой земной материи, но уже был организован и сформирован, когда пришли боги и из деревьев создали людей с кровью, движением и духовными качествами. Растительную силу следует понимать не в соответствии с современными представлениями, как деятельность, отделенную от материи абстракцией и в то же время неразрывно связанную с ней, а как *активную материю* связанную с земной материей.

Первый дар *ла* с *лети* превращает Аска и Эмбу в животных существ. Мнение Эгильссона о том, что *lá* означает кровь, подтверждается связью, в которой мы находим это слово. *Лети* объединенное с *ла* (сравните родственное шведское слово "позже", манеры), означает способ, которым движется и действует сознательное существо. Кровь и сила добровольного движения были для германцев, как и для всех других народов, признаками, отличающими животный образ жизни от растительного. И, таким образом, мы уже находимся в области психических элементов. Унаследованные черты, рост, походка и поза, которые рассматривались как формирующие расовые и семейные типы, рассматривались как имеющие кровь как *эфни* и как скрытые в ней. Кровь, которая породила семейный тип, также породила семейные узы, даже если они не были приобретены в результате естественного процесса зарождения. Человек, никак не связанный с семьей другого мужчины, мог стать его *blódi*, его кровным родственником, если они решат это в *blanda blódi saman*. Таким образом, они вступили в одинаковые отношения друг к другу, как если бы у них были одни и те же мать и отец.

Лодер одновременно преподнес еще один подарок - *литр года*. Чтобы понять это выражение (до сих пор переводившееся как "хороший цвет лица"), мы должны иметь в виду, что германцы, подобно эллинам и римлянам, представляли богов в человеческом облике, и что образ, характеризующий человека, был создан одними богами до сотворения человека и изначально принадлежал богам. Для германских иерологов и скальдов, как и для греков и римлян, человек был создан *in effigiem deorum* и имел в своей природе божественный образ в истинном смысле этого слова, *литр года*. Этот *литр года* не был для германцев простой абстракцией или пустой формой, но сотворенным *эфни*, обитающим в человеке и придающим форму и характер земному телу, видимому глазом. Общепринятое значение слова *литр* - это нечто,

представляющееся глазу, но на самом деле не осязаемое руками. Готская форма слова — *wlits*, которую Ульфилла использует при переводе греческого *prosopon*- взгляд, видимость, выражение. Считалось, что определенные люди способны отделить свою *литру* от связи с другими факторами своего существования и одолжить ее, по крайней мере на короткое время, какому-нибудь другому человеку в обмен на свою. Это было вызвано к *скипта литум*, *виксла литум*. Это было сделано Сигурдом и Гуннараром в "Песне о Сигурде Фафнерсбейне" (i. 37-42). Тот фактор в существе Гуннара, который заставляет его земное тело представлять в глазах других людей особым индивидуальным образом, передается Сигурду, чья внешность, затронутая *литром* Гуннара, приспосабливается к последнему, в то время как духовное ядро личности Сигурда не претерпевает изменений.

Осветил Гуннарса
из лети ганса,
мальско тина
из мегингигиора (Sig., i. 39).

Таким образом, человек имеет внутри себя внутреннее тело, созданное по образу богов и состоящее из более тонкого материала, тело, которое является его *литром*, благодаря которому его более грубая скиния, созданная из земли, принимает ту форму, в которой она запечатлевается в умах других. Воспоминание о вере в это внутреннее тело сохранилось в более или менее искаженной форме в традициях, дошедших даже до наших дней (см., например, Hylltén-Cavallius, *Värend och Virdarne*, i. 343-360; Rääf в Смоланде, *Бескр. öfver Ydre*, p. 84).

Следовательно, внешний вид внешнего тела зависит от состояния *литры*, то есть внутреннего существа. У красивых женщин "веселый справедливый *литр*" (Havamál, 93). Эмоция оказывает влияние на *литр*, а через него - на кровь и внешний вид тела. Внезапный румянец, внезапная бледность являются одними из результатов этого и могут вызвать вопрос, *почему ты лит бругдит?*— Ты изменил свой *литр*? (Fornald., i. 426). Перевести это словами "Вы изменили цвет?" абсурдно. Спрашивающий видит изменение цвета, и ему не нужно спрашивать другого, который этого не видит.

Из-за его мифологического значения и применения вполне естественно, что слово *литр* в повседневной жизни приобретает, с одной стороны, значение цвета лица в целом, а с другой стороны, значение *хамр*, личины, земного одеяния, которое могли надевать и снимать люди, сведущие в магии. *Skipa litum*, *vixla litum*, во времена христианства использовались как синонимы *skipa hötum*, *vixla hötum*.

При физической смерти более грубые элементы природы земного человека отделяются от других составных частей. Скиния, созданная из земли, и соединенный с ней растительный материал устраниваются подобно животному элементу и остаются на земле. Но это не означает, что умерший без формы спускается в Ад. Форма, в которой они путешествуют по "глубоким долинам", пересекают тернистые поля, переходят вброд подземные реки или проезжают по покрытому золотом мосту Гьяллар, не является новым творением, но носилась ими на протяжении их земной карьеры. Это не может быть никто иной, как их *литр*, их *тень* и *имаго*. Это также отчетливо показывает, каким был умерший человек в своей земной жизни и какая забота была проявлена о его прахе. Мытье, расчесывание, одевание, украшения и снабжение Защитной обувью мертвого тела оказывают влияние на внешний вид человека в Аду, на его внешний вид, когда он должен предстать перед своим судьей.

Отделенный от земной стихии, от растительного материала и от крови, *лит* почти невесом и не обладает качествами для интенсивной жизни, ни в блаженстве, ни в муках. Пять верениц мертвецов, проехавших по мосту Гьяллар, произвели не больший шум, чем один Хермод, ехавший верхом на Слейпнере; и женщина, наблюдавшая за мостом, увидела, что внешность Хермода не была внешностью человека, отделенного от земной стихии. Это не было *литр даудра манна* (Гильфагининг). Но *литр* мертвых компенсирует то, что он потерял. Тем, кто на суде над *дауданом хверном* признан достойным блаженства, разрешается испить из рога, украшенного змеей-символом вечности, жидкости трех мировых источников, которые дают жизнь всему миру, и таким образом их *литр* приобретает более высокий уровень тела и более благородную кровь (см. № № 72, 73). Приговоренные к пыткам тоже должны пить, но это напиток *эйтри бландинн миок*, "сильно смешанный с ядом", и это *illu heilli*, то есть предупреждение о зле. Этот напиток также восстанавливает их организм, но только для того, чтобы заставить их почувствовать тяжесть пыток. Жизненная жидкость, которую они пьют из этого напитка, такая же, как та, которая, как считалось, течет в венах демонов пыток. Когда Хэддинг своим мечом ранит демоническую руку, которая хватается за Хардгреп, и разрывает ее на куски (см. № 41), из раны вытекает "больше яда, чем крови" (*plus tabi quam cruoris*-Саксон, *История.*, 40).

Когда Лодер подарил Аску и Эмбле *литр* года, внутреннее тело, сформированное по образу богов, тело, придающее их земной обители человеко-божественный тип, они получили от Хонера дар, который называется *одр*. По значению это слово наиболее близко соответствует латинскому *mens*, греческому *pous* (ср. Лексикон Вигфуссона) и означает тот материал, который формирует ядро человеческой личности, ее эго, и проявлениями которого являются понимание, память, фантазия и воля.

Вигфуссон обратил внимание на тот факт, что эпитеты *langifótr* и *aurkonungr*, "Длинноногий" и "Болотный король", применяемые к Хонер, применимы к аисту, и что это не может быть случайностью, поскольку само название *Hænir* предполагает птицу и связано с греческим *kuknos* и санскритским *sakunas* (*Corpus Poet. Bor.*, i. p. cii.).^[2] В этой связи следует иметь в виду, что аист даже по сей день считается священной и охраняемой птицей и что среди скандинавов и немцев до сих пор существует детская сказка, повествующая о том, как аист достает из какого-то пруда маленькие человеческие плоды и приносит их матерям. Сказка, которая теперь принадлежит детской, уходит своими корнями в миф, где Хонер дарит нашим прародителям тот самый дар, который в духовном смысле делает их людьми и содержит личное эго. Возможно и вероятно, что условия, необходимые для существования каждого человека, были задуманы как аналогичные условиям, сопровождавшим создание первой человеческой пары, и что дары, которые затем были даны богам Аску и Эмбле, считались повторяющимися в случае каждого из их потомков - следовательно, считалось, что Хонер постоянно активен таким же образом, как и при создании первой человеческой пары, давая материнскому плоду то эго, которое должно быть. Сам плод, из которого развивается ребенок, был задуман как выращенный на мировом древе, которое поэтому называется *manna mjötudr* (*Fjölsvinnsmaðr*, 22). Каждый созревший плод такого рода (*алдин*) (и упавший с ветвей мирового древа в мифический пруд [?]) подбирается крылатыми слугами богов и рождается в *поле* на материнских коленях после того, как Хонер мысленно оплодотворяет его.

Ut af hans (Mimameids) aldni
skal á eld bera
fyr kelisjúkar konur;
utar hverfa
thaz thær innar skyli,
sá er hann med mönnum mjötudr.

Выше, в № 83, было показано, что *Лодур* идентичен *Мундильфери*, добывающему огонь трением, и что *Хенир* и *Лодур* - братья Одина, также называемые *Вей* и *Вили*. Что касается последнего имени, следует отметить, что его значение "воля" развилось из значения "желание", "страстное желание", и что слово сохранило это старое значение также во вторичном значении *купидона*, *либидо*, сексуального желания. Этот эпитет *Лодурра* соответствует как природе даров, которыми он наделяет будущего человеческого ребенка, то есть крови и человеческой, изначально божественной, форме, так и его качеству производителя огня, если, как это вероятно, огонь трения имел то же символическое значение в тевтонской мифологии, что и в Ригведе. Как и Хонер, Лодер способствует сплочению человеческих поколений. В то время как первый оплодотворяет зародыш, развивающийся на мировом древе с помощью *одра*, он получает от Лодера тепло крови и человеческого организма. Выражение *Vilja byrdr*, "бремя Вили", "то, что произвел Вили", является с этой точки зрения удачно выбранным и в то же время двусмысленным перефразированием человеческого тела. Парафраза встречается в Инглингтале (Инглингасага, 17). Когда Висбур погибает в огне, о нем говорят, что огонь поглотил его *Вилья бирди*, его телесную жизнь.

К дарам Лодера и Хонера высший Аса-бог добавляет лучший элемент в человеческой природе, *öndond*, то есть дух, то, благодаря чему человеческое существо становится причастным божественному также во внутреннем смысле, а не только в плане формы. Божественное здесь, конечно, следует понимать в том смысле (далеко отличном от церковного), в котором оно использовалось нашими языческими предками, для которых божественное в том виде, в каком оно может проявляться в людях, главным образом заключалось в силе мысли, мужестве, честности, правдивости и милосердии, но которые не знали иного смирения, кроме как терпеливо переносить такие несчастья, которые не могут быть предотвращены человеческой изобретательностью.

Эти шесть элементов, объединенные в одну человеческую природу, конечно, постоянно находились во взаимной деятельности. Личностное ядро *одр* находится, с одной стороны, под влиянием *онд*, духа, а с другой стороны, животного, растительного и телесного элементов, и, поскольку личность наделена волей, она несет ответственность за результат этой взаимной деятельности. Если дух становится выше других элементов, тогда он проникает и освящает не только ядро личности, но также животные, растительные и телесные элементы. Тогда человеческая природа становится существом, которое можно назвать божественным и заслуживает божественных почестей. Когда такой человек умирает, низшие элементы, которые оставлены и отправлены в могилу, проникаются личностью, которой они служили, и становятся ее участниками, и впоследствии могут чудесным образом распространять счастье и благословения вокруг себя. Когда Хальфдан Черный умер, разные места боролись за сохранение его останков, и спор был урегулирован путем раздела тела между Хадалендом, Рингерике и Вестфолдом (Фагерскинна, Хеймскрингла). Растительная сила в останках определенных людей также может проявляться странным образом. Могильный холм Торгрима в

"Саге Жизель" всегда был зеленым с одной стороны, а могильный холм Лаугарбрекку-Эйнара был полностью зеленым и зимой, и летом (Landn., ii. 7).

Элементы мертвого, похороненного в могиле, продолжали более или менее длительное время свою взаимную активность и образовали своего рода единство, которое, будучи пронизано его *одром* и *ондом*, сохранило часть его личности и качеств. Таким образом, могильный холм мог содержать *альтер-эго* того, кто спустился в царство смерти. Это *альтер-эго*, названное в честь его жилища *хаугбуи*, жителем холмов, характеризовалось по своей природе как *драугр*, ветвь, которая, хотя и отрезана от своего жизненного корня, все еще сохраняет свою целостность, но постепенно, хотя и медленно, отдает дань разложению и продвигается к своему распаду. В христианские времена слово *draugr* приобрело дурное, демоническое значение, которое не принадлежало ему исключительно в языческие времена, если судить по составам, в которых оно встречается: *eldraugr*, *herdraugr*, *hirdidraugr*, которые использовались в перефразировании для обозначения "воинов"; *odaldraugr*, "законный владелец" и т. Д. *Альтер-эго* покойного, его представитель, обитающий в могиле, сохранил свой характер: был хорошим и добродушным, если покойный был таким при жизни; в противоположном случае - злым и опасным. Как правило, считалось, что он спит в своей могиле, особенно днем, но мог проснуться ночью, или его можно было разбудить под воздействием молитвы или силы заклинания. Призраками хорошего рода были *холлар веттур*, злого рода *уветтур*. Уважение к отцам и идея о том, что люди прошлого были более набожными и благородными, чем нынешние, привели к тому, что *альтер-эго* отцов считались благодетельными и работающими на благо расы, и по этой причине семейные могильные холмы, где покоились кости предков, обычно располагались рядом с домом. Если поблизости не было могильного холма, а была скала или возвышенность, то считалось, что *альтер-эго*, о которых идет речь, собирались там, когда надвигалось что-то важное для семьи. Могло также случиться, что низшие элементы, покинутые *одром* и *ондом*, стали *альтер-эго*, в котором исключительно утвердились растительные и животные элементы. Такого человека всегда мучила животная жажда еды, и, казалось, у него не было никаких чувств или воспоминаний об узах, связанных в жизни. Саксон (*Hist.*, 244) приводит ужасный отчет об одном из таких случаев. Два молочных брата, Асмунд и Ашвид, договорились, что если один умрет раньше другого, то оставшийся в живых должен запереться в могиле молочного брата и оставаться там. Ашвид умер и был похоронен вместе с лошадью и собакой. Асмунд сдержал свое обещание и приказал заточить себя в большой, вместительной могиле, но, к своему ужасу, обнаружил, что его молочный брат стал *хаугбум* из последнего названного вида, который, съев лошадь и собаку, напал на Асмунда, чтобы сделать его жертвой своего голода. Асмунд победил *хаугбум*, отрубил ему голову и пронзил сердце шестом, чтобы помешать ему снова ожить. Шведские авантюристы, вскрывшие могилу, чтобы разграбить ее, освободили Асмунда из тюрьмы. В таких случаях, как этот, следовало предположить, что низшие элементы умершего, отправленные в могилу, никогда при жизни не были в достаточной степени пропитаны его *одром* и *онд*, чтобы эти качества позволили трупу создать впечатление о разумной личности и человеческом характере умершего. Эта же идея лежит в основе веры славянских народов в вампира. В одном из таких существ растительный элемент, связанный с его прахом, все еще проявляет себя, так что волосы и ногти продолжают расти, как у живого существа, а животный элемент, который также продолжает действовать в погребенном, посещает его голодом и выгоняет ночью из могилы, чтобы высосать кровь оставшихся в живых родственников.

Настоящая личность умершего, тот, кто наделен *литром*, *одром* и *онд*, был и оставался в царстве смерти, хотя могли сложиться обстоятельства, которые призывали бы его вернуться на

короткое время. Напиток, который счастливый умерший получал в Аиде, предназначался не только для укрепления его сил, но и для утоления той тоски, которую могла вызвать в нем земная жизнь и ее воспоминания. Если горячо любимый родственник или друг слишком сильно оплакивал умершего, это горе нарушало его счастье в царстве смерти и могло вернуть его на землю. Затем он посещал свой могильный холм, и он и его *альтер-эго*, *хаугбуи*, становились единым целым. Так было в случае с Хельге Хундингсбейном (Helge Hund., ii. 40 и с.). Горе Сигрун, его возлюбленной, заставило его вернуться из Валхала на землю и отправиться верхом к своей могиле, где Сигрун пришла к нему и захотела отдохнуть в его объятиях ночью. Но когда Хельге сказал ей, что ее слезы болью пронзили его грудь, и заверил ее, что она ему чрезвычайно дорога, и предсказал, что они вместе испытают утешающие печаль жидкости нижнего мира, он снова отправился в путь, чтобы еще до пения петуха вернуться к ушедшим героям. Молитва была еще одним средством призыва мертвых обратно. У входа в гробницу своей покойной матери Свипдаг умоляет ее очнуться. Затем ее прах, хранящийся в погребальной камере (*эртил молдар эр комин*), и ее настоящая личность из царства смерти (*эр ор льодхеймум эр лидин*) объединяются, и Гроа обращается из могилы к своему сыну (Groa, i. 2). Третьим средством возвращения мертвых на землю было заклинание. Но такое использование заклинания было великим грехом, который низводил грешника до демонов. (Ср. отчет Саксо о Hardgrep.)

Таким образом, мы понимаем, почему мертвые спускались в Ад и все еще населяли могильные холмы. Один умер "для Ада" и "в могиле" одновременно. То, из чего состоял земной человек, в дополнение к его телесному облачению, не было простым существом, "душой", которая не может быть разделена, но существовала комбинация факторов, которые после смерти могли быть разделены, и из которых оставшиеся на земле, хотя они долгое время были оболочкой ядра личности (*одр*), могли сами в новой комбинации сформировать другое эго человека, спустившегося в Ад.

Но это тоже состояло из нескольких факторов, *литр*, *одр* и *онд*, и они не были неразрывно связаны. Мы уже видели, что грешник, приговоренный к пыткам, умирает второй смертью в нижнем мире, прежде чем пройти через врата На, смертью из Хель в Нифельхель, так что он становится *наром*, трупом в еще более глубоком смысле, чем тот, который *имеет нар* в физическом смысле. Вторая смерть, как и первая (физическая), должна состоять в отделении одного или нескольких факторов от умирающего существа. И во второй смерти то, что отделяется от проклятого и превращает его останки в *нар* нижнего мира, должно быть теми факторами, которые не имеют вины в связи с его грехами и, следовательно, не должны понести его наказания, и которые по своему происхождению слишком благородны, чтобы стать объектами практики демонов в искусстве пыток. Ядовитый напиток, который должен выпить проклятый человек, лишает его того образа богов, в котором он был создан, и духа, который был благородным даром Аса-отца. Превратившись в *монстра*, он идет навстречу своей судьбе, чреватой несчастьями.

Идея возрождения не была чужда вере язычников-тевтонов. Судя по очень немногим высказываниям, которые у нас есть по этому поводу, может показаться, что только самые лучшие и самые худшие, как считалось, рождались заново в современном мире. Гульвейг несколько раз рождалась заново силой своей собственной злой воли. Но только об идеальных людях говорят, что они рождены свыше — например, Хельге Хьорвардсон, Хельге Хундингсбейн и Олаф Гейрстадаральф, последний из которых, как считалось, воскрес в Святом Олафе. За

исключением Гульвейг, утверждения относительно других, относящиеся к христианским временам, являются отголоском языческой тевтонской доктрины, с которой было бы весьма интересно познакомиться поближе — также с точки зрения сравнительной арийской мифологии, поскольку эта же доктрина в высокоразвитой форме фигурирует в азиатско-арийской группе мифов.

Против РАСЫ ИВАЛЬДЕ.

96.

СВИПДАГ И ГРОА.

Сын Гроа Свипдаг упоминается под этим именем в двух древнескандинавских песнях, Grogalder и Fjölsvinnsmað, которые, как показал Бугге, взаимосвязаны и описывают эпизоды из одной и той же цепочки событий.

Состав Grogalder следующий:

Гроа мертва, когда происходят события, описанные в песне. Свипдаг еще довольно молод. Перед смертью она сказала ему, чтобы он сходил на ее могилу и позвонил ей, если ему понадобится ее помощь. Могила представляет собой погребальную камеру, сложенную из больших плоских камней, приподнятых над каменным полом и образующих, если смотреть снаружи, насыпь, снабженную дверью (стр. 1, 15).

Отец Свипдага женился во второй раз. Мачеха приказывает своему пасынку отправиться за границу и найти *Менглюдумов*, "тех, кто любит украшения". От Фьельсвиннсмала мы узнаем, что одна из тех, кого зовут этим именем, - молодая служанка, которая становится женой Свипдага. Ее настоящее имя не называется: ее постоянно называют *Менглюд*, Менглад, одна из "любительниц украшений", найти которую было приказано Свипдагу.

Эта задача кажется Свипдагу превышающей его полномочия. Должно быть, это было одно из великих приключений и больших опасностей, потому что теперь он считает, что настало подходящее время обратиться за помощью к своей покойной матери. Он стал подозревать намерения своей мачехи; он считает ее *lævis* (хитрой), а ее предложение - "жестоким игрой, которую она разыграла перед ним" (стр. 3).

Он идет в погребальную камеру Гроа, вероятно, ночью (*verda auflgari allir a nottum dauthir*—Helge Hund., ii. 51), просит ее проснуться и напоминает ей о ее обещании. То, что принадлежало Гроа, превратившейся в прах (*эр тил молдар эр комин*), и то, что принадлежало ей, покинувшей этот мир людей и ушедшей в нижний мир (*эр ор льодхеймум лидин*), снова объединяются под влиянием материнской любви и молитвы сына, и Свипдаг слышит из погребальной камеры голос своей матери, спрашивающий его, зачем он пришел. Он говорит о поручении, с которым его послала мачеха (стр. 3, 4).

Голос из могилы возвещает, что Свипдагу предстоит долгий путь, если он хочет достичь указанной цели. Это, однако, не советует ему послушаться приказа своей мачехи, но уверяет его, что если он будет терпеливо искать благоприятного исхода дела, то норна направит события в нужное русло (стр. 4).

Затем сын просит свою мать спеть над ним защитные заклинания. В мифологии она прославлена как могущественная в добрых заклинаниях. Именно Гроа пел исцеляющие заклинания над Тором, когда с раненым лбом он вернулся после битвы с великаном Хрунгнером (Гильфагом.).

Гроа слышит его молитву и поет из могилы заклинание защиты от опасностей, которые ее пророческое видение обнаружило в тех путешествиях, которые сейчас лежат перед Свипдагом: во-первых, заклинание, которое может вдохновить унылого юношу, которому не хватает уверенности в себе, на мужество и уверенность в собственных силах. Гроа говорит, что это то же самое заклинание, которое другая мать до нее пела над сыном, чья сила еще не была развита и которому предстояло выполнить такую же опасную задачу. Это заклинание, говорит Гроа, которое Ринд, мать Вейла, пропела над *Ранром*. Этот синоним Вейла представляет саговно-исторический интерес. Саксон называет Долину *Bous*, латинизированная форма Беовульфа, а могильный холм Беовульфа, согласно древнеанглийской поэме, носящей его имя, расположен на *Хронес несс*, владениях Рана. Здесь также указывается на связь между Вейлом и названием *Рар*.

Второе заклинание Гроа содержит молитву о том, чтобы, когда ее сын, лишенный радости, отправится в путь и увидит презрение и зло перед своими глазами, он всегда был защищен *локуром* Урд (двусмысленное выражение, которое, с одной стороны, может относиться к узам и замкам богини судьбы, с другой стороны, к собственной философской магической песне Гроа: *локур* означает как песни определенного рода, так и замки и тюрьмы).

В своем путешествии Свипдаг должен пересечь реки, которые из-за сильных наводнений угрожают его жизни; но третье заклинание Гроа приказывает этим рекам течь в Хель и впасть в ее сына. Реки, впадающие в Хель (*фалла тиль Хельяр хедан*—Гримнерсмаль, 28), являются подземными реками, берущими начало на горе Хвергельмер (59, 93).

Четвертое и пятое заклинания Гроа указывают на то, что Свипдаг должен столкнуться с врагами и быть закованным в цепи. Затем ее песни должны действовать таким образом, чтобы сердца врагов смягчились и привели к примирению, а цепи упали с конечностей ее сына. Для этой цели она дает ему ту силу, которая называется "*огнями* Лейфнира" (см. № 38), которая снимает оковы с зачарованных конечностей (стр. 9, 10).

Шестое заклинание Гроа призвано спасти Свипдага от гибели во время шторма на море. В великой мировой мельнице (*лудр*), которая производит водоворот, океанские течения, приливы и отливы (см. № 79-82), спокойствие и война должны гармонично "объединяться", быть к услугам Свипдага и готовить ему безопасное путешествие.

Седьмое заклинание, доносящееся из погребальной камеры, говорит о путешествии, которое Свипдаг должен совершить через гору, где царит ужасный холод. Песня написана для того, чтобы спасти его от тамошних морозов.

Последние два заклинания, восьмое и девятое, показывают то, что уже было предложено третьим, а именно, что полные приключений путешествия Свипдага должны увенчаться посещением нижнего мира. Он должен встретиться с Натом *Нифлвеги*, "на пути Нифель", "в стране Нифель". Слово *нифль* не встречается в древнескандинавской литературе, за исключением упоминания северной части Тевтонского Ада, переднего двора к тамошним мирам пыток. *Нифльхель* и *Нифльхейм* - это, как мы знаем, названия этого переднего двора. *Нифльфаринн* - это обозначение, как упоминалось ранее, умершего, душа которого спустилась в Нифельхель; *Нифльгодр* ничтожество, заслуживающее того, чтобы быть обреченным на муки нижнего мира. Восьмое заклинание Гроа призвано защитить ее сына от опасных последствий встречи с "мертвой женщиной" (*дауд кона*) во время его путешествия по Нифельхелю. Девятое заклинание показывает, что Свипдаг, пройдя путь всеверную часть нижнего мира, пересекает гору Хвергельмер и приходит в царство Мимера; ибо он должен встретиться и поговорить с "великаном, почитаемым оружием", самим Мимером, при обстоятельствах, которые требуют "языка и мозгов" от сына Гроа:

ef thú vid inn náddgöfga
ordum skiptir jötun:
máls ok mannvits
sé ther á Mimis hjarta
gnóga of getit.

В стихотворении *Fjölsvinnsmað*, которые я сейчас обсуждать, мы читаем в отношении *Svipdag* приключения в нижнем мире, что на своем пути в Мимер доменных ему довелось увидеть *ásmegir* по крепости и великолепные вещи в его стенах (ул. 33; СР. Постановление № 53).

97.

СВИПДАГ ЗА ВОРОТАМИ АСГАРДА. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЕНГЛАДА С ФРЕЙЕЙ.

В первых строфах "Фьельсвиннсмаля" мы видим, как Свипдаг направляется к цитадели, которая оборудована *форгордумом*, то есть крепостными валами перед воротами в стене, окружающей это место. На одном из этих валов стоит страж, который называет себя *Фьельсвинн*, что является эпитетом Одина (*Grimnersmað*, 47).

В первой строфе стихотворения упоминается Свипдаг *турса тьодар сьолр* (*сьоли*), "вождь народа Тура". Причина, по которой его можно было обозначить таким образом, уже была указана (см. № 24, 33): во время конфликтов между силами зимы и сыновьями Ивальде и связанной с ними расой, с одной стороны, и тевтонским патриархом Хальфданом, пользующимся благосклонностью богов-Асов, с другой стороны, Свипдаг выступил против последнего и в конце концов победил его (см. № 93).

Судя по тому, как Фьельсвин принимает путешественника, "лидеру турского народа" нет необходимости искать радушного приема за пределами такой цитадели, как эта. Фьельсвин называет его *флэгдом*, *варгрома* советует ему возвращаться "влажными путями", ибо в эту стену такое существо никогда не проникнет. Между тем в данном случае эти суровые слова, по-видимому, сказаны не совсем серьезно, поскольку сторож в то же время поощряет беседу, спрашивая Свипдага, в чем заключается его поручение. Последний поправляет сторожа за его грубый прием и объясняет, что он не может вернуться, потому что город, который он видит, - прекрасное зрелище, и там он смог бы прожить счастливую жизнь.

Теперь, когда сторож спрашивает его о родителях и семье, он отвечает загадками. Себя "вождем народа Турс", бывшего союзника сил мороза, он называет Виндколдом, своего отца он называет Спрингколдом, а своего деда Вериколдом (*Фьелькальдр*). Этот ответ дает ключ ко всему последующему разговору, в котором Свипдаг является вопрошающим, на вопросы которого сторож отвечает таким образом, что он дает людям и предметам названия, которые редко являются их обычными, но которые относятся к их качествам.

Что же это за замок, перед которым остановился Свипдаг и в стенах которого он вскоре найдет Менглада, которого ищет?

Правильный ответ на этот вопрос имеет огромное значение для правильного понимания событий мифологии и их связи. Как ни странно, до сих пор предполагалось, что замок является цитаделью великана, курортом турсес, и что Менглад - великанша.

Перед Свипдагом предстает сцена, которая завораживает его взгляд и наполняет желанием остаться здесь навсегда. Он говорит, что это удовольствие для глаз, от которого по доброй воле не отказывается тот, кто однажды увидел столь очаровательную вещь. На этой территории расположено несколько "залов", то есть больших резиденций или дворцов с их "открытыми дворами". Залы сверкают золотом, которое отбрасывает отражение на простирающиеся перед ними равнины (*гардар глоа мер тхиккья аф гулна сали*—ул. 5). Один из дворцов, самый великолепный (аудранн), окружен "мудрым Пламенем Вафер", и Фьельсвин говорит о нем, что с незапамятных времен среди людей ходили слухи об этом жилище. Он называет это *Хырр*, "радующий", "смеющийся", "будоражающий душу". За крепостной стеной возвышается холм или скала, которую автор песни задумал украсить цветами или каким-то другим восхитительным образом, поскольку он называет ее *радостной скалой*. Там прекрасный Менглад сидит, как истукан (*трума*), окруженный прекрасными девушками. Свипдаг здесь видит мировое дерево, невидимое на земле, раскидывающее свои ветви, усыпанные плодами (*алдин*), по всем землям. На дереве сидит петух *Видофнир*, все оперение которого блестит, как золото (str. 19, 22, 23, 31, 32, 35, 49).

Все это место окружено стеной, "такой прочной, что она будет стоять до тех пор, пока существует мир" (стр. 12). Он построен из конечностей Лербримера (Имера) и называется *Гастрофнир*, "тот самый, который отказывается впускать незваных гостей". В стену вставлены ворота, искусно сделанные сыновьями Солблинде, те самые, о которых я уже упоминал в № 36. Свипдаг, побывавший в нижнем мире и видевший там чертоги богов и хорошо укрепленный замок *смегир* (см. № 53), восхищается стеной и воротами и отмечает, что среди богов не было более опасных приспособлений (для незваных гостей), чем эти (стр. 9-12).

Ворота охраняются двумя "гармами", собаками-волками. Фьельсвин объясняет, что их зовут *Гифр* и *Гери*, что они должны жить и выполнять свой долг сторожевых псов до конца света (*унз рьюфаск регин*), и что они наблюдатели за наблюдателями, число которых одиннадцать (*вардир эллифу, эр их варда*— str. 14).

Точно так же, как мифическая личность, с которой Свипдаг встретился за пределами замка, названа эпитетом Одина *Фьельсвид*, так и здесь мы находим одну из сторожевых собак, названную в честь одного из волкодавов Одина, *Гери* (*Grimnersmal*, 19). Свою обязанность наблюдать, которая не прекращается до Рагнарека, они выполняют в связи с одиннадцатью мифическими личностями, обитающими в цитадели, которых самих называют *вардир*, эпитет божеств, защищающих мир. Хеймдаль - это *vördr goda*, *Balder is vördr Hálfðanar jarda* Число Асов - одиннадцать после того, как Бальдер спустился в нижний мир. Хиндлулджод говорит: *Во имя эллифу, асир талдир, Балдр эр хне из банатуфу*.

Эти волкодавы - враги великанов и троллей. Если *ветеран* придет туда, он не сможет пройти мимо них (ул. 16—*ok kemt thá vættr, ef thá kom*). Существа-тролли, которых называют *гифр* и *квельдридур* (*Völuspa*, 50; *Helge Hjórv.*, 15), и которые летают по воздуху с *лим* (связками палок) в руках, были сбиты этими собаками. Они превратили *гифр-лим* в "место крушения на суше" (*er gjordu gífrlim reka fyrir löndin*— str. 13). Поскольку одного из псов самого зовут *Гифр*, его способность, как и у тех, кого он преследовал, летать по воздуху, по-видимому, указывается. Старая традиция об Одине, который со своими собаками летает по воздуху над землей, уходит своими корнями в миф об обязанности Аса-отца, как повелителя небес, защищать пространство от *гифр*, *кведдридур*, *тунридур*, которые "*лейка а лопти*" творят свои пакости в воздухе (см. *Havamál*, 155).

Чертог, в котором живет Менглад, и та часть окруженных стеной владений, которая принадлежит ей, по-видимому, расположены прямо перед воротами, поскольку Свипдаг, стоящий перед ними, спрашивает, кто правит владениями, которые он видит перед собой, и Фьельсвин отвечает, что именно Менглад там правит, владеет землей и является хозяйкой сокровищниц.

Стихотворение самым безошибочным образом сообщает нам, что Менглад - асинджи, и что он один из самых благородных. "Как зовут, - спрашивает Свипдаг, - молодых женщин, которые так мило сидят вместе у ног Менглада?" Фьельсвин в ответ называет девять, среди которых богиня исцеления, *Эйр* (Прозаическая Эдда, i. 114), и дисес, *Хлиф*, "защитница", *Бьерт*, "сияющая", *Блид*, "веселая", и *Фрид*, "прекрасная". Их место у ног Менглада указывает на то, что они подчинены ей и принадлежат к ее слугам. Тем не менее, Фьельсвин уверяет нас, что они являются высшими существами, у которых есть святилища и алтари (стр. 40), и они обладают как силой, так и склонностью быстро помогать людям, которые приносят им жертвы. Нет, "с сынами человеческими не может случиться такого серьезного зла, чтобы эти служанки не смогли помочь им выйти из бедственного положения". Из этого с уверенностью следует, что их хозяйка Менглад, "любительница украшений", должна быть одной из самых высоких и почитаемых богинь в мифологии. И ни к одной из асинь эпитет "любительница украшений" (Менглад) не применим более, чем к прекрасной обладательнице первого среди женских украшений Брисингамена — Фрейе, чьих дочерей *Хносс* и *Герсами* называют именами, означающими "украшения", и о чьей любви к красивым драгоценностям говорят даже авторы христианских саг. Ни ко двору какой другой богини такие дисы, как *Бьерт*, *Блид* и *Фрид*, не

подходят так хорошо, как ко двору ее. И все, что Фьельсвиннсмаль рассказывает о Менгладе, согласуется с этим.

Фрейя была богиней любви, супружества и плодородия, и по этой причине ее считали божественной правительницей и помощницей, к которой любящие служанки, жены, которые должны были рожать детей, и больные женщины должны были обращаться с молитвами и подношениями. Образно это выражено во Фьельсвиннсмале словами о том, что каждая больная женщина, поднимающаяся на гору, на которой сидит Менглад, восстанавливает свое здоровье. "Эта гора издавна была радостью больных и раненых" (стр. 36). Великое дерево, листва которого раскинулась над дворцом Менглада, приносит плоды, которые помогают *келисджукар конур*, так что *утар хверва тхат тхэр иннар скайли* (стр. 22). Среди прекрасных дам, посещающих Менглад, в стихотворении также упоминается *Аурбода*, великанша, которая впоследствии становится свекровью брата Фрейи и чье появление в Асгарде в качестве служанки Фрейи и как одной из тех, кто приносит плоды с мирового древа *келисджукар конур*, уже упоминалось в № 35. Если мы теперь добавим, что Менглад, хотя и могущественная богиня, замужем за Свипдагом, который не является одним из богов, и что Фрейя, несмотря на свое высокое положение среди богинь, не имеет бога в качестве мужа, но, как выражает это Гильфагининг, *цыган теим манни эр Одр хейтир*, и, наконец, что отец Менглада характеризуется именем, которое отсылает к отцу Фрейи, Ньерду,^[3] тогда одних этих обстоятельств, без дополнительных и решающих доказательств, которые должны быть представлены по мере продвижения расследования, достаточно, чтобы сформировать прочную основу для установления личности Менглада и Фрейи, и, как необходимое следствие, для установления личности Свипдага и *Одра*, также называемого *Отт-Тарром*.

Великолепный замок, к которому "поднимался" Свипдаг, следовательно, является Асгардом, как ясно из самого его описания — с его сверкающим золотом дворцом, с его стеной, простоявшей до Рагнарека, с его художественными воротами, с его одиннадцатью стражами, с его Фьельсвином-Одином, с его асинье *Эйр*, с его доброжелательными и прекрасными дисес, которым поклоняются люди, с его двумя волкодавами, которые должны охранять мир, и которые очищают воздух *тунридура*, с его тенистой беседкой, образованной нависающими ветвями мирового древа, и с его златоперым петухом *Видофниром* (*Гуллинкамби Вельуспы*).

Свипдаг приходит как чужак к воротам Асгарда, и то, что он там видит, он никогда раньше не видел. Его разговор с Фьельсвином представляет собой серию любопытных вопросов относительно странных вещей, свидетелем которых он сейчас впервые становится. Его имя *турса тьодар шолр* указывает не только на то, что он чужак в Асгарде, но и на то, что он был врагом Асгардов. То, что он при таких обстоятельствах смог получить доступ к единственному пути, ведущему в Асгард, мосту Бифрост; что ему было позволено беспрепятственно подняться по этому мосту и приблизиться к воротам безнаказанно и не столкнуться с какими-либо другими неприятностями, кроме нескольких отталкивающих слов Фьельсвина, который вскоре меняет тон и сообщает ему такую информацию, какую он желает, — все это предполагает, что у мифологии должны были быть веские и удовлетворительные причины для того, чтобы допустить столь необычное событие. В нескольких отрывках из "Грогалдера" и "Фьельсвиннсмала" намекается, что силы судьбы избрали Свипдага для совершения экстраординарных поступков и достижения цели, достижение которой казалось невозможным. То, что норны преследуют перед ним какую-то особую цель и что Урд должна защищать его и направлять его путь невидимыми узами, какими бы непредсказуемыми они ни казались, все это проясняется

словами его матери Гроа в погребальной камере. И когда Свипдаг, наконец, видит, как Менглад спешит броситься в его объятия, он сам говорит, что это непреодолимый указ Урд, который сформировал все таким образом: *Урдар орди кведр энги мадр*. Но решимость Урд сама по себе не может быть достаточной причиной в эпосе для принятия Свипдага в Асгард и для обретения им, хотя он и не по происхождению Ас, исключительной чести и удачи - стать мужем прекраснейшей из асинь и одной из выдающихся богинь. Урд, должно быть, устроила цепочку событий таким образом, что Менглад *желает* обладать им, что Свипдаг заслужил ее любовь и что боги Аса считают лучшим для себя обезопасить этого своего противника узами родства.

98.

СВИПДАГ ПРИНОСИТ В АСГАРД МЕЧ МСТИ, ВЫКОВАННЫЙ ВОЛУНДОМ.

Самый важный вопрос, который Свипдаг задал Фьельсвину, - это, конечно, вопрос о том, может ли войти незнакомец. Ответ Фьельсвина сводится к тому, что это было и остается невозможным, если только незнакомец не принесет с собой определенный меч. Стена отталкивает незваного гостя; ворота крепко держат его, если он осмелится дотронуться до них; из двух волкодавов один всегда бодрствует, пока другой спит, и никто не может пройти мимо них без разрешения.

К этому заверению Фьельсвина добавляется серия вопросов и ответов, которые автор стихотворения спланировал с необычайной проницательностью. Свипдаг спрашивает, возможно ли, в конце концов, пройти мимо наблюдающих собак. В мире должно быть что-то достаточно деликатное, чтобы удовлетворить их аппетит и таким образом отвлечь их внимание. Фьельсвин признает, что есть два деликатеса, которые могли бы произвести такой эффект, но это кусочки мяса, которые лежат в конечностях петуха Видофнера (стр. 17, 18). Тот, кто может раздобыть их, может прокрасться мимо собак. Но петух Видофнер сидит высоко на вершине мирового древа и кажется недостижимым. Тогда есть ли, спрашивает Свипдаг, какое-нибудь оружие, которое может сразить его насмерть? Да, говорит Фьельсвин, такое оружие есть. Это было сделано за пределами врат На (*нагриндр*). Кузнецом был один *Лоптр*. У него (*Руинна*) украли это оружие, столь опасное для сверкающего золотом петуха, и теперь оно находится во владении *Синмары*, который спрятал его в сундук из прочного железа под девятью замками ньярда (стр. 25, 26).

Должно быть, было очень трудно и опасно отправиться в место, где *живет* Синмара, и попытаться сохранить оружие в таком хорошем состоянии. Свипдаг спрашивает, есть ли у кого-нибудь, кто готов попытаться это сделать, хоть какая-то надежда вернуться. Фьельсвин отвечает, что в лодыжках Видофнера (*велум*) находится яркая кость в форме крючка. Если кто-то сможет заполучить это, принести в *Лудр* (место мельницы нижнего мира), и отдать это *Синмаре*, тогда ее можно будет заставить расстаться с этим оружием (стр. 27-30).

Из этого следует, что условием, при котором Свипдаг может попасть в замок, где обитает Менглад, является то, что у него должно быть оружие, выкованное врагом богов, которого здесь называют *Лоптр*, и, таким образом, его следует сравнивать с Локе, который на самом деле носит этот эпитет. Если у него нет этого оружия, которое, несомненно, таит в себе опасность для богов и является единственным, способным убить сверкающего золотом петуха с мирового древа, то ворота цитадели ему не откроют, и сторожевые волкодавы не пропустят его через них.

Но Фьельсвин также указывает, что при обычных обстоятельствах и для того, кто не особо избран для этой цели Судьбой, совершенно невозможно обеспечить себе владение данным

мечом. Прежде чем Синмару удастся убедить одолжить его, необходимо снять Видофнера мертвым с ветвей мирового древа. Но чтобы убить петуха, нужно именно то оружие, с которым Синмару иначе нельзя заставить расстаться.

Между тем продолжение стихотворения показывает, что то, что было невозможно для всех остальных, Свипдаг уже совершил. Когда он стоит у ворот замка и разговаривает с Фьельсвином, меч у него на боку, и он прекрасно знает, что ворота откроются, как только ему захочется положить конец разговору с Фьельсвином и произнести его собственное имя. В тот самый момент, когда он это делает, ворота поворачиваются на своих петлях, могучие волкодавы приветствуют его (*фанья*), и Менглад, извещенный Фьельсвином о его прибытии, нетерпеливо спешит ему навстречу (стр. 42 и др.). "Фьельсвиннсмаль", что касается остроты сюжета и исполнения, - лучшая старинная поэма, дошедшая до нашего времени, но она была бы сведена к самой абсурдной бессмыслице, если бы меч не был во владении Свипдага, поскольку воротам никогда не суждено быть воздвигнутыми. открыт для всех, кроме того, кто принесет в замок Менглада меч, о котором идет речь.

Что касается меча, то теперь мы узнали:

Что это было сделано художником, который, должно быть, был врагом богов, поскольку Фьельсвин называет его *Локе-эпитетом Лоптр*;

Что место, где жил художник, когда создавал оружие, находилось *в нагриндре недан*;

Что, пока он жил там, и после того, как он закончил изготовление меча, у него его украли (*Лоптр руинн фыр нагриндр недан*);

Что он или те, кто украл его, должно быть, были тесно связаны с Натом и ночными демонами, поскольку с тех пор меч находился на хранении у ночного существа *Синмары*;

Что она считала его чрезвычайно ценным, а также опасным, если бы оно попало в неподходящие руки, поскольку она хранит его в "крепком железном сундуке" под девятью волшебными замками;

Что одиннадцать стражников, живущих в одном замке с Менгладом, считают крайне важным доставить меч за стены своего замка;

Что он обладает свойствами, не сравнимыми ни с каким другим оружием в мире: этот меч, и только он, может убить золотого петуха на мировом древе - качество, которое, по—видимому, указывает на то, что он угрожает существованию мира и богов.

Очевидно, что художник, изготовивший это несравненное и ужасное оружие, был одним из самых знаменитых кузнецов в мифологии. Теперь вопрос в том, достаточно ли информация, предоставленная нам Фьельсвиннсмалем в отношении него, чтобы мы могли с уверенностью определить, кто он такой.

В стихотворении он не назван ни одним из своих имен, но назван локи-эпитетом *Loptr*, "воздушный". Среди древних кузнецов, упомянутых в наших мифических фрагментах, есть один, который называет себя эпитетом *Vyrr*, "Ветер", что наводит нас на мысль об одном и том же

человеке — это Волунд. После того, как он во сне был взят в плен Мимер-*Нидадром* и его ньярианцами (см. № 87), он говорит, проснувшись:

Как ты относишься к
их любви
лучше Всего К сыму
, чем к микрофону бундо?

"Кто такие могущественные, которые узами (*besti*, дательный падеж от *böstr*) связали ветер (*laugdo sima a Byr*) и сковали меня?" Выражение подразумевает, что связать ветер так же легко, как и Волунда. Он также смог снова обрести свободу, несмотря на все предосторожности.

Согласно скандинавской версии саги о Волунде, одна из принятых мер предосторожности - перерезать ему сухожилия на коленях (стр. 17 и далее в прозе). Именно королева *Нидадра* является причиной такого жестокого обращения. Во Фьельсвиннсмале безымянная мифическая личность, лишившая "воздушного" его оружия, оставила его на хранение особе женского пола, *Синмаре*. Это имя состоит из *син*, что означает "сухожилие", и *мара*, что означает "тот, кто калечит". (*Мара* связано с глаголом *merja*, "калечить" — см. Статью Вигфуссона.) Таким образом, *Синмара* означает "тот, кто калечит, применяя насилие к сухожилиям". Таким образом, та, кого обозначают этим эпитетом во "Фьельсвиннсмале", сыграла ту же роль, что и королева Мимер-*Нидадра* в "Волундарквиде".

Мимер-*Нидадр*, который заключает в тюрьму Волунда и отнимает у него меч и несравненное нарукавное кольцо, является отцом Нат и ее сестер (см. № 85). Тот, кто грабит "воздушный" из его сокровищ была тесно связана с дисес ночи, иначе он бы не выбрали в качестве хранителя оружия *Sinmara*, чьи качества как существо ночи проявляется смыслинкуб *ноктюрны* которое является именем *Мара* приобрела. Во Фьельсвиннсмале (ул. 29) *Синмара* называется *hin fölvá ygr*, "великанша пепельного цвета" - обозначение, указывающее в том же направлении.

Ее также называют *Эйр аургласис* (стр. 28), выражение, которое, как я полагаю, было правильно истолковано как "дис сияющего нарукавного кольца" (ср. Бугге Эдда, стр. 348). В Волундарквиде дочь Мимер-*Нидадра* получает несравненное кольцо на руку Волунда.

Согласно Фьельсвиннсмалю, "воздушный" делает свое оружие *фюр нагриндр недан*. Значение этого выражения уже обсуждалось в № 60. Кузнец живет в морозном и туманном Нифельхейме, пока работает над мечом. Нифельхейм, земля *фюр нагриндр недан*, как мы уже знаем, является северной подземной границей владений Мимера. Два царства разделены горой Хвергельмер, на которой расположены врата Ан, и где находятся мировые мельницы, называемые *Эйлудром* и *Люддром*, имеющие свое основание (см. № № 59, 60, 79, 80). В его окрестностях, ниже южного склона горы Хвергельмер, находится чертог Нат (№ 84, 93). Согласно Фьельсвиннсмалю *Синмара* также обитает здесь. Ибо Фьельсвин говорит, что если Свипдаг хочет одолжить меч, который она хранит, он должен отнести вышеупомянутую крючковатую кость "к *Людру* и отдать ее *Синмаре*" (*льосан лья скалту и Людр бера Синмера в селье*—ул. 30). *Лудр*, подземная мировая мельница, которая стоит на горе Нида над Нат-холлом, дала свое название региону, где она находится. В "Волундарквиде" Мимер-*Нидадр* внезапно появляется со своей женой, дочерью и вооруженными ньярианцами в отдаленных холодных Волчьих долинах, где Волунд считает себя в безопасности, и никто не знает, откуда пришли его враги. Объяснение заключается в том, что "волчьи долины" героической саги в мифологии располагались в Нифельхейме, пограничной

стране царства Мимера. Подобно "воздушному", Волунд выковал свой меч *из нагриндра недана*; у последнего, как и у первого, оружие отобрал, как только оно было закончено, правитель нижнего мира, родственницы которого - дисы ночи; и в саге об одном, как и о другом, одна из этих ночных дисов нанесла увечье, повредив сухожилия.

Таким образом, мы также можем понять, почему Свипдаг должен пересечь Нифельхейм, "встретиться с Натом на Нифельвей", посетить мельницу миров, перейти вброд реки Хель и встретиться с самим Мимером, "почитаемым оружием". Если Свипдаг хочет заполучить меч, сделанный *Лоптр*, он должен рискнуть на эти приключения, поскольку меч хранится в нижнем мире у родственницы Мимер.

Таким образом, героическая сага о Волунде идентична мифу о создателе меча, который открывает Асгард для Свипдага. Первый, созданный во времена христианства, является лишь новой версией последнего. Волунд - враг богов, принц эльфов, который был глубоко оскорблен существами, более могущественными, чем он сам (№ 87). "Воздушный", должно быть, также враг богов, поскольку созданное им оружие опасно для золотого петуха мирового древа и покупается "одиннадцатью стражами" вместе с открытием врат Асгарда и отдачей Менглад в жены Свипдагу. О его опасности для Асгарда также должно свидетельствовать заявление Фьельсвина о том, что великолепный зал, называемый *Хырр*, "радующий", "будоражающий душу", зал, расположенный внутри крепостной стены, окруженный языками пламени, и который с незапамятных времен прославлялся среди людей, - что этот зал уже давно трепещет *от броддса Одди*, "на острие меча" (стр. 32). Здесь не может быть подразумевается какое-либо другое оружие, кроме того, которое таило в себе величайшую опасность для безопасности богов и которое наполняло их тревогой; и если мы не хотим отрицать, что в поэме есть смысл и связь, этот меч не может быть ничем иным, как тем, который сейчас находится при Свипдаге и который, будучи принесен в Асгард, избавляет богов от их беспокойства. И чтобы повторить сходство, Волунд, как и "Лоптр", делает своеоружие на северной границе владений Мимера; и когда меч закончен, он удивлен подземными силами. В саге о Лоптре, как и в саге о Волунде, упоминается великолепное нарукавное кольцо, и в обеих сагах а дис ночи получил это кольцо, чтобы носить его. В саге о Лоптре, как и в саге о Волунде, упоминается ночной дис, который повреждает сухожилия. А сам Волунд называет себя *Byrr*, "ветер", что является синонимом *Loptr*.

Таким образом, Свипдаг совершил путешествие в нижний мир, чтобы завладеть мечом Волунда, и ему это удалось.

99.

ОТЕЦ СВИПДАГА ОРВАНДЕЛЬ, ЗВЕЗДНЫЙ ГЕРОЙ. ОБЪЯСНЕНИЕ ЕГО ЭПИТЕТА СОЛЬБЬЯРТР.

Разговор между Фьельсвином и Свипдаг заканчивается, когда последний называет свое имя и просит первого спросить Менглад, хочет ли она обладать его любовью. Затем Менглад спешит встретиться с ним, но прежде чем она покажет, что чувствует к нему, он должен подтвердить своим собственным именем и именем своего отца, что он действительно тот, за кого себя выдает, — тот, по кому она так долго тосковала. Затем молодой герой говорит: *Свипдаг эх хейтир, Сульбьяртр хет минн фадир* (стр. 47).

Когда Фьельсвин спросил Свипдага, как звали его отца, он ответил: *Спрингколд, Варкальд* (ул. 6); и я уже изложил причину, по которой его так называли. Теперь он называет другое имя своего отца — *Сульбьяртр* — которое также является простым эпитетом, но все же, поскольку Свипдаг

должен здесь говорить прямо, это должно быть такое имя, которое может относиться к его отцу отчетливым и определенным образом.

Мать Свипдага, Гроа, была замужем за *Эрвандиллом хинном фрекни* (Младшая Эдда, 276-278). Эпитет *Сульбьяртр*, "тот, у кого яркость подобна яркости солнца", если он действительно относится к Орванделю, должен быть оправдан и объяснен чем-то, что мифология должна была сообщить о нем. Об Орванделе мы знаем из Младшей Эдды, что он и Гроа, по крайней мере, какое-то время, были хорошими друзьями Тора; что во время одной из своих экспедиций в Етунхейм, к северу от рек Эливагар, последний встретил Орванделя и перенес его в корзине с провизией через воду к себе домой; что Орвандель там отморозил палец на ноге; что Тор отломил его и в честь Орванделя подбросил в небеса, где он стал той звездой, которая называется *Палец Орванделя*. Из древних тевтонских названий звезд до нашего времени дошло очень мало, и естественно, что те, что сохранились сейчас, должны быть названиями созвездий или отдельных звезд, которые привлекали внимание своим внешним видом или особенно силой своего света. Одним из них был "Палец Орванделя". Под именем Орвандель (*Эарендель*) звезда была также известна среди тевтонов в Великобритании. После обращения в христианство они рассматривали звезду *Эарендель* как символ Христа. Церковь уже освятила такую точку зрения, применив ко Христу второе послание Петра i. 19: "У нас есть также более верное пророческое слово; хорошо, что вы внимаете ему, как светилу, сияющему в темном месте, доколе не забрезжит день и дневная звезда не взойдет в сердцах ваших". Утренняя звезда стала, как мы читаем в латинском гимне, "typus Christi".

Но было бы слишком поспешным выводом предполагать, что звезда Орванделя и утренняя звезда были идентичны в языческие времена. Все, что мы можем утверждать с уверенностью, это то, что первый, должно быть, был одним из самых ярких, поскольку само название *Эарендель* постепенно превратилось в древнеанглийском языке в абстрактное слово, означающее "великолепие".

В Экзонианском кодексе сохранился гимн Христу, вступительные строфы которого, по-видимому, заимствованы из языческого гимна Орванделю и были адаптированы для Христа с небольшими изменениями:

Эала эарендел
англа бехтаст,
офицер миддэнгард
моннум сенд
и содияста
суннан леома,
офицер тунглас
ту тида геване
из сильфума,
символ победы.

О Орвандель,
ярчайший из ангелов,
ты, кто из Мидгарда
послан людям,
ты истинный
луч солнца,
сияющий над
небесными огнями,
ты, кто всегда
от себя
излучает свет.

Из этой староанглийской песни следует, что орванделский эпитет *Sólbjartr* был в моде у саксонских племен в Англии. Мы находим очевидную интерпретацию эпитета во фразах, адаптированных к Эаренделю: "ярчайший (*беорхмаст*) из ангелов" и "истинный луч солнца".

То, что имя Свипдага было хорошо известно в Англии и что саксонская королевская династия причисляла его к своим мифическим предкам, может быть продемонстрировано генеалогией "Англосаксонской хроники". То, что Свипдаг с достаточной отчетливостью мог охарактеризовать своего отца как *Сульбьярта*, соответственно, объясняется тем фактом, что Орвандель - звездный герой и что звезда, носящая его имя, была одной из самых "ярких" на небесах и по блеску походила на "луч солнца".

100.

СВИПДАГ СПАС ФРЕЙЮ ИЗ РУК ВЕЛИКАНОВ. САКСОН НА ОТАРУСЕ И СИРИТЕ. СВИПДАГ ИДЕНТИЧЕН ОТАРУСУ.

Когда Менглад просит Свипдага назвать его расу и свое имя, она делает это, потому что хочет *яртегна* (юридического доказательства; сравните выражение *мед витнум ок джартегнум*), что он тот, чьей женой ее назначили норны (*эф эф вар тер кван из кведина*— стр. 46), и что глаза ее не обманули. Она также хочет узнать что-нибудь о его прошлой жизни, что могло бы подтвердить, что он Свипдаг. Когда Свипдаг назвал в качестве *яртегна* свое собственное имя и эпитет своего отца, он сделал лишь краткое заявление о своей прошлой жизни, но для Менглада это вполне достаточное доказательство его идентичности с ее предполагаемым мужем. Он говорит, что ветры гнали его по холодным тропам из отцовского дома в морозные регионы мира (стр. 47). Использованное им слово "водила" (*река*) подразумевает, что он не покидал свой дом спонтанно, и этот факт мы также узнаем в Грогалдере. По приказу своей мачехи и вопреки собственной воле он отправляется на поиски Менглэд, "женщин, любящих украшения". Его ответ далее показывает, что после того, как он покинул дом своего отца, он совершал путешествия по самым морозным регионам мира. Такими регионами являются Йотунхейм и Нифельхейм, который фактически считался подземной частью Йотунхейма (см. № 59, 63).

Менглад с нетерпением ждал того дня, когда придет Свипдаг. Ее настроение, когда Свипдаг видит ее за крепостной стеной, сидящей на "радостной горе" в окружении асиньес и дисес, описывается в стихотворении глаголом *thrum*, "погружаться в летаргическое, мечтательное состояние". Когда Фьельсвин подходит к ней и просит "взглянуть на незнакомца, который, возможно, Свипдаг" (стр. 43), она просыпается в сильной агонии и на мгновение едва может контролировать себя. Когда она убеждается, что ее не обманули ни слова Фьельсвина, ни ее собственные глаза, она тут же скрепляет приход юноши поцелуем. Слова, которые стихотворение заставляет произносить ее губы, свидетельствуют, как и ее поведение, о том, что это не первая их со Свипдагом встреча, но что это "встреча снова", и что она задолго до этого знала, что обладает любовью Свипдага. Она говорит не только о своей тоске по нему, но и о его тоске и любви к ней (стр. 48-50) и счастлива, что "он снова пришел в ее чертоги" (*в thu est aprt komin, mögr, til minna sala*— стр. 49). Это "снова" (*back*), указывающее на предыдущую встречу Менглада и Свипдага, встречается во всех рукописях Фьельсвиннсмала, и то, что оно не было добавлено каким-либо "улучшателем", пытающимся исправить размер текста, подтверждается тем фактом, что размер был бы улучшен из-за отсутствия слова *aptr*.

Между тем из Фьельсвиннсмала с уверенностью следует, что Свипдаг никогда раньше не видел замок, в стенах которого у Менглада есть *рики, принадлежащий аудселуму* (стр. 7, 8). Он стоит перед его воротами, как удивленный незнакомец, и задает Фьельсвину вопрос за вопросом относительно замечательных достопримечательностей, открывающихся его глазам. Из этого

следует, что у Менглад не было своих покоев в этой цитадели, а она жила где-то в другом месте в то время, когда она в предыдущий раз встретила Свипдага и убедилась, что он любит ее.

В этом другом месте она, должно быть, жила, когда мачеха Свипдага приказала ему найти *Менглодума*, то есть Менглада, но также и кого-то еще, к кому мог бы относиться эпитет "украшающий". Это подтверждается тем фактом, что другой человек, к которому относятся слова Грогалдера, вообще не упоминается во *Фьельсвиннсмале*. Очевидно, что произошло много событий и что Свипдаг пережил много приключений между эпизодом, описанным в "Грогалдере", когда его мачеха только что приказала ему найти "эти любящие украшения", и эпизодом во *Фьельсвиннсмале*, когда он снова ищет Менглада в самом Асгарде.

Где он мог встречаться с ней раньше? Было ли когда-нибудь время, когда Фрейя не обитала в Асгарде? Вельюспа отвечает на этот вопрос, как мы знаем, утвердительно. Однажды произошло событие, угрожающее богам и существованию мира: богиня плодородия и любви попала во власть великанов. Затем все высшие святые силы собрались, чтобы обсудить, "кто смешал воздух с тлением и отдал служанку Од расе великанов". Но ни в одной из наших исландских мифологических записей не упоминается, как и кем Фрейя была освобождена из рук сил мороза. Под именем Свипдаг наш герой упоминается только в "Грогалдере" и "Фьельсвиннсмале"; все, что мы узнаем о нем под именами *Одр* и *Отт-Тарр*, это то, что он был любовником и мужем Фрейи (Волюспа, Хиндлулиод); что он ушел далеко-далеко; что Фрейя тогда плакала о нем, что ее слезы стали золотыми, что она искала его среди неизвестных народов, и что в своих поисках она принимала много имен: *Марделл*, *Херн*, *Гефн*, *Сыр* (Младшая Эдда, 114). Чтобы получить дополнительные сведения о мифе о Свипдаге, мы должны обратиться к Саксу, где имя Свипдаг следует искать как Свипдагерус, *Оттар* как Отарус или Хотхарус, а *Одр* как Отерус или Хотерус.^[4]

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Отарус Саксона - фигура, заимствованная из мифологии и связанных с ней героических саг, поскольку в первых восьми книгах его *Истории* не может быть показано ни одного человека, которого изначально не было бы в мифологии. Но мифические записи, дошедшие до нашего времени, знают только одного *Оттаттарра*, и именно он завоевал сердце Фрейи. Одно это делает долгом мифолога следовать данному здесь намеку и посмотреть, подтверждает ли то, что Саксон рассказывает о своем Отаре, его идентичность со Свипдаг-Оттаром.

У датского короля Сивальда, по словам Саксона, была необыкновенно красивая дочь Сирита, которая попала в руки великана. Произошло это следующим образом: женщине, у которой было тайное соглашение с великаном, удалось втереться в доверие к Сирите, стать ее служанкой и заманить ее туда, где в засаде лежал великан. Последний поспешил увести Сириту и спрятал ее в дикой горной местности. Когда Отарус узнал об этом, он отправился на поиски молодой девушки. Он посетил каждое углубление в горах, нашел девушку и убил великана. Сирита была в странном состоянии, когда Отарус освободил ее. Великанша скрутила и прижала ее локоны так, что они образовали у нее на голове одну жесткую массу, которую едва ли можно было расчесать иначе, как с помощью железного инструмента. Ее глаза смотрели апатично, и она ни разу не подняла их, чтобы посмотреть на своего освободителя. Отарус была полна решимости вернуть непорочную девственницу ее родственникам. Но холодность и безразличие, которые она, казалось, проявляла по отношению к нему, были выше его сил, и поэтому он бросил ее по дороге. Когда она теперь бродила одна по пустыне, она пришла в

обитель великанши. Последняя заставила девушку пасти своих коз. И все же Отарус, должно быть, пожалел, что бросил Сириту, потому что отправился на ее поиски и освободил ее во второй раз. Мифическая поэма, из которой Саксон позаимствовал свою историю, должно быть, содержала песню, воспроизведенную им в латинском пересказе, в которой Отар объяснялся Сирите в своей любви и просил ее, "которую он так много выстрадал, ища и найдя", взглянуть ему в глаза в знак того, что под его защитой она готова вернуться к своему отцу и матери. Но ее глаза постоянно смотрели в землю, и, по-видимому, она оставалась такой же холодной и безразличной, как и раньше. Затем Отарус бросил ее во второй раз. Из повествования следует, что тогда они находились недалеко от границы, отделяющей Йотунхейм от других миров мира. Отарус пересек ту воду, которая в старых записях, вероятно, называется реками Эливагар, на противоположном берегу которой находился дом его отца. О Сирите Саксон, с другой стороны, осторожно и туманно говорит, что "она, как это иногда случалось в древности, поспешила далеко вниз по скалам" — *еще приштино декурсис поздний скопулис (Hist., 333)* — выражение, которое заставляет нас предположить, что в мифическом повествовании она улетела в облике птицы. Тем временем судьба привела ее в дом родителей Отарус. Здесь она представляла себя бедной путешественницей, рожденной от родителей, у которых ничего не было. Но ее изысканные манеры противоречили ее заявлению, и мать Отаруса приняла ее как знатную гостью. Сам Отарус уже вернулся домой. Она думала, что сможет остаться неизвестной для него, никогда не поднимая вуали, которой прикрывала лицо. Но Отарус хорошо знал, кто она такая. Чтобы выяснить, действительно ли она испытывала к нему так мало чувств, как, казалось, указывали ее манеры, была устроена фиктивная свадьба Отаруса с молодой девушкой, чье имя и положение Саксон не упоминает. Когда Отарус подошел к брачному ложу, Сирита, вероятно, была рядом с ним в качестве подружки невесты и несла свечу. Свет или пламя догорело, так что огонь коснулся ее руки, но она не почувствовала боли, потому что в ее сердце была еще более жгучая боль. Когда Отарус затем попросил ее позаботиться о своей руке, она наконец подняла взгляд от земли, и их глаза встретились. С тех пор чары, наложенные на Сириту, были разрушены: стало ясно, что они любили друг друга, и притворная свадьба Сириты и Отаруса превратилась в настоящую. Когда ее отец узнал об этом, он чрезвычайно разгневался; но после того, как его дочь дала ему полное объяснение, его гнев превратился в доброту и милосердие, и после этого он сам женился на сестре Отаруса.

Что касается человека, заманившего Сириту в ловушку, расставленную великаном, Саксон не совсем уверен, что это была женщина. Другие думают, говорит он, что это был мужчина в женском обличье.

То, что в этом повествовании встречаются два имени, Отарус и Сирита, которые, по-видимому, отсылают к мифу о Фрейе, уже давно привлекло внимание мифологов. Отарус, без сомнения, является латинизированной формой Оттара, и, как хорошо известно, единственный, кто носил это имя в мифологии, является, как уже говорилось, любовником и мужем Фрейи. Сирита, с другой стороны, может быть латинизированной формой эпитета Фрейи *Syr*, в котором Саксон предположительно предположил, что нашел сокращенную форму *Syri* (Сири, Сигрид). В повествовании Саксона Сириту похищает великан (*gigas*) с помощью союзника, которого он нашел среди приближенных Фрейи. В мифологии Фрейя похищена великаном, и, как явствует из слов Велуспы, также с помощью какого-то союзника, который был на службе у Фрейи, поскольку там сказано, что боги держат совет относительно того, кто бы это мог быть, кто "отдал" Фрейю расе великанов (*хверр хефди этт йотунс Эдс мей гефна*). В Саксонии Отарус имеет более низкое происхождение, чем Сирита. Саксон сделал его не сыном короля, а

юношей скромного происхождения по сравнению со своей невестой; и его смелость равняться на Сириту, замечает Саксон, может быть объяснена только великими деяниями, которые он совершил, или тем, что он полагался на свои приятные манеры и красноречие (*sive gestarum rerum magnitudine, sive comitatus et facundiae fiducia accensus*). В мифологии *Одр* был более низкого происхождения, чем Фрейя: по рождению он не принадлежал к числу высших богов; и Свипдаг, как мы знаем, никогда не видел Асгарда до того, как прибыл туда при обстоятельствах, описанных во Фьельсвиннсмале. То, что прекраснейшая из всех богинь и вторая по рангу после одной только Фригг, та, кого особенно желают все силы, сестра бога урожая Фрея, дочь Ньерда, бога богатства, та, кто вместе с Одним разделяет привилегию выбирать героев на поле битвы, что она не становится женой бога—Аса, но "замужем за человеком по имени *Одр*", уже давно было бы выбрано мифологами в качестве вопроса, одновременно интересного и достойного исследования, если бы они уделяли какое-либо внимание эпической связности и логике развития событий. предпосылки и *развязка* в мифологии в связи с рассуждениями о значении мифов как символов природы или об их этическом значении. Тогда, несомненно, было бы достигнуто мнение, что этот *Одр* в мифологическом эпосе, должно быть, был автором подвигов, которые уравнивали его более скромное происхождение, и мифологи, таким образом, были бы вынуждены направить расследование прежде всего на вопрос, не нашла ли Фрейя, которая, как мы знаем, некоторое время находилась во власти гигантов, но была спасена оттуда, своего освободителя в этом самом *Одре*, который впоследствии стал ее мужем, и не *Одр* именно этим поступком завоевал ее любовь и получил право чтобы добиться ее руки.

Приключение, о котором рассказывает Саксо, на самом деле вписывается само в себя и заполняет пробел в той цепи событий, которые являются результатом анализа Грогалдера и Фьельсвиннсмала. Мы понимаем, что молодой Свипдаг встревожен и считает возложенную на него мачехой задачу найти Менглада слишком сложной для его сил, если необходимо искать Менглада в Етунхейме и спасти ее оттуда. Мы понимаем, почему по прибытии в Асгард его так любезно принимают, после того, как он прошел формальности, назвав свое имя, когда мы знаем, что он приходит не только как внушающий страх обладатель меча Волунд, но и как тот, кто вернул Асгарду самую милую и красивейшую асинею. Тогда мы можем понять, почему ворота, которые крепко держат каждого незваного гостя, открываются перед ним как бы сами по себе, и почему свирепые волкодавы лижут его. То, что его слова: *тадан* (из дома своего отца) *ракумк винда калда вегу*, являются для Менглада достаточным ответом на ее вопрос о его предыдущих путешествиях, можно понять, если Свипдаг, как Оттар, искала Менглада в морозных восточных горных районах Етунхейма в поисках Менглада; и тогда мы можем видеть, что Менглад во Фьельсвиннсмале может говорить о своей встрече со Свипдагом у ворот Асгарда как о "встрече снова, - хотя Свипдаг никогда раньше не бывал в Асгарде. И то, что Менглад принимает его как мужа, за которого она уже замужем, с которым теперь она должна быть "соединена навсегда" (Фьельсвиннсмаль, 58), также объясняется импровизированной свадьбой, которую Отарус отпраздновала с Сиритой, прежде чем она вернулась к своему отцу.

Идентичность Отаруса с *Оттара-Одр-Свипдагом* из мифологии также вытекает из того факта, что Саксон называет его отцом Эббо, который, как доказывает сравнительное исследование, идентичен отцу Свипдага Орванделю. Об имени Эббо и человеке, которому оно принадлежит, мне будет что сказать в № 108 и 109. Здесь следует отметить, что если Отарус идентичен Свипдагу, то его отец Эббо, как и отец Свипдага, должен фигурировать в истории мифического патриарха Хальфдана и быть врагом последнего (см. № 24, 33). Это тоже имеет место. Саксо выводит Эббо на сцену в роли врага Хальфдана Бергграма (*История.*, 329, 330). Женщина, Гроа,

является причиной вражды между Хальфданом и Орванделем. Женщина, Сигрута, является причиной вражды между Хальфданом и Эббо. В одном отрывке Хальфдан отнимает у Орванделя его невесту Гроа; в другом отрывке Хальфдан отнимает у Эббо его невесту Сигруту. В третьем отрывке из его *Истории* (стр. 138) Саксон записал предание о том, что Хорвендилл (Орвандель) был убит соперником, который забрал его жену, которую там звали Герута. Хальфдан убивает Эббо. Таким образом, ясно, что одна и та же история рассказана об отце Свипдага Орванделе и об Эббо, отце Отаруса, и что Гроа, Сигрута и Герута - это разные версии одного и того же вида растительности.

Согласно Саксону, отец Сириты впоследствии был женат на сестре Отаруса. В мифологии отец Фрейи Ньерд женится на Скаде, которая является приемной сестрой и *систрунгой* (дочерью сестры) Оттар-Свипдага (см. № 108, 113, 114, 115).

Фамилия Фрейи *Херн* (также *Хорн*), возможно, объясняется тем, что Саксон рассказывает о манере гиганта обращаться с ее волосами, которые он превращал в одну спутанную, жесткую массу. С мифом о локонах Фрейи мы должны сравнить миф о волосах Сиф. Волосы обеих этих богинь находятся в руках гигантов, и можно предположить, что оба мифа символизировали какую-то особенность природы. Акт насилия Лока над волосами Сиф был совершен благодаря мастерству и доброй воле древних художников Синдре и Брока (Младшая Эдда, i. 340). Что касается локонов Фрейи, возможно, было использовано мастерство "карлика", поскольку Саксон рассказывает, что для разделения и расчесывания жестких, как рог, косичек был необходим железный инструмент. В списке древних художников Велуспы есть кузнец по имени *Хорнбори*, который, возможно, имеет какое-то отношение к этому.

В № 35 уже приводились доводы в пользу теории о том, что именно Гульвейг-Хайд предала Фрейю и отдала ее в руки гигантов. Когда Саксон говорит, что это предательство было совершено женщиной, но также предполагает возможность того, что это был мужчина в женском обличье, то это тоже объясняется мифологией, в которой Гульвейг-Хайд, как и ее коллега-преступник, имеет андрогинную природу. Локе становится "обладателем злой женщины" (*квидугр аф кону иллри*). В Фьельсвиннсмале мы снова встречаемся с Гульвейг-Хайд, рожденной свыше и названной Аурбодой, в качестве одной из служанок Фрейи, в милости которой она находится во второй раз.

101.

СВИПДАГ В РАССКАЗЕ САКСОНА О ХОТЕРЕ.

От параллельного имени Отарус мы должны обратиться к другому параллельному имени Хотерус. Уже было показано, что если синоним *Svipdag Odr* встречается в *Saxo*, то он, должно быть, был латинизирован в *Otherus* или *Hotherus*. Последняя форма действительно найдена, но при обстоятельствах, требующих тщательного расследования, поскольку в том, что Саксон рассказывает об этом Хотере, он, насколько это возможно, объединил наброски и эпизоды двух разных мифических персонажей, и поэтому необходимо разделить эти различные элементы, заимствованные из разных источников. Одна из этих мифических личностей - *Хедр*, бог Аса, а другая - *Одр*-Свипдаг. Таким образом, исследование в то же время внесет вклад в исследования, касающиеся оригинальных записей мифа о Бальдре.

Рассказ Саксона о Хотере (*Hist.*, 110 и далее) выглядит следующим образом:

Хотерус, сын Хотброта (Hödbrodd), воспитывался в доме отца Нанны, короля Геварра (Gevarr; см. № 90-92), и вырос статным юношей, выделяющимся среди сверстников своими достижениями. Он умел плавать, был превосходным лучником и боксером, а его мастерство игры на различных музыкальных инструментах было настолько велико, что он держал человеческие страсти под своим контролем и мог по своему желанию вызывать радость, печаль, сочувствие или ненависть. Нанна, дочь Геваруса, влюбилась в высокоодаренного юношу, а он в нее.

Тем временем судьба распорядилась так, что Бальдер, сын идола Одина, тоже влюбился в Нанну. Однажды он видел, как она купалась, и был ослеплен великолепием ее конечностей. Чтобы устранить самое опасное препятствие между собой и ней, он решил убить Хотеруса.

Когда Хотерус в туманный день охотился в лесу, он заблудился и пришел к дому, где сидели три лесные нимфы. Они приветствовали его по имени и в ответ на его вопрос сказали, что они служанки, которые определяют события битвы и даруют поражение или успех на войне. Невидимые, они приходят на поле боя и тайно оказывают помощь тем, кому хотят оказать услугу. От них Хотерус узнал, что Балдер был влюблен в Нанну, но они посоветовали ему не прибегать к оружию против него, ибо он был полубогом, рожденным от сверхъестественного семени. Сказав это, они и дом, в котором их нашел Хотерус, исчезли, и, к своей радости, он обнаружил, что стоит в поле под открытым небом.

Вернувшись домой, он рассказал Гевару о том, что видел и слышал, и сразу же потребовал руки его дочери. Геварус ответил, что ему было бы приятно увидеть Хотеруса и Нанну вместе, но Балдер уже обращался с аналогичной просьбой, и он не осмелился навлечь на себя гнев последнего, поскольку даже железо не могло причинить вреда созданному телу полубога.

Но Геварус сказал, что знает о мече, которым можно убить Бальдра, но он лежит запертым за самыми прочными решетками, и место, где он находится, едва ли доступно смертным. Путь туда — если можно употребить выражение "туда, где не проложена дорога", — полон препятствий и ведет по большей части через чрезвычайно холодные регионы. Но за спинами быстрых оленей нужно уметь безопасно перебираться через ледяные горные хребты. Тот, кто хранит меч, — лесное существо Мимингус, у которого также есть чудесное нарукавное кольцо, приносящее богатство. Если Хотерус доберется туда, он должен разместить свою палатку таким образом, чтобы ее тень не падала на пещеру, где живет Мимингус, потому что при виде этого странного затмения последний отошел бы еще дальше в гору. Соблюдая эти правила предосторожности, меч и нарукавное кольцо, возможно, удастся сохранить. Меч такого рода, что победа всегда сопутствует ему, и его ценность неоценима.

Хотерусу, который тщательно следовал совету Геваруса, удалось завладеть мечом и кольцом, которые Мимингус, застигнутый врасплох и связанный Хотерусом, передал в качестве выкупа за свою жизнь.

Когда Гелдер, король Саксонии, узнал, что сокровища Мимингуса были разграблены, он решил начать войну против Хотеруса. Знающий Геварус предвидел это заранее и посоветовал Хотеру терпеливо принимать дождь дротиков от врага в битве, и не метать свои собственные дротики до того, как запасы оружия противника будут исчерпаны. Гелдер был побежден, и ему пришлось

молиться о мире. Хотерус принял его самым дружелюбным образом, и теперь он покори́л его своей добротой, как раньше покори́л хитростью воина.

УХотеруса также был друг в Хельго, короле Халогаланда. Вождь финнов и бьярмийцев Кусо (Гузе) был отцом Торы, руки которой Хельго добивался через гонцов. Но у Хельго был такой уродливый шрам на губах, что ему было стыдно разговаривать не только с незнакомцами, но и со своими домочадцами и друзьями. Кусо уже отклонил его предложение руки и сердца, но теперь, когда он обратился к Хотерусу с просьбой о помощи, последнему удалось добиться слушания у финского вождя, так что Хельго получил жену, которую он так сильно желал.

Пока это происходило в Халогаленде, Бальдер вторгся на территорию Геваруса с вооруженными силами, чтобы потребовать руки Нанны. Геварус направил его к своей дочери, которой было позволено самой определять свою судьбу. Нанна ответила, что она слишком скромного происхождения, чтобы быть женой мужа божественного происхождения. Геварус сообщил Хотерусу о случившемся, и последний посоветовался с Хельго относительно того, что теперь делать. Обдумав различные вещи, они, наконец, решили начать войну.

И это была война, в которой, как следует думать, люди сражались с богами. Ибо Один, Тор и воинство, освященное богами, сражались на стороне Бальдра. У Тора была тяжёлая дубина, которой он крушил щиты и кольчуги и убивал всех перед собой. Хотерус увидел бы свою отступающую армию побежденной, если бы ему самому не удалось остановить продвижение Тора. Одетый в непробиваемую кольчугу, он выступил против Тора и ударом своего меча отрубил рукоять от дубинки Тора и сделал ее непригодной для использования. Тогда боги обратились в бегство. Вслед за этим воины Хотеруса бросились на флот Бальдра, уничтожили и потопили его. В той же войне Гелдер пал, и его тело было положено на его корабле на груды павших воинов и сожжено, но впоследствии его прах был с большой торжественностью захоронен в великолепном могильном холме Хотером, который затем вернулся в Геварус, отпраздновал свою свадьбу с Наной и преподнес великолепные подарки Хельго и Торе.

Но у Бальдра не было мира. Была объявлена еще одна война, и на этот раз Бальдр вышел победителем. Побежденный Хотерус укрылся у Геваруса. В этой войне в армии Бальдра произошла нехватка воды, но последний вырыл глубокие колодцы и открыл новые фонтаны для своих измученных жаждой людей. Тем временем Балдера преследовали во сне призраки, принявшие облик Нанны. Любовь и тоска настолько поглотили его, что в конце концов он не смог ходить, а вынужден был путешествовать на колеснице.

Хотерус бежал в Швецию, где сохранил королевскую власть; но Бальдер завладел Зиландом и вскоре завоевал преданность датчан, ибо считался обладателем боевых заслуг и человеком большого достоинства. Хотерус снова объявил войну Бальдру, но потерпел поражение в Ютландии и был вынужден вернуться в Швецию один и брошенный. Подавленный своими поражениями, уставший от жизни и дневного света, он отправился в пустыню и пересек самые безлюдные леса, где редко слышен топот ног смертных. Затем он пришел к пещере, в которой сидели три незнакомые женщины. От таких женщин он когда-то получил непробиваемые кольчуги, и он узнал в них тех самых людей. Они спросили его, зачем он пришел в эти края, и он рассказал им, как неудачно проиграл свою последнюю битву. Он упрекнул их, сказав, что они обманули его, потому что обещали ему победу, но у него была совершенно иная судьба. Женщины ответили, что он, тем не менее, причинил своим врагам большой вред, и заверили его, что победа еще увенчается его знаменами, если ему удастся найти чудесную пищу, которая

была изобретена для увеличения сил Бальдра. Этого было достаточно, чтобы побудить его развязать еще одну войну, хотя среди его друзей были те, кто отговаривал его от этого. С разных сторон собрались люди, и завязалась кровопролитная битва, исход которой не был решен с наступлением ночи. Беспокойство Хотера мешало ему спать, и он вышел в темноте ночи, чтобы разведать состояние и позицию врага. Добравшись до лагеря врага, он увидел, что трое дисов, которые обычно готовили таинственную пищу Бальдра, только что ушли. Он пошел по их следам в мокрой траве и добрался до их жилища. На вопрос, кто он такой, он сказал, что он игрок на киферне. Затем один из них вручил ему кифару, и он великолепно сыграл для них. У них были три змеи, в яд которых Бальдеру подмешивали пищу. Теперь они были заняты приготовлением этой еды. Один из них был так добр, что предложил Хотерусу немного еды, но старший сказал: "По отношению к Бальдру было бы изменой увеличивать силы его врага". Незнакомец сказал, что он один из людей Хотеруса, а не сам Хотерус. Затем ему разрешили попробовать еду.^[5] Женщины также подарили ему красивый пояс победы.

По дороге домой Хотерус встретил своего врага и вонзил ему оружие в бок, так что тот упал полумертвый на землю. Это вызвало радость в лагере Хотеруса, но печаль в датском лагере. Бальдр, который знал, что умрет, но не желал мириться со смертью в своей палатке, возобновил битву на следующий день и приказал отнести себя на носилках в самую гущу сражения. Следующей ночью к нему пришла Прозерпина (богиня смерти) и объявила, что на следующий день он будет ее гостем. Он умер от раны в предсказанное время, и был похоронен в кургане с королевской пышностью. Хотерус принял скипетр в Дании после Бальдра.

Тем временем случилось так, что на короля Геваруса напал и сжег в его доме подчиненный ему ярл по имени Гунно. Хотерус отомстил за смерть Геваруса и сжег Ганнона заживо на погребальном костре в наказание за его преступление.

УРинды и Одина родился сын по имени Боус. Последний, чтобы отомстить за смерть своего брата Бальдра, напал на Хотера, который пал в ходе конфликта. Но сам Бус был тяжело ранен и скончался на следующий день от полученных ран. После Хотера на датский трон взошел его сын Рерик.

При изучении этого повествования на саксонском языке нет надежды достичь абсолютно положительных результатов, если изучающий не отбросит все текущие предпосылки и, фактически, все представления о происхождении и возрасте мифа о Бальдере, об особом датском мифе в противовес особому скандинавско-исландскому и т.д. Если последняя гипотеза, основанная на Саксо, верна, то это должно появиться в результате исследования; но гипотеза не должна использоваться в качестве предпосылки.

Первое, что бросается в глаза читателю, - это то, что история неоднородна. Она состоит из элементов, которые невозможно объединить в одно гармоничное целое. Она страдает от внутренних противоречий. Прежде всего необходимо объяснить происхождение этих противоречий.

Самое стойкое противоречие касается меча победы, которым завладел Хотерус.^[6] Мы уверены, что он имеет огромную ценность (*ingens præmium*) и сопровождается успехом победы (*belli fortuna comitaretur*), и Хотерус, фактически, способен с помощью этого меча совершить великий подвиг: обратить в бегство Тора и других богов. Но затем Хотерус снова и снова побеждается Бальдром и, наконец, также терпит поражение от Боуса и убит, несмотря на то, что Геварус

заверил его, что этот меч всегда должен быть победоносным. Конечно, Хотерусу после нескольких поражений удастся нанести Бальдру смертельную рану, но это делается не в битве и вряд ли может считаться победой; и Хотерус не в состоянии совершить это тайное убийство с помощью одного этого меча, но обязан владеть поясом победы и есть замечательную пищу, которая придает Бальдру сил, прежде чем он сможет совершить это деяние.

Должна быть какая-то причина, по которой Саксон впал в это поразительное противоречие, которое сохраняется на протяжении всего повествования. Если Хотерус-Хедр в мифологии обладал мечом, который всегда приносит победу и способен победить самих богов, то в мифологии не могло *not* ничего содержаться о поражениях, понесенных им после того, как он завладел этим мечом, и не мог ли он затем вступить в конфликт с сыном Одина и Ринд. Единственный способ, которым это могло произойти, заключался бы в том, что Хотерус-Хедр, завладев мечом победы и однажды использовав его с пользой, каким-то образом был лишен его снова. Но Саксон не читал ничего подобного в своих источниках, иначе он упомянул бы об этом, хотя бы для того, чтобы объяснить причину поражения, понесенного его героем, и, несомненно, он считает, что меч, которым смертельно ранен Бальдр, тот же самый, что Хотерус отобрал у Мимингуса. Следовательно, либо Хедр не потерпел поражений, упомянутых Саксом, и не пал от меча сына Одина и Ринд, мстящего за братьев, либо у него никогда не было упомянутого здесь победного меча. Не надо указывать, в какой из этих альтернатив, мы мифологический факт. Хедр никогда не владел неотразимым мечом.

Но Саксон не сам выдумал эпизод, касающийся меча победы, и не включил этот эпизод в свое повествование о Хотере, не думая, что у него были на то веские причины.

Из этого с уверенностью следует, что этот эпизод принадлежит к саге о другом герое, и что в этой саге были найдены вещи, которые позволили Саксо спутать его с Хедром.

Тогда возникает вопрос, кем был этот герой. Первая ниточка, которую находит расследование и которой оно должно следовать, - это само название Hotherus, в котором может скрываться латинская форма Oder, а также Hödr.

В мифологии Одр, как и Хедр, был обитателем Асгарда, но тем не менее, как и Хедр, у него были враждебные отношения к Асгарду, и в связи с этим он сражался с Тором (см. № 103). Сходства имен и схожести мифологической ситуации достаточно, чтобы объяснить путаницу со стороны Саксона. Но есть несколько других причин, из которых я приведу одну. Оружием, которым Ходер убил Бальдра в мифологии, была молодая веточка, *Мистелтейнн*. Победный меч, изготовленный Волундом с враждебными намерениями против богов, мог, по той самой причине, что он был опасен для Асгарда, сравниваться скальдами с омелой и называться так в поэтически-риторическом смысле. Дело в том, что и в Скирнерсмале, и во Фьельсвиннсмале меч Волунда обозначен как *тейнн*; что *омела* включена в список названий мечей в Младшей Эдде; и что в более поздней исландской саге *мистельтейнн* - это меч, которым поочередно владеют Саминг, *Траинн* и Ромунд Грейпсон; и, наконец, что все, что там сказано об этом мече *мистельтейнн* - это название меча. верное эхо "меча победы", созданного Волундом, хотя факты более или менее запутанны. Так, например, мы обнаруживаем, что *Мани Карл* сообщает Ромунду, где следует искать меч, в то время как у Саксона бог луны Гевар, отец Нанны, сообщает Хотеру, где он спрятан. То, что бог *Мани* и Гевар идентичны, уже было доказано (см.

№ 90, 91, 92). Еще до Саксона *мистельтейн* и меч победы из мифологии смешивались друг с другом, и оружие Ходера и Одера получило одно и то же название. Это было еще одной причиной для Саксона смешать Ходер и Одер и объединить их в Хотерусе. И когда он обнаружил в некоторых из своих источников, что Одер использовал меч *мистельтейн*, а в других - что *мистельтейном* владел Ходер, было естественно, что он как историк предпочел меч сказочной омеле (подробнее см. Ниже).

То обстоятельство, что в Хотере два мифических персонажа объединены в одного, дало Саксону свободу выбора: сделать своего Хотера сыном отца того или другого. В мифологии Ходер - сын Одина; Одер-Свидаг - сын Орванделя. Саксон сделал его сыном Ходдбродда, который идентичен Орванделю. Уже было продемонстрировано (см. № 29), что Хельге Хундингсбейн является копией тевтонского патриарха Хальфдана. Ряд параллелей, благодаря которым эта демонстрация стала очевидной, в то же время делает очевидным, что соперник Хельге Ходдбродд - это соперник Хальфдана Орвандель. То же место, которое Орвандель занимает в мифе о Хальфдане, Ходдбродд занимает в песнях о Хельге Хундингсбейне. То, чего мы имели право ожидать, а именно, что Саксон, когда он не сделал Хотера сыном отца Ходера, должен был сделать его сыном Одера, действительно было сделано, и поэтому не может быть никаких сомнений в том, что Ходер и Одер были объединены в одно целое в "Хотере" Саксона.

Теперь, когда этот момент полностью установлен, можно проанализировать повествование Саксона пункт за пунктом, разложить его на составные части и соотнести их с одним из двух мифов о Ходере и Одере, к которым они принадлежат.^[7] Уже отмечалось, что Саксон не смог органично соединить со своим повествованием о приключениях Ходера эпизод, касающийся меча победы, взятого у Мимингуса. Введение этого эпизода превратило историю Хотеруса в цепь противоречий. С другой стороны, тот же эпизод естественным образом адаптируется к истории Свидаг-Одера, которую мы уже знаем. Мы видели, что Свидаг спускается в нижний мир и там овладевает мечом Волунд. Следовательно, именно Свидаг-Одер, а не Ходер, получает указания от бога луны Гевара о том, где найти меч. Именно он пересекает ледяные горы, проникает в *спекус*, охраняемый Мимингусом, и там захватывает меч Волунда и кольцо Волунда. Именно Свидаг, а не Ходер, благодаря этому мечу способен, как *терсар тьодар шоли*, победить неукротимого в остальном Хальфдана — более того, заставить соотца и защитника Хальфдана, бога Аса Тора, уступить.

Таким образом, рассказы Саксона об Отере и Хотере заполняют два важных пробела в записях, сохранившихся до нашего времени в исландских источниках, касающихся мифа о Свидаге. К этому также следует добавить то, что Саксон рассказывает нам о Свидаге под этим же именем (см. № 24, 33): что он ведет непримиримую войну с Хальфданом после того, как последний сначала добился, а затем отверг Гроа; что после различных военных удач он побеждает его и наносит ему смертельную рану; что он снискал расположение Хальфдана и сына Гроа Гудхорма и дает ему королевство, но что он преследует и воюет против Хаддинга, сына Хальфдана и Альвейг-Сигне, и, наконец, пал от его руки. .

Опасное путешествие Хотеруса-Свидага через морозные горы, упомянутое Саксоном, предсказано Гроа в ее седьмом защитном заклинании для своего сына:

танн гелъ эк тер в съаунде,
эф тик сахья кемр,
мороз во фьялли ха

гаветрар кулди
мегит тину холди фара,
халдиск элик в лидуме.

102.

СИНОНИМ СВИПДАГА - ЭЙРЕКР. ERICUS DISERTUS IN SAXO.

Мы еще не исчерпали вклад Саксона в миф о Свипдаге. В двух других отрывках его *Истории Дании* Свипдаг появляется вновь, а именно в отчетах о правлении Фроде III. и Хальфдана Бергграма, в обоих под именем Эрикус (*Эйрекр*), имя, применяемое к Свипдагу также в мифологии (см. № 108).

Первая ссылка, показывающая, что Свипдаг и Эрик идентичны, приводится в следующих аналогиях:

Хальфдан (Грам), убивший шведского короля, подвергается нападению на войне со стороны Свипдага.

Хальфдан (Бергграм), убивающий шведского короля, подвергается нападению Эрика на войне.

Свипдаг - сын дочери убитого шведского короля.

Эрик - сын дочери убитого шведского короля.

Рассказ Саксона о короле Фроде - это по большей части миф о Фрее, рассказанный как история. Тогда мы могли бы ожидать, что Свипдаг, который становится шурином Фрея, должен появиться в какой-нибудь *роли* в истории Фроде. Вопрос, таким образом, в том, играет ли какую-либо роль в этом какой-либо шурином Фроде. На самом деле это так. Шурином Фроде - молодой герой, который является его генералом и фактическим лицом, и его зовут Эрикус, с фамилией *Дисертус*, красноречивый. Эрикус, который появляется как враг Хальфдана, соответственно, напоминает Свипдага, врага Хальфдана, в том факте, что он сын дочери шведского короля, убитого Хальфданом. Эрикус, который является генералом Фроде-Фрея, снова напоминает Свипдага тем фактом, что он женится на сестре Фроде-Фрея. Это еще одно указание на то, что Эрик и Свипдаг были идентичны в мифических источниках Саксона.

Давайте теперь рассмотрим эти указания и посмотрим, подтверждаются ли они историями, которые Саксон рассказывает о враге Хальфдана Эрике и шурине Фроде-Фрея, Эрике Красноречивом.

Сначала Саксон переносит нас в родительский дом Эрика красноречивого. В начале повествования мать Эрика уже мертва, а его отец женат во второй раз (*История.*, 192). Сравните с этим начало истории Свипдага, где его мать, по словам Грогалдера, мертва, а отец снова женат.

У мачехи есть сын по имени Роллерус, положение которого в мифе я рассмотрю ниже. Эрик и Роллер покидают свой отцовский дом, чтобы найти Фроде-Фрея и его сестру Гунвару, девушку необычайной красоты. Прежде чем они отправятся в это полное приключений путешествие, мачеха Эрика, мать Роллера, дала им пищу, вдохновляющую на мудрость, одной из составных

частей которой был жир трех змей. Хитрый Эрик знал, как заполучить лучшую часть этого блюда, на самом деле предназначавшуюся Роллеру. Но сводные братья были верными друзьями.

Из рассказа Саксона явствует, что у Эрика вообще не было желания совершать это путешествие. Именно Роллер первым дал обещание отправиться на поиски Фроде и его сестры, и, несомненно, именно мачеха Эрика добилась того, чтобы Эрик помог своему брату в выполнении этой задачи. Сам Эрик расценивал решимость, принятую Роллером, как превосходящую его силы (*История.*, 193).

Это соответствует тому, что Грогалдер рассказывает нам о нежелании Свипдага выполнять задание, возложенное на него мачехой. Это также дает нам ключ к словам Грогалдера о том, что Свипдагу было приказано пойти и найти не только "того, кто любит украшения", но и "тех, кто любит украшения" (*koma móti Menglödum*). Множественное число указывает на то, что следует искать не одного "любителя украшений". Необходимо вернуть в Асгард не только Фрейю, но и Фрея, ее брата, бога урожая, для которого древние художники делали украшения и который как символ природы является тем, под чьим верховенством силы растительности в природе украшают луга травой, а поля зерном. Он тоже, вместе со своей сестрой, был во власти мира великанов во время великой зимы фимбул (см. Ниже).

Пища, в которую змеи должны вносить одну из составных частей, вновь появляется в рассказе Саксона о Хотере (*Hist.*, 123; № 101) и описывается там примерно теми же словами. В обоих отрывках для этой цели требуются три змеи. То, что Бальдра следует кормить такой пищей, крайне маловероятно. Змеиная пища в историях о Хотере и Эрике была заимствована из мифа о Свипдаге.

Земля, в которой живут Фроде и его прекрасная сестра, труднодоступна, и магические силы до сих пор сводили на нет все попытки добраться туда. Сопровождающие брата и сестры там описываются как самые дикие, самые дерзкие и самые неприятные, что только можно себе представить. Это существа самого отвратительного вида, чьи манеры столь же несдержанны, как и их слова. Чтобы попасть в эту страну, необходимо пересечь океан, где штормы, вызванные колдовством, угрожают каждому моряку гибелью.

Гроа предсказала это путешествие и спела волшебную песню о защите своего сына от опасностей, с которыми ему предстоит встретиться в волшебном море:

thann gel ek thér inn sétta
ef thú á sjó kemr
meira en menn viti:
logn ok lögr
gangi thér i lúdr saman
ok ljái thér æ friddrjúgrar farar.

Когда Эрик и Роллер, бросив вызов штормам, пересекли это море и победили магическую силу, которая препятствовала приближению к стране, они вошли в гавань, недалеко от которой следует искать Фроде и Гунвару. На стрэнде они встречают людей, которые принадлежат к слугам брата и сестры. Среди них три брата, всех зовут Греп, и один из них - настойчивый поклонник Гунвары. Этот Греп, поэт и оратор, каких только можно найти в этой стране, сразу вступает в дискуссию с Эриком. В конце дискуссии Греп уходит побежденный и злой. Затем

Эрик и Роллер поднимаются в обитель, где они должны найти тех, кого ищут. Фроде и Гунвару встречают в окружении слуг, которые обращаются с ними как с княжескими особами и считают их своим придворным кругом. Но королевский двор очень странного вида и принимает посетителей громким улюлюканьем, лаем собак и оскорбительными манерами. Фроде занимает высокое кресло в зале, где горит большой камин для защиты от пронизывающего холода. Из описания Саксона явствует, что Фроде и Гунвара, возможно, благодаря колдовству великанов, находятся в духовном состоянии, в котором они почти забыли прошлое, но не счастливы в своих нынешних обстоятельствах. Фроде чувствует себя несчастным и униженным. Гунвара ненавидит своего поклонника Грепа. Дни, проведенные здесь Эриком и Роллером, прежде чем у них появляется возможность сбежать с Гунварой, превращаются в череду попок, вульгарных песен, нападений, драк и убийств. Ревнивый Греш пытается убить Эрика, но в этой попытке он сражен мечом Роллера. Фроде невозможно убедить сопровождать Эрика, Роллера и Гунвару в этом полете. Он чувствует, что на его жизни лежит пятно, которое невозможно смыть, и он не желает появляться с ним среди других людей. В мифологии освобождение своего сына предоставлено самому Ньерду. В другом отрывке (*Hist.*, 266, 267) Саксон говорит, что король Фридлевус (Ньерд) освободил юношу-принца, которого ограбил великан. В мифологии этот юноша вряд ли может быть кем-то другим, кроме юного Фрея, сына освободителя. Впоследствии Эрик женится на Гунваре.

Среди поэтических пересказов языческих времен встречаются некоторые, которые относятся к плену Фрея и Фрейи у великанов. В песне скальда Кормака поэтический напиток называется *стрин фонтанна Сирар Грешпа*, "бурлящий поток морских рядов (шхер) Сира (Фрейи) грешов". Этот парафраз, очевидно, обязан своим существованием ассоциации идей, основанных на том же мифе, который Саксон рассказал по-своему. *Сир*, как мы знаем, это одна из фамилий Фрейи, и что касается ее значения, то оно, должно быть, было приобретено ею во время пребывания в Йотунхейме, поскольку оно едва ли применимо к ней за пределами Йотунхейма. *Грешпр*, поэт там, как мы уже видели, является поклонником Фрейи. У него были братья, которых также звали *Грешпр*, откуда выражение во множественном числе *Сирс Грешпа* ("Сирские грешы"), в котором фамилия Фрейи соединяется более чем с одним грешом, получает свое мифологическое объяснение. Гигантская обитель, где останавливаются Фроде и Гунвара, согласно Саксо, расположена недалеко от гавани, в которую вошли Эрик и Роллер (*portum a quo Frotho non longe deversabatur—Hist.*, 198). Таким образом, выражение "грешы Сирских шхер" согласуется с Саксоном.

Эйвинд Скальдаспиллер назвал северную землю, необитаемую человеком, *утро Белых долгов*, "наиболее удаленное обиталище врага Беле (Фрея)". Этот пересказ также объясняется мифом о визите Фрея и Фрейи в Йотунхейм. *Бели* - имя гиганта, означающее "ревун". Эрика и Роллера, по словам Саксо, гиганты, посещающие Фрея, встречают ужасным воем. "Они издавали ужасные звуки, похожие на вой животных" (*ululantium more horrorisonas dedere voces*). К мифу о том, как Фрей попал во власть гигантов, я вернусь позже (см. № № 109, 111, 112).

Эрика на саксонском называют *дисертус*, красноречивый. Свипдагский эпитет *Одр* первоначально имел значение, очень близкое к этому. Безличный *одр* означает частично отражающий элемент в человеке, частично песню и поэзию, способность умело выражать себя и соединять слова в приятной и убедительной манере (ср. готское *weit-wodan*, убеждать). Эрик демонстрирует соответствие своего имени. Саксон заставляет его говорить пословицами и предложениями, конечно, по той причине, что его северный источник вложил их в уста

молодого героя. То же качество характеризует и Svipdag. В Грогалдере его мать поет над ним: "Да будут в изобилии дарованы тебе красноречие и социальные таланты", а описание его во Фьельсвиннсмале предстает перед нашими глазами проворным и жизнерадостным юношей, который хорошо понимает завуалированные слова сторожа и в устах которого речь складывается в пословицы, которые запоминаются. Сравните *аугну гаманс* и др. (стр. 5) и часто цитируемый *Урдар орди кведр энги мадр* (стр. 47).

По отношению к Гунваре Эрик ведет себя так же целомудренно и по-рыцарски, как Отарус по отношению к Сирите (*в целостности и сохранности illi pudicitia manet*— с. 216). Что касается рождения, он занимает такое же подчиненное положение по отношению к ней, как *Одр* по отношению к Фрейе, Отарус по отношению к Сирите, Свипдаг по отношению к Менгладу.

Приключения, рассказанные в мифологии о путешествии Свипдага, когда он отправился на поиски Фрейи-Менглад, Саксон так разделит между Эриком Дисертом и Отарусом, что о первом рассказывается большая часть того, что случилось со Свипдагом во время его визита в обитель великанов, о последнем - большая часть того, что случилось с ним по пути оттуда к нему домой.

Касаясь семейных отношений Эрика, Саксон приводит некоторые факты, которые с мифологической точки зрения имеют большую ценность. Уже говорилось, что мать Эрика, как и мать Свипдага, мертва, и что его отец, как и отец Свипдага, женат во второй раз там, где начинается его сага. Отец зачинает от своей второй жены сына, которого Саксон называет Роллером. Когда отец Эрика также мертв, мать Роллера, по словам Саксо, снова выходит замуж, и на этот раз за могущественного чемпиона по имени Брак (*История.*, 217), который в продолжении истории (стр. 217 и далее) оказывается *Аса-Браге*, богом Тором (см. № 105), к которому она приводит своего сына Роллера. Из наших мифологических записей мы узнаем, что женой Тора была Сив, богиня растительности, и что Сив была замужем и родила сына по имени *Ульр*, прежде чем она стала женой бога Аса, и что она привезла с собой в Асгард этого сына, который был усыновлен богами. Таким образом, мифические записи и Саксон совпадают в этих пунктах, и из этого следует, что Роллерус - это то же самое, что Уллер, которого Саксон в другом месте (*Hist.*, 130, 131; ср. № 36) упоминает как Оллеруса. Формы Ollerus и Rollerus относятся друг к другу как *Olfr* к *Hrólfr*. *Hrólfr* - сокращение от *Hród-ulfr*; Роллерус указывает на сокращение от *Hród-Ullr*, *Хрид-Ульр*. Последняя форма встречается в перефразировании *Хридуллр хромта*, "буря мечей", обозначение воина (Гретт., 20, 1). Уже указывалось, что в великой войне между кланом Одина и ванами Ульль, хотя и пасынок Тора, принимает сторону ванов и отождествляет свое дело с делом Фрея и Свипдага. Саксо также описывает сводных братьев как преданно сплоченных, и, говоря о надежном братстве Роллера, заставляет Эрика произнести фразу, которая очень близко соответствует датскому:

"End svige de Sorne
og ikke de Baarne"

(*Hist.*, 207—*optima est affinium opera opis indigo*). Рассказ Саксона об Эрике и Роллере, таким образом, дает нам ключ к мифологическим утверждениям, непонятным иным образом, о том, что, хотя Улл имеет в лице Тора дружелюбного отчима (ср. выражение *гулли Уллар*— Младшая Эдда, i. 302), а в лице Одина вождя клана, который отличает его (ср. *Уллар хилли* и др. —

Grimnersmal, 42), тем не менее, он выступает в этой вражде на той же стороне, что и Эрик-Свиптаг, с которым он когда-то отправился спасти Фрею от власти гигантов. Мифология не желала разрывать те узы верности, которые юные искатели приключений установили между Фреем, Уллом и Свиптагом. Таким образом, оба последних ассоциируют себя с Фреем, когда вспыхивает война между асами и ванами.

Отсюда следует, что Сиф была второй женой Орванделя храброго до того, как стала женой Тора, и что Улл - сын Орванделя. Тесная связь между Орванделем, с одной стороны, и Тором, с другой, уже была показана выше. Когда Орвандель отправился на поиски приключений в Етунхейм, его первая жена Гроа посетила чертоги Тора в качестве его гостыи, где у дис растительности могло быть безопасное убежище во время отсутствия ее мужа. Эта черта, сохранившаяся в Младшей Эдде, имеет огромное мифологическое значение и, как я покажу далее, имеет древнее арийское происхождение. Орвандель, великий лучник и звездный герой, вновь появляется в Ригведе, а также в греческой мифологии - в последней под именем Орион, как уже предположил Вигфуссон. Правильность этого предположения подтверждается причинами, которые я приведу позже.

103.

СВИПДАГСКИЙ СИНОНИМ ЭЙРИКР (*продолжение*).

Теперь мы переходим к тому Эрику, которого Саксон упоминает в своем повествовании о Хальфданбергграме и который, как и Свиптаг, является сыном дочери шведского короля. Этот король был убит Хальфданом. Точно так же, как Свиптаг ведет непримиримую войну мести против Хальфдан-Грама, Эрик ведет ее против Хальфдан-Бергграма. В одном из их сражений Хальфдану пришлось обратиться в бегство, несмотря на его сверхчеловеческую силу и боевую удачу. Более того, рядом с ним "чемпион Торо", и сам Саксон сообщает нам, что последний является не меньшим персонажем, чем бог Аса Тор, но он тоже должен уступить Эрику. Мьельнер Тора и дубинка Хафдана ничего не дали против Эрика. В конфликте с ним их оружие казалось безостановочным (*История.*, 323, 324).

Таким образом, не только Хальфдан, но даже сам Тор, могучий сын Одина, тот, кто один превосходит по силе всех остальных потомков и соплеменников Одина, был вынужден отступить перед мифическим героем; и то, что его молниеносный молот, в другое время неотразимый, чудесная работа Синдре бессильны в этом конфликте, должно быть, в мифологии имело особые причины. Мифология едва ли допускала, чтобы ее любимец, "знаменитый сын Хлодина", подвергался такому унижению более одного раза, и этот факт, должно быть, имел такую подоплеку, что это событие можно было рассматривать как единичное исключение. Поэтому следует иметь в виду, что в своем повествовании о Хотересе Саксон утверждает, что после того, как последний приобрел меч победы, охраняемый Мимингусом, он встречается в битве с богом Аса Тором и заставляет его сдаться, после того как первый отсек молот от рукояти ударом меча (*История.*, 118; см. № 101). Уже было показано, что Одр-Свиптаг, а не Хедр, является Хотером, который захватил меч победы и совершил это деяние (см. № 101). Соответственно, у Эрика есть общее со Свиптагом не только в том, что он является дочерью-сыном шведского короля, которого убил Хальфдан, и что он упорствует в войне с последним, но и в том, что он совершил уникальный поступок, обратив Тора в бегство.

Таким образом, оказывается, что молот Мьельнер был оружием, которое, несмотря на свои исключительные качества, уступает мечу победы, выкованному Волундом (см. № № 87, 98). Соответственно, мифология содержала два известных суждения о произведениях древних художников. Первое решение выносится богами-Асами на торжественном совещании, и в отношении этого самого молота Мьельнер объясняет, что изделия Синдре превосходят изделия сыновей Ивальде. Другой приговор выносится на поле битвы и подтверждает предыдущий приговор богов. Мьельнер оказывается бесполезным в конфликте с мечом победы. Если бы теперь Волундом героических традиций был один из сыновей Ивальде, которому не удалось получить приз в мифологии, то между первым и вторым приговором можно было бы обнаружить эпическую связь: оскорбленный сын Ивальде затем отомстил богам и восстановил свою репутацию, пострадавшую от них. Я вернусь к вопросу, был ли Волунд сыном Ивальде или нет.

Войны между Эриком и Хальфданом, по словам Саксона, продолжались с переменным успехом. В одном из таких конфликтов, который, должно быть, произошел до того, как Эрик получил неотразимый меч, Хафдан одерживает победу и берет Эрика в плен; но сердце победителя склоняется к примирению с неумолимым врагом, и он предлагает Эрику свою жизнь и дружбу, если последняя послужит его делу. Но когда Эрик отказывается от предложенного примирения, Хафдан крепко привязывает его к дереву, чтобы сделать добычей лесных зверей, и бросает на произвол судьбы. Желание Хальфдана помириться с Эриком, а также то обстоятельство, что он связывает его, предсказано в "Грогалдере" (строки 9, 10) матерью Свипдага среди судеб, ожидающих ее сына:

thann gel ek thér inn fjórda
ef thik fjáendr standa
görvir á galgvegi:
hugr theim hverfi
til handa ther mætti,
ok snuisk theim til sátta sefi.

thann gel ek pér inn fimta
ef thér fjötur verdr
borinn at boglimum:
Leifnis elda læt ek thér
fyr legg of kvedinn,
ok stökktr thá láss af limum,
en af fótum fjötur.

Синонимы свипдага, которые до сих пор встречались, следующие: Одр (Hotherus), Отт-Тарп (Otharus) и Эйрекр (Ericus).

АСГАРД.

(С офорта Лоренца Фрелиха.)

Выполняя обещание, данное Локе, добиться его освобождения, он выманил Идун из Асгарда и

ИДУН ВЕРНУЛАСЬ В

отдал во власть гиганта Тьясса. Идун была хранительницей яблок, которыми боги питались, чтобы продлить свою молодость, и поэтому за ее исчезновением из Асгарда последовало быстрое старение богов, переходящее в дряхлость. Они обнаружили, что Локе был тем негодяем, который стал причиной предательства Идун, и пригрозил ему смертью, если он не вернет ее. Соответственно, Локи позаимствовал соколиное оперение Фрейи и полетел в Йотунхейм — родину великанов. Тьясс был на морской рыбалке, поэтому Локе быстро нашел Идун, которую превратил в психа, и поспешил с ней в Асгард. Тьясс вскоре узнал, что произошло, и на орлиных крыльях погнался за убегающим Локе, но его приближение заметил Хеймдаль, страж ворот Асгарда, и по его приказу на стенах быстро развели огонь, который опалил крылья Тьяссе, когда он перелетал, и он попал во власть богов, которые быстро убили его.

См. страницы [899](#), [959](#), [909](#), [960](#).

Примечательно, но, как мы увидим позже, легко объяснимо, что этот герой саги, которого мифология сделала мужем Фрейи и чья карьера была украшена такими странными приключениями, появился на свет не ранее девятого века, и что в Швеции ему был присвоен тот же ранг, что и богам-Асам, и это несмотря на то, что он был усыновлен в Асгарде, и несмотря на то, что его сводный брат Улль был облечен тем же достоинством, что и боги-Асам. Нет никаких свидетельств того, что тот, кто является мужем Фрейи и шурином Фрейи, обычно удостоивался божественного титула, храма и жертвоприношений. Для приверженцев мифологии он остался тем, кем был — блестящим героем, но не более; и хотя сага о далекой древности тевтонов сделала его правителем северных тевтонских племен, лидером которых он является в войне против Хальфдана и Хаддинга (см. № № 33, 38), его почитали как одного из старейших королей скандинавских народов, но не почитали как бога. Как древний король, он занял свое место в средневековых хрониках и генеалогиях правителей то под именем Свипдаг, то под именем Эрик. Но, в то же время, его положение в эпосе было таково, что, если бы Тевтонский Олимп когда-нибудь пополнился божеством ранга Аса, никто не имел бы большего права, чем он, быть облеченным этим достоинством. С этой точки зрения проливается свет на отрывок из гл. 26 *Жития Ансгарии*. Там рассказывается, что перед прибытием Ансгария в Бирку, где о его предстоящем прибытии не было ничего известно, туда пришел человек (несомненно, языческий жрец или скальд), который настаивал на том, что у него есть миссия от богов к королю и народу. Согласно заявлению этого человека, боги провели собрание, на котором он сам присутствовал, и на котором они единогласно решили утвердить на своем совете короля Эрика, который в древности правил шведами, так что отныне он должен быть одним из богов (*Ericum, quondam regem vestrum, nos unimes in collegium nostrum ascisimus, ut sit unus de numero deorum*); это было сделано потому, что они поняли, что шведы собираются увеличить число своих богов. их нынешние боги, приняв чужака (Христа), чье учение не могло быть согласовано с их учением и, соответственно, не заслуживало поклонения. Если шведы хотели добавить еще одного бога к старым, под покровительством которых страна так долго наслаждалась счастьем, миром и изобилием, они должны были воздать Эрику, а не чужому богу, те почести, которые принадлежат божествам страны. То, что сообщил человек, прибывший в Бирку с этой миссией, было предано огласке и вызвало большой переполох. Когда Ансгарий приземлился, в честь Эрика уже был построен храм, в котором ему приносились мольбы и жертвы. Это событие произошло в то время, когда древняя религия Одина предчувствовала кризис. Его последние оплоты на Тевтонском континенте недавно были сровнены с землей победой Карла Великого

надсаксами. Слухи о жестокостях, практикуемых сторонниками доктрины, которые вторглись в страну с юга и запада с целью подорвать веру саксонских почитателей Одина в свою религию, несомненно, дошли до Скандинавии и, несомненно, оказали свое влияние на поощрение той мощной попытки, предпринятой северными народами в девятом веке, посетить и завоевать на своей собственной территории своих тевтонских родственников, которые были обращены в христианство. Немалый мифологический интерес представляет информация о том, что ревностные люди среди шведов надеялись вдохнуть в старое учение новую жизнь, приняв в число богов мужа Фрейи, самого блестящего из древних мифических героев и наиболее прославленного скальдами. Я не считаю невозможным, что именно эта попытка сделала имя Эрика ненавистным среди некоторых христиан и стала причиной того, что "Старый Эрик" стал именем дьявола. В *"Вите Ансгарии"* говорится, что то, что Эрик был принят богами, было делом рук самого дьявола.

Свидагский синоним Эрик вновь появляется в христианской саге об Эрике Видфорле (далеко путешествуя), которому удалось найти и войти в *Одайнсакр* (см. № 44). Это воспоминание о визите Свидага во владения Мимера. Фамилия *Видферли* стала связана с двумя именами Свидага: у нас есть *Эйрикх хинн видферли* и *Одр (Оддр) хинн видферли* в более поздних исландских сагах.

104.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА МЕЧА ВОЛУНДА.

Теперь я сделал обзор того, каким образом я нашел фрагменты мифа о Свидаге, вплоть до того момента, когда он получает Фрейю в жены. Фрагменты врезаются друг в друга и образуют последовательное целое. Теперь несколько слов о той роли, которую впоследствии сыграл меч Волунд, добытый Свидагом в нижнем мире, в мифологии и в саге. Меч, как мы видели, является наградой, за которую Асгард открывает свои врата и принимает Свидага в качестве мужа Фрейи. Впоследствии мы находим его во владении Фрея. Меч снова становится платой за невесту и переходит в руки гиганта Гимира и его жены. Уже было продемонстрировано, что жена Гимера - это та самая Ангербода, которая в исторические времена и до Рагнарека обитала в Железном Лесу (см. № 35). Ее пастух, который в лесу наблюдает за ее чудовищными стадами, также хранит меч до тех пор, пока огненный великан Фьялар не появится в его обители в облике красного петуха и не принесет его своему собственному отцу Сурту, в руках которого он станет причиной смерти Фрея и внесет свой вклад в разрушение мира богов.

Историк Приск, современник Атилы, рассказывает, что царь гуннов завладел божественным мечом, который пастух выкопал из земли и преподнес ему в подарок. Добавляется, что царь гуннов обрадовался находке; ибо, как обладатель меча, принадлежавшего богу "Марсу", он считал себя вооруженным властью, способной начать и успешно вести любую войну, какую ему заблагорассудится (см. Иордана, который цитирует Приска).

На тевтонские народы сообщение об этом мнимом событии, должно быть, произвело сильное впечатление. Возможно, эта история была придумана именно с этой целью; ибо их мифы повествовали о победном мече, которым владел тот бог, который после смерти Бальдра и с тех пор, как Тир стал одноруким, считался вместе с Тором храбрейшим из воинственных богов, и этот меч был унесен из Асгарда в неведомые дебри Востока, где он был похоронен, чтобы не быть извлеченным снова до наступления Рагнарека, когда его должен был выкопать пастух и

передать врагу Зла. человечество. Уже до этого времени германцы связывали появление гуннов с этим мифом. По словам Иордана, они верили, что злые женщины-тролли, которых готский король Филимер изгнал из своего народа, нашли убежище в диких местах Востока и там родили детей лесным великанам ("сатирам"), дети которых стали прародителями гуннов. Другими словами, они верили, что гунны произошли от потомков Ангербоды в Железном Лесу, которые со временем должны были ворваться в Мидгард с чудовищем Ненавистью в качестве своего предводителя. Меч, которым владел бог Фрей и который был спрятан в Железном Дереве, становится у Иордана мечом, которым владел бог "Марс" и который впоследствии был спрятан в земле. Пастух Ангербоды, который снова выносит меч на дневной свет и отдает его враждебному миру фьялару, становится пастухом, который извлекает меч и отдает его Аттиле, врагу тевтонской расы.

Память о мече пережила победу христианства и передавалась на протяжении веков во многих вариациях. То, что Сурт на краю света должен был обладать мечом, конечно, отпало, и вместо этого то один, то другой выбирался в качестве героя, который должен был найти и забрать его; то, что за этим наблюдали женщина и мужчина (в мифологии Ангербода и Эггер); и то, что женщина была еще более отвратительным существом, чем мужчина, были чертами, которые сага сохранила как на Континенте, так и в Англии.

В поэме о Беовульфе чудовище по имени Грендель ("разрушитель") обитает со своей матерью под болотом в лесу, который, хотя и относится к Дании и окрестностям великолепного замка датского короля, описан таким образом, что весьма вероятно, что прототипом, использованным христианским поэтом, было описание Железного дерева языческим скальдом. Есть, говорит он, таинственная земля, в которой скрывается волк, полная узких долин, пропастей и разломов, темных и дремучих лесов, болот, окутанных мраком, озер, затененных деревьями, ущелий, омываемых морем, горных потоков и топей, которые ночью сияют, как огонь, и укрывают демонических существ и драконов в своих мутных волнах. Преследуемая дичь предпочитает быть разорванной на куски собаками, чем искать убежища на этой нечестивой земле, с которой бушующие штормы прогоняют черные тучи до тех пор, пока небеса не потемнеют и дождь не прольется проливными потоками. Английский поэт, возможно, действительно нашел мифологическое Железное дерево в Дании. Та же самая старая пограничная земля, которая и по сей день называется "Дениш-волд", в тринадцатом веке датчане все еще называли Ярнвит, Железный лес. Из своей обители в этой глуши Грендель совершает ночные вылазки в датский королевский замок, врывается туда, убивает спящих чемпионов своими железными руками, высасывает их кровь и относит их трупы к зачарованному болоту, чтобы там съесть. Герой Беовульф, услышавший об этом, отправляется в Данию, проникает в ужасный лес, ныряет, вооруженный лучшим мечом Дании, в волшебное болото, к чертогу Гренделя и его матери, и убивает их после конфликта, в котором вышеупомянутый меч был признан бесполезным. Но там, внизу, он находит другое, которое Грендель и его мать прятали, завладевает им и побеждает с его помощью.

Об этом замечательном мече говорится, что он был "богат победами", что он пришел из прошлого, что "это была хорошая и превосходная работа кузнеца" и что золотая рукоять была работой "чудо-кузнеца". На клинке было начертано "та древняя война", когда "волны бушующего моря омывали расу гигантов", а на пластинке из чистейшего золота было написано рунами "имя того, для кого это оружие было впервые изготовлено". Христианский поэт счел наиболее удобным для своей цели не называть это имя своим читателям или слушателям. Но

все, что здесь сказано, применимо к мифологическому мечу победы. "Кузнец чудес" в древнеанглийской сказке - это Волунд (Weland). Кольчуга, которую носит Беовульф, называется "Веландес гевеорк". "Жалоба Деора Скальда" поет о Веланде, а король Альфред в своем переводе Бозция говорит о "мудром Веланде, ювелире, который в древние времена был самым знаменитым". То, что веландский меч был "работой великана", соответствует мифу о Волунде (см. Ниже); и поскольку мы здесь узнаем, что на лезвии были выгравированы изображения, представляющие разрушения древних художников-великанов в морских волнах (кровь первобытного великана Имера), то это иллюстрирует отрывок из Скирнерсмаля, где также утверждается, что меч был покрыт изображениями и "что он сражается сам по себе против расы великанов" (Скирнерсмаль, 8, 23, 25; см. № 60). Это выражение намеренно двусмысленно. Одно из значений подчеркивается словами Фрея в "Скирнерсмале", что оно сражается само по себе, "если им владеет мудрый человек" (*ef sá er horscr er hefir*). Другое значение этого выражения вытекает из поэмы "Беовульф". Сам меч сражается с расой великанов в том смысле, что "чудо-кузнец" (Веланд) с помощью изображений на лезвии самого меча изобразил ту битву, в которой Один и его братья сражались против первобытных великанов, когда первый утопил второго в крови их прародителя, великана Имера.

Грендель - сын женщины-тролля, живущей на болоте, точно так же, как Ненависть принадлежит Ангербоде. Автор отождествляет Гренделя с Каином, изгнанным из поля зрения своего Создателя, и делает великанов, терсов и "эльфов" потомками изгнанного. Мать Гренделя - "волчица глубин" и русалка (*меревиф*). Ангербода - мать волчьего потомства в Железном Лесу и "загоняет корабли в пасть Эгира". То, что "Беовульф" рассказывает о Гренделе, в некоторых деталях настолько сильно напоминает нам слова Вельуспы о Ненависти, что может возникнуть вопрос, не имел ли английский автор в виду строфу, похожую на ту, что в "Вельуспе", где говорится о нем. Ненависть Велуспы *филлиск фьерви фейгра манна*, "насыщается жизненной силой людей, избранных для смерти". Грендель Беовульфа высасывает кровь из выбранных им жертв до тех пор, пока жизнь не покидает их. Ненависть Велуспы *ридр рагна съот раудум дрейра* "окрашивает княжескую обитель красной кровью из ран". Грендель пробирается в королевский замок и пачкает его кровью. Выражение здесь встречается почти буквально. *Рагна съетт и дрейри* Вельуспы идеально соответствуют *дрихт-селу и дреору* "Беовульфа".

В "Вилкинасаге" мы читаем, что Нагельринг, лучший меч в мире, был спрятан в лесу, и за ним наблюдали женщина и мужчина. Мужчина обладал силой двенадцати мужчин, но женщина была еще сильнее. Королю Тидреку и его другу Хильдебранду после ужасной битвы удалось убить чудовище. Женщину пришлось убить трижды, чтобы она больше не ожила. Эта черта также заимствована из мифа об Ангербоде, трижды убитой.

История понтификума (с середины двенадцатого века) сообщает нам, что герцог Вильгельм Ангулемский (вторая половина десятого века) обладал необыкновенным мечом, изготовленным Волундом. Но это был не настоящий меч победы. Из истории Иордана в средние века было известно, что этот меч попал в руки Атилы, и, естественно, был задан вопрос, что с ним стало впоследствии. Саги ответили на этот вопрос. Меч остался у потомков гуннов, венгров. Мать венгерского короля Соломона подарила его некоему Отто Баварскому. Он одолжил его маркграфу Лаузица Деди младшему. После убийства Деди он попал в руки императора Генриха IV, который подарил его своему фавориту Леопольду Мерзебургскому. При падении с лошади Леопольд был ранен острием меча и скончался от раны. Даже в более поздние времена считалось, что меч существовал, и были те, кто верил, что герцог Альба носил его на боку.

ЭПИТЕТ СВИПДАГА СКИРНЕР. ИМЯ МЕЧА ВОЛУНДА ГАМБАНТЕЙН.

После женитьбы Свипдага на Фрейе сагу о его жизни можно разделить на две части — время до его визита в Асгард в качестве счастливого мужа Фрейи и лучшего друга Фрея, и время его отсутствия в Асгарде, его изменения и разрушения.

К первому из этих разделов относится его путешествие, прославленное в песнях, в обитель великана Гимера, куда он отправляется просить от имени Фрея руки Герда, прекрасной дочери Гимера и Аурбоды. Уже отмечалось, что после женитьбы на Гунваре-Фрейе Эрик-Свипдаг появляется в Сахо как правая рука Фрото-Фрея, готовый помочь и заслуживающий доверия человек во всем. Помимо всего прочего, на него также возложена задача попросить от имени Фрото руки молодой девушки, чей отец в мифологии, несомненно, был великаном. Он описывается как лживое, вероломное существо, враждебное богам, как человек, который разработал план со своей дочерью в качестве приманки, чтобы обмануть Фрото и завоевать Гунвару для себя. План срывают Свипдаг (Эрикус), Улл (Роллерус) и Тор (Бракус), последний из которых здесь появляется в своей обычной роли победителя великанов. В тот самый момент, когда предполагаемый тесть Фрото думает, что он выиграл партию, Тор врывается в его чертоги, и интриган вынужден спасаться бегством (*История.*, 221 и с.). В превосходной поэме "Скирнерсмаль" фрагменты исландского мифа сохранили память об уходе Фрея за девушкой-великаном, дочерью ужасного мужа Аурбоды, вождя великанов Гимера. Здесь, как и у Саксона, бог Вана не сам отправляется свататься, а посылает гонца, который в поэме назван эпитетом *Скирнер*. Все, что там рассказано об этом Скирнере, находит свое объяснение в саге о Свипдаге. Сам эпитет "Скирнир", "сияющий", оправдан тем фактом, что Сольбьярт-Орвандель, звездный герой, является его отцом. Скирнер обитает в Асгарде, но не является одним из правящих богов. Один из богов, с которым он наиболее тесно связан, - Фрей. Таким образом, его положение в Асгарде такое же, как у Свипдага. Влияние Скирнера на брата Фрейи настолько велико, что, когда ни Ньерд, ни Скади не могут заставить сына раскрыть причину постигшего его горя, они надеются, что Скирнер сможет это сделать. Кто, если не Свипдаг, который пытался спасти Фрея от власти великанов, и который является его шурином, а в Саксонии и вовсе его шурин, мог бы обладать таким влиянием на него? Скирнер также ссылается на тот факт, что у Фрея и у него в прошлые дни были совместные приключения такого рода, что они должны верить друг в друга, и что у Фрея не должно быть никаких секретов, которые он не может безопасно доверить столь верному другу (стр. 5). Скирнер мудр и поэтичен, у него на устах такие пословицы, как Свипдаг-Эрик (ул. 13 в Скирнерсмале и ул. 47 во Фьельсвиннсмале). Но убедительным доказательством их идентичности является тот факт, что Скирнер, как и Свипдаг, совершил путешествие в нижний мир, был в царстве Мимера у подножия Игдрасиля и там добыл меч под названием Гамбантейн, тот самый меч, который Фрей держит в руке, когда отправляется выполнять свое поручение по сватовству, — тот самый меч, с которым Фрей впоследствии расстается в качестве платы, заплаченной Гимеру и Аурбоду за невесту. Когда Герд отказывается принять подарки в знак ухода, которые приносит с собой Скирнер, он обнажает свой меч, показывает его лезвие Герд, угрожает отправить ее с этим лезвием в Нифельхель, область под вратами На, обиталище Хримнера, Хримгримнера и других гигантов древности, обиталище фурий физических болезней (см. № 60), и рассказывает ей, как это ужасное оружие первоначально попало в его распоряжение:

Пока хольц не возглавит гесс
, пока грас видар
не покинет гамбантейн в гете,
гамбантейн в гате.

"Я ходил в Холт
И в "Джуси три"
за Гамбантейном,
я купил Гамбантейн".

Слово *teinn*, ветка, прутик, имеет значение меча во всех составных частях, где оно встречается: *benteinn*, *bifteinn*, *eggteinar*, *hævateinn* (*homateinn*), *hjörteinn*, *hræteinn*, *sárteinn*, *valteinn*. *Мустельтейн* также стало названием меча (Младшая Эдда, i. 564; Fornald., i, 416, 515; ii. 371; ср. № 101), и то же оружие, которое здесь называется *gambanteinn*, называется *hævateinn*, *homateinn* (см. Далее № 116) во Фьельсвиннсмале.

В мифологии есть только одно-единственное место, которое называется Холт. Это *Mimis holt*, *Hoddmimis holt*, подземная роща, где дети, которым суждено стать родителями будущей человеческой расы, имеют свое безопасное убежище до возрождения мира (см. № 52, 53), питаюсь утренней росой, которая падает с мирового древа, *hrár vidr*, "дерева, богатого соком" (см. № 89). Мимер-Нидхад также исходит от Холта, когда он сажает в тюрьму Волунда (Волунд., 14). Выше уже было доказано, что во время своего путешествия по нижнему миру Свипдаг также побывал в *Мимис холти* увидел цитадель, в которой *нашли убежище* асмегиры.....

Саксон знал либо процитированную выше строфу, либо другую, похожую на нее, и когда его Эрик-Свипдаг говорит о своем путешествии двусмысленными словами (*obscura umbage*), Саксон заставляет его сказать: *Ad trunca sylvarum robora penetravi ... ibi cuspis a robore regis excussa est* (Hist., 206). С выражением *ad robora silvarum penetravi* мы должны сравнить *til holtz es gecc*. Слова *robur regis* относятся к древу короля нижнего мира, Мимеру *Мимамейдру*, мировому древу. Цель путешествия Эрика-Свипдага к этому дереву - раздобыть оружие. Саксон называет это оружие *острием*. Фьельсвиннсмаль называет это, перефразируя, *броддр*. *Cuspis* - это перевод *broddr*.

Таким образом, не может быть никаких сомнений относительно идентичности Скирнера и Свипдага.

106.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА СВИПДАГА. ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ И СМЕРТЬ. ФРЕЙЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ЕГО ПОИСКИ. ЭПИТЕТ ФРЕЙИ МАРДЕЛЛ. МОРСКАЯ ПОЧКА, БРИСИНГАМЕН. ЭПИТЕТ СВИПДАГА ГЕРМОДР.

Когда разразилась война между асами и ванами, Свипдаг, как мы узнали, поддержал дело ванов (см. № № 33, 38), к которым он, естественно, принадлежит как муж Вана-дис Фрейи и самый близкий друг Фрея. Счастливый исход войны за Ванов развязывает Свипдагу руки в отношении ненавистного сына Хальфдана Хаддинга, сына женщины, ради которой была отвергнута мать Свипдага Гроа. Тем временем Свипдаг предлагает Хаддингу примирение, мир и

трон среди тевтонов (см. № 38). Когда Хаддинг отказывается принять дары милосердия от убийцы своего отца, Свипдаг преследует его с непримиримой ненавистью. Эта ненависть, наконец, приводит к поворотному моменту в судьбе Свипдага и омрачает карьеру блестящего героя. После того, как асы и ваны снова примирились, одной из их первых мыслей, должно быть, было положить конец вражде между тевтонскими племенами, поскольку продолжение последней не соответствовало миру, восстановленному среди богов (см. № 41), тем не менее война в Мидгарде продолжалась (см. № 41), и причиной ее был Свипдаг. Он стал мятежником как против асов, так и против ванов, и здесь мы должны искать причину, по которой, как мы читаем в Младшей Эдде, он исчез из Асгарда (Младшая Эдда, 114). Но он исчезает не только из мира богов, но, наконец, и с земного очага войны, и этот бог или те боги, которые были виноваты в этом, скрывают от Фрейи его несчастливую и унижительную судьбу. Именно в это время верная и преданная Вана-дис отправляется на поиски своего возлюбленного по всем мирам *средний укуннум тьодум*.

Саксон дает нам два рассказа о смерти Свипдага — один явно переосмыслен историей, другой точно соответствует мифологии. В первом сообщается, что Хаддинг завоевал и убил Свипдага в морском сражении (*История.*, 42). Последний сообщает нам следующее (*Hist.*, 48):

Когда Хаддинг жил в изгнании в северной глуши, после своего крупного поражения в конфликте со шведами, случилось так, что солнечным, теплым днем он пошел к морю искупаться. Когда он умывался холодной водой, он увидел животное самого необычного вида (*bellua inauditi generis*) и вступил с ним в схватку. Хаддинг прикончил его быстрыми ударами и вытащил на берег. Но пока он радовался этому поступку, женщина встала у него на пути и спела песню, в которой давала ему понять, что совершенное им сейчас деяние повлечет за собой ужасные последствия, пока ему не удастся примирить божественный гнев, который это убийство обрушило на его голову. Все силы природы, ветер и волны, небо и земля, должны были стать его врагами, если бы он не смог умиловить разгневанных богов, ибо существо, чью жизнь он отнял, было небесным существом, скрытым под личиной животного, одним из сверхземных:

Quippe unum e superis alieno corpore tectum
Sacrilegæ necuere manus: sic numinis almi
Interfector ades.

Однако из продолжения повествования следует, что Хаддинг не желал раскаиваться в содеянном, хотя ему сказали, что тот, кого он убил, был сверхъестественным существом и что он долгое время отказывался умиловить тех богов, печаль и гнев которых он пробудил своим убийством. Только после того, как предсказания этой женщины подтвердились ужасными явлениями, Хаддинг решается примирить силы, о которых идет речь. И это он делает, учреждая жертвенный пир, который называется "приношение Фрея" и с тех пор отмечался в честь Фрея (*От имени бога, который благословил тебя*).

Отказ Хаддинга раскаяться в содеянном и вызов, который он выказал божественным силам, которых он оскорбил совершенным им убийством, могут быть объяснены только тем фактом, что этими силами были Ваны-боги, которые долгое время оказывали помощь его врагам (см. № 39), и что само сверхъестественное существо, которое, скрываясь под личиной животного, было убито им, было кем-то, чье поражение доставляло ему удовольствие, и чью смерть он считал

себя связанным и вправе вызвать. Это объяснение полностью подтверждается тем фактом, что когда он узнает, что Один и асы, чьим любимцем он был, больше не держат над ним свои покровительственные руки, и что умилоствление, рекомендованное пророчицей, становится для него необходимостью, он совершает великое ежегодное подношение Фрею, шурин Свипдага. То, что этот бог особенно нуждается в умилоствлении, опять же, не может иметь никакой другой причины, кроме того факта, что Фрей был более близким родственником сверхъестественному существу, от убийцы которого он (Фрей) потребовал выкуп, чем любой из богов-Асов. И поскольку Саксон уже сообщил нам, что Свипдаг погиб в морском сражении с Хаддингом, все указывает на вывод, что в небесной личности, которая была скрыта под личиной животного и была убита в воде, мы должны обнаружить мужа Свипдага Фрейи.

Саксон не сообщает нам, в каком зверином обличье это было. Несомненно, это был чисто сказочный вид, поскольку Саксон называет его *bellua inauditi generis*. В англосаксонских записях, которые будут приведены ниже, он обозначен как *uurm* и *draca*. То, что Свипдаг, приговоренный носить это обличье, держал себя в воде у берега моря, следует из того факта, что Хаддинг встречает и убивает его в море, куда он идет купаться. Фрейя, которая повсюду искала своего потерянного возлюбленного, также отправилась на его поиски в царства *Эгира* и *Рана*. Есть основания предполагать, что она снова нашла его, и, несмотря на его преобразование и отталкивающую внешность, которую он вследствие этого приобрел, она осталась с ним и стремилась утешить его страдания своей преданной любовью. Одна из фамилий Фрейи показывает, что когда-то она жила на лоне моря. Меня зовут *Марделл*. Еще одним доказательством этого является сохранившийся до нашего времени фрагмент мифа о конфликте между Хеймдалем и Локе из-за Брисингамена. Это шейное и нагрудное украшение, воспетое в песнях как у тевтонских племен Англии, так и у скандинавских племен, одно из самых великолепных произведений древних художников, принадлежало Фрейе (Тримсквида, Младшая Эдда). Она носила его, когда искала Свипдага и нашла его под морскими волнами; и великолепие, которое ее Брисингамен распространял из глубины над поверхностью моря, является эпической интерпретацией имени *Марделл* от *марр*, "море", и *делл*, женского от *даллр* (древнеанглийское *deall*), "сверкающий" (сравните имена Хеймдалль и Деллинг). *Марделл*, таким образом, означает "тот, кто рассеивает мерцание в море". Тот факт, что Брисингамен вместе со своим обладателем действительно какое-то время находился во владениях Эгера, подтверждается его эпитетом *fagrt hafnýra*, "прекрасная морская почка", который встречается в строфе Ульфа Уггесона (Младшая Эдда, 268). Там также были шхеры, *Вагаскер*, *Сингастейн*, на которых лежал и блестел Брисингамен, когда Локи, одетый в обличье тюленя, попытался украсть его. Но прежде чем он достиг своей цели, в шхеры прокрался другой тюлень, во внешности которого — переодетые люди не могли изменить свой взгляд — злой и коварный потомок Фарбаута, должно быть, быстро узнал своего старого противника Хеймдала. Возник конфликт из-за обладания украшением, и храбрый сын девяти матерей стал победителем и сохранил сокровище для Асгарда.

К свипдагским синонимам *Одр* (Хотарус), *Оттар* (Отарус), *Эйрек* (Эрикус) и *Скирнир*, мы должны, наконец, добавить еще один, который, возможно, англосаксонского происхождения: *Хермодр*, *Херемод*.

Из записей скандинавских мифов мы узнаем следующее о Хермоде:

(a) Он обитал в Асгарде, но не принадлежал к числу правящих богов. Его называютсвейн Одина (Младшая Эдда, 174), и он был любимцем отца-аса и получил от него шлем и кирасу (Хиндлулиод, 2).

(b) Его зовут *энн хвати* (Младшая эдда, 174), быстрый. Когда Фригг спрашивает, не желает ли кто-нибудь заслужить ее благосклонность и благодарность, отправившись в царство смерти и предложив Хель выкуп за Бальдра, Хермод предлагает взять на себя эту задачу. Он сажает Слейпнера на коня Одина, продолжает свой путь в Хель, благополучно добирается до цитадели в нижнем мире, где Бальдр и Нанна наблюдают за возрождением земли, перебрасывает Слейпнера через стену замка и возвращается в Асгард с ответом Хель, кольцом Драупнера и подарками от Нанны Фригг и Фулле (Младшая Эдда, 180).

Из этого следует, что Хермод занимает положение в Асгарде, напоминающее положение Скирнера: что он, как и Скирнер, используется богами в качестве посланника, когда необходимо выполнить важные или рискованные поручения; и что он, как и Скирнер, затем получает в управление коня, который способен перепрыгивать через пламя и стены замков. Мы также должны иметь в виду, что Скирнер-Свипдаг совершил знаменитые путешествия в тот же мир, в который Хермод сейчас отправляется на поиски Бальдра. Как мы знаем, Свипдаг до своего прибытия в Асгард объездил весь нижний мир и добыл там меч победы. После его усыновления в Асгарде боги посылают его в нижний мир, чтобы заполучить цепь Глейпнер.

(c) В исторические времена Хермод обитал в Валхале и был там одним из главных эйнхериев. Когда Хакон Добрый был на пути к чертогу Аса-отца, последний послал Браге и Хермода встретить его:

Хермодр ок Браги
квадрат Хроптатир
гангит и гегн грами
тхви на конунгр ферр
са эр каппи тиккир,
до халлара хиннига (Хаконармал).

Это все, что есть в скандинавских источниках о Хермоде.

Дальнейшую информацию о нем можно найти в поэме "Беовульф", где в двух отрывках (стр. 1747 и далее, и 3419 и далее) он сравнивается с бескорыстным и безупречным героем Беовульфом, чтобы дать понять, что последний в моральном отношении превосходил знаменитого героя древности. Беовульф был связан узами брака с королевской династией, правившей тогда в его стране, и воспитывался в королевских чертогах как старший брат своих сыновей. Сравнение делает эти обстоятельства, общие для Беовульфа и Хермода, отправной точкой и показывает, что в то время как Беовульф стал самым верным опекуном своих юных молочных братьев и во всем отстаивал их права, Хермод вел себя совершенно по-другому. О Хермоде говорится в стихотворении:

(a) Он воспитывался при дворе датского короля (стр. 1818 и далее, 3421 и далее).

(b) Он отправился в дальние путешествия и стал самым знаменитым путешественником, о котором когда-либо слышал человек (*se wæs wreccena wide mærost of wer—theóde*-str. 1800-1802).

(c) Он совершил великие подвиги (стр. 1804).

(d) Он был наделен силами, превосходящими силы всех других людей (стр. 3438-39).

(e) Бог дал ему более высокое положение власти, чем то, которое предоставляется смертным (стр. 3436 и далее).

(f) Но, хотя он воспитывался при дворе датского короля, это обернулось не в пользу Скульдунгов, а во вред им (стр. 3422 и др.), ибо в его груди выросло кровожадное сердце.

(г.) Когда датский король умер (в стихотворении не говорится, как именно), у него остались маленькие сыновья.

(h) Хермод, преданный злыми страстями, которые взяли над ним верх, был причиной разорения Скульдунгов и ужасной эпидемии среди датчан, чьи павшие воины ради него покрывали поля сражений. Своих товарищей по столу при датском дворе он предал смерти в приступе гнева (стр. 3426 и далее).

(i) Война продолжается очень долго (стр. 1815 и далее, стр. 3447).

(k) Наконец произошла перемена, неблагоприятная для Хермода, чье превосходство в боевой мощи уменьшилось (стр. 1806).

(l) Затем он совершенно неожиданно исчез (стр. 3432) из поля зрения мужчин.

(м) Это произошло против его воли. Он был внезапно изгнан и доставлен в мир великанов, где его долго угнетали "волны скорби" (стр. 1809 и др.).

(n) Он превратился в дракона (*вирма, драка*).

(o) Дракон обитал возле скалистого острова в море *под харне станом* (под серой скалой).

(р) Там он убил героя расы вельсунгов (в поэме о Беовульфе "Зигемунд—стрит", 1747 и др.).

Все эти моменты полностью согласуются с сагой о Свипдаге, которую мы нашли в других источниках. Свипдаг - пасынок Хальфдана Скульдунга, он вырос в его чертогах и живет там до тех пор, пока его мать Гроа не будет изгнана и не вернется в Орвандель. Подобно Хермоду, он отправляется в дальние путешествия и, несомненно, является самым известным путешественником, упомянутым в мифологии; станьте свидетелем его путешествия через Эливагар и его визита в Йотунхейм в поисках Фрейра и Фрейи; его путешествия через морозные горы и его спуска в нижний мир, где он пересекает Нифельхейм, видит мельницу Эйлуд, заходит в царство Мимера, добывает меч победы и видит славный замок *асмегир*; станьте свидетелем его путешествия через Бифрост в Асгард и его воинственной экспедиции на далекий Восток (см. также "Младшую Эдду", i. 108, где Скирнер отправляется в *Свартальфахейм* за цепью Глитнера). Он, как и Хермод, наделен необычайной силой, частично из-за своего собственного унаследованного характера, частично из-за песен заклинаний, которые поет над ним Гроа, из-

за мудрости, полученной от его мачехи, и, наконец, из-за владения неукротимым мечом победы. Будучи принятым в Асгарде в качестве мужа Фрейи, он, подобно Хермоду, возвышается до положения более могущественного, чем то, на которое могут рассчитывать смертные. Но все это оказывается не благословением для скьольдунгов, а несчастьем для них. Ненависть, которую он лелеял к Скьольдунгу Хальфдану, передается сыну последнего, Хаддингу, и он преследует его и всех тех, кто верен Хаддингу, ведет против него войну и не желает прекращать долгую войну, хотя боги требуют этого. Затем он внезапно исчезает, божественный гнев облек его в облик странного животного и отправил в мир водных великанов, где он был убит Хаддингом (который в скандинавской героической саге становится Вельсунгом после того, как Хальфдан под именем Хельге Хундингсбейн стал сыном вельсунга Зигмунда).

Хермод убит на скалистом острове *под харне станом*. Свипдаг погиб в воде, вероятно, в окрестностях *Вагаскера* и *Сингастейна*, где Локе и Хеймдал обнаружили украшение в виде брисингамена его верного Мардола.

Любовь и печаль Фрейи, возможно, в мифологии заставили богов смотреть на последнюю печальную судьбу Свипдага и его смерть как на искупление его недостатков. Слезы, которые Вана-дис пролила над своим возлюбленным, согласно мифологии, превратились в золото, и это золото, золото женской верности, могло рассматриваться как достаточное возмещение за грехи ее дорогого человека и, несомненно, открыло Свипдагу те же ворота Асгарда, которые он видел открытыми для себя при жизни. Это объясняет, что Хермод находится в Асгарде в историческое время и что, согласно откровению, данному шведам в девятом веке, древний король Эрик был единогласно возведен богами в ранг члена их совета.

Наконец, следует отметить, что синоним *Svipdag Odr* имеет то же значение, что и *môd* в *Heremôd* и как *ferhd* в *Svidferhd*, эпитет, которым обозначен Хермод в строфе Беовульфа 1820 года. *Одр* означает "тот, кто наделен духом", *Херемод* "тот, кто наделен боевым духом", *Свидферхд* "тот, кто наделен могучим духом".

Конфликт Хеймдаля и Локи из-за Брисингамена, несомненно, был эпизодом мифического повествования о последних судьбах Свипдага и о пребывании Фрейи вместе с ним в море. Есть много причин для такого предположения. Мы должны иметь в виду, что завершающая карьера Свипдага составила часть великой эпопеи первой мировой войны, и что и Хеймдаль, и Локе принимают участие в этой войне, первый на стороне Хаддинга, второй на стороне Гудхорм-Йормунрека и Свипдага (см. № 38, 39, 40). Далее следует помнить, что, согласно Саксо, в то время, когда он убивает чудовище, Хаддинг скитается в качестве изгнанника по дикой местности, и что примерно в это же время Один дает ему спутника и защитника в Лизерус-Хеймдале (см. № 40). Неназванная женщина, которая после того, как произошло убийство, встает на пути Хаддинга, сообщает ему, кого он убил, и призывает на него гнев богов и стихий, должно быть, сама Фрейя, поскольку она была свидетельницей содеянного и знала, кто скрывался под личиной дракона. Пока жил последний, у Брисингамена, несомненно, был верный наблюдатель, ибо в природе дракона - размышлять над сокровищами, которые он находит. После того, как Хаддинг убил его и вытащил на берег, его "ложе", золото, лежит на виду у Вагаскера, и отблеск Брисингамена достигает глаз Лока. В то время как женщина, в отчаянии из-за смерти Свипдага, стоит перед Хаддингом и разговаривает с ним, у украшения нет хранителя, и Локи находит удобный случай украсть его. Но Хеймдаль, защитник Хаддинга,

который в мифологии всегда следит за деяниями Локи и его родственников, враждебных богам, также присутствует, и он тоже видел Брисингамена. Локе принял облик тюленя, в то время как украшение лежит на скале в море, *Вагаскер*, и это не может вызвать подозрений, что тюлень пытается найти там пристанище. Хеймдаль принимает тот же облик, тюлени сражаются на скале, а Локе должен удалиться, так и не выполнив свое поручение. Скала также называется Сингастейн (Младшая Эдда, i, 264, 268), в названии, в котором я вижу англосаксонское *Sincastân*, "скала-украшение". Отголосок битвы при Брисингамене вновь появляется в поэме "Беовульф", где Хеймдал (а не Хамдир) фигурирует под именем Хама и где говорится, что "Хама привел в сверкающую оружием цитадель (Асгард) *Бросингамен*", которая была "лучшим украшением под небесами"; после чего говорится, что Хама попал "в сети Эорменрика", с чем нам следует сравнить рассказ Саксона о ловушках, расставленных Локе, Советник Йорменрека от Лизерус-Хеймдаль и Хаддинг.[8]

107.

ВОСПОМИНАНИЯ О СВИПДАГЕ-МИФ.

Мифическая история о Свипдаге и Фрейе дошла в популярных сказаниях и песнях даже до нашего времени, конечно, во все более изменяющейся и искаженной форме. Среди популярных сказок есть одна о *Мертелле*, написанная Конрадом Маурером и опубликованная в "*Современных исландских популярных сказках*".

Чудесная прекрасная героиня этой сказки носит хорошо известную фамилию Фрейи, Мардол, но практически не измененную. И поскольку она, подобно Фрейе, плачет слезами, которые превращаются в золото, становится ясно, что изначально она идентична ванадис, на что также указывает Маурер.

Как и Фрейе, норн предназначила ей стать женой юноши-принца. Но когда он стал ухаживать за ней, возникли трудности, которые напоминают нам о том, что Саксон рассказывает об Отаре и Сирите.

В представлении Саксона Сирита как бы околдована, не смея поднять глаза на своего возлюбленного или ответить на его признания в любви. Она летает над горами *больше приштино* "обычным в древности способом", следовательно, по всей вероятности, в облике птицы. В популярной исландской сказке Мартол содрогается при приближении первой брачной ночи, поскольку тогда ей суждено превратиться в воробья. Она собирается разорвать объятия своего возлюбленного, чтобы он ничего не узнал о чарах, которыми она скована.

У Саксона чары, наложенные на Сириту, разрушаются, когда свеча первой брачной ночи обжигает ей руку. В популярной сказке Мартол должен вечно носить облик воробья, если его не сожгут в первую брачную ночь или в одну из двух следующих ночей.

Как у Саксона, так и в популярной сказке другая девушка занимает место Мардола на брачном ложе в первую брачную ночь. Но чары разрушает огонь, после чего оба влюбленных действительно получают друг друга.

Таким образом, первоначальная идентичность мифологической Фрейи-Мардол, Сириты Саксона и *Мертелля* из популярной исландской сказки очевидна.

В датской и шведской версиях баллады (у Сива, Ньерупа, Арвидссона, Гейера и Афцелиуса, Грундвига, Дыбека, Хофберга; сравните "Эдду" Бугге, стр. 352 и др.) прославляется молодой Свайдал (Сведал, Свендал, Сведендал, Сильфвердал), который является не кем иным, как Свипдагом из мифологии. Свен Грундтвиг и Бугге обратили внимание на заметное сходство между этой балладой, с одной стороны, и Грогалдером и Фьельсвиннсмалем - с другой. Из различных версий баллады необходимо упомянуть здесь только те черты, которые наилучшим образом сохраняют наиболее поразительное сходство с мифическим прототипом. Мачеха приказывает Свейдалу найти девушку, "чье печальное сердце давно тосковало". Затем он сначала отправляется на могилу своей покойной матери, чтобы получить от нее совет. Мать говорит с ним из могилы и обещает ему коня, который перенесет его через моря и сушу, и меч, закаленный в крови дракона и напоминающий огонь. Узкие рамки баллады запрещали рассказывать о том, как Свейдал завладел сокровищами, обещанными матерью, или давать отчет о подвигах, которые он совершил с мечом. Это не играет никакой роли в балладе; указано только, что события, которые не были записаны, произошли до того, как Свейдал нашел тоскующую девушку. Путешествуя по лесам и морям, он прибывает в страну, где у нее есть замок. Помимо этого, он встречается пастуха, с которым вступает в беседу. Пастух сообщает ему, что внутри находится юная девушка, которая давно мечтает о молодом человеке по имени Свейдал, и что никто, кроме него, не может войти туда, потому что бревна замка железные, позолоченные ворота стальные, а за воротами сторожат лев и белый медведь. Свейдал подходит к воротам; замки самопроизвольно отпадают; и когда он выходит на открытый двор, дикие звери припадают к его ногам, липа с золотыми листьями склоняется перед ним до земли, и юная девушка, которую он ищет, приветствует его как своего мужа.

Одна из версий заставляет его прищипорить коня и перелететь через стену замка; в другой говорится о семи молодых людях, охраняющих стену, которые показывают ему дорогу к замку и которые на самом деле являются "ангелами божьими под небесами голубыми".

Конь, несущий своего всадника над соленым морем, является воспоминанием о Слейпнере, на котором Свипдаг не раз ездил верхом; и когда утверждается, что Свейдал на этом коне перескакивал через стену замка, это напоминает нам о Скирнер-Свипдаге, когда он перепрыгивает через забор вокруг жилища Гимера, и о Хермод-Свипдаге, когда он прищипоривает Слейпнера через стену к замку нижнего мира Бальдра. Пастухи, которые являются "божьими ангелами", относятся к стражам, упомянутым во Фьельсвиннсмале, которые являются богами; дикие звери на открытом дворе - к двум собакам-волкодавам, охраняющим ворота Асгарда; пастух, которого Свейдал встречает за стеной, - к Фьельсвину; липа с золотыми листьями - к *Мимамейдру* и к золотой роще, растущей в Асгарде. По одной из версий, проходит два года, пока Свейдал ищет ту, на ком ему суждено жениться.

В Германии тоже сохранились фрагменты мифа о Свипдаге и Фрейе. Мы признаем, что эти остатки являются частями сооружения, построенного, так сказать, в стиле монахов, но, тем не менее, они самым положительным образом показывают, что они заимствованы из упавших и рассыпавшихся аркад языческой мифологии. Мы заново открываем в них старую средневековую поэму о "несшитом сером плаще Христа".

Герой поэмы - Свипдаг, названный здесь по имени своего отца Орэндэл, Орентель — то есть Орвандель. Сам отец, который, как говорят, был королем в Трире, получил другое имя, которое уже в древнейшие языческие времена было синонимом Орванделя и которое я рассмотрю ниже. Это в связи с тем обстоятельством, что святой покровитель младшего Орентеля (Свипдага) называется "святой Виланд", и, таким образом, он носит имя человека, который в мифологии, как будет показано ниже, был дядей Свипдага (братом отца) и помощником, и чей меч является защитой Свипдага и залогом победы, доказывает, что по крайней мере в отдельных случаях не только события мифа, но также его имена и семейные отношения самым замечательным и верным образом сохранялись на протяжении веков в сознании немецкого народа.

По самой природе вещей в монашеской поэме задачей молодого Свипдага-Орентеля не может быть отправиться на поиски языческой богини Фрейи и спасти ее от власти великанов. Вместо нее появляется "фрау Брейде", прекраснейшая из всех женщин и единственная, достойная стать женой молодого Орентеля. В языческой поэме "богиня судьбы Урд", в немецкой средневековой поэме "Сам Бог" решает, что Орентель должен взять в жены самую прекрасную женщину. В языческой поэме Фрейя находится во власти великанов и скрывается где-то в Йотунхейме в то время, когда Свипдагу приказано найти ее, и это величайший момент для сохранения мира, когда богиня любви и плодородия должна быть освобождена из рук сил мороза. В немецком стихотворении, написанном под влиянием усилий христианского мира отвоевать Святую Землю, фрау Брейде - принцесса, которая в настоящее время находится в Иерусалиме, окруженная великанами, язычниками и рыцарями-тамплиерами, за последними из которых в то время, когда стихотворение получило свою нынешнюю форму, смотрели как на приверженцев дьявола и как на людей, которых верующие должны избегать. Задаче Свипдага по освобождению богини любви соответствует в монашеской поэме задача Орентеля по освобождению фрау Брейде из окружения великанов, язычников и рыцарей-тамплиеров и возвращению христианскому миру святой могилы в Иерусалиме. Орентель направляется туда со своим флотом. Но хотя путешествие, соответственно, направлено на юг, мифическая сага, в которой Свипдаг путешествует по ледяному Эливагару, утверждает себя; и поскольку его флоту не могли помешать куски льда на побережье Святой Земли, он был вынужден прочно застрять в "плотной воде" и оставаться там в течение трех лет, пока, по мольбе Девы Марии, его не освободит оттуда шторм. Молитвы Девы Марии заняли то же место в христианских поэмах, что и заклинания Гроа в языческих. Флот, освободившийся от "плотной воды", плывет к земле, которой управляет некто Белиан, побежденный Орентелем в морском сражении. Этот Белиан - мифологический *Бели*, один из тех "ревунов", которые окружали Фрейра и Фрейю во время их пребывания в Етунхейме и угрожали жизни Свипдага. В христианской поэме Беле был провозглашен царем Великой Вавилонии, несомненно, по той причине, что его имя наводило на мысль о библейском "Бел в Вавилоне". Саксон также говорит о морском сражении, в котором Свипдаг-Эрик побеждает мифического персонажа, несомненно, штормового великана, который с помощью колдовства готовит гибель моряков, приближающихся к земле, где скрываются Фрото и Гунвара. После множества других приключений Орентель прибывает в Святую Землю, и ангел Гавриил указывает ему дорогу к фрау Брейде, точно так же, как "семь ангелов Божьих" в одной из скандинавских баллад ведут Свейдала к замку, где пребывает его избранная невеста. Оказывается, что леди Брейд окружают только враги христианства — рыцари-тамплиеры, язычники и великаны, — которые, подобно великанскому окружению Гунвары в "Саксонии", проводят время в сражениях, но по-прежнему ухаживают за своей прекрасной леди как за

принцессой. Гиганты и рыцари-тамплиеры стремятся лишить Орентеля жизни, и, подобно Свипдагу, он должен постоянно быть готов защищать ее. Один из гигантов, убитых Орентелем, является "знаменосцем". Одним из великанов, который в мифологии пытается лишить Свипдага жизни, является Греп, который, по словам Саксона, встречает его в насмешку со знаменем, на верхушке древка которого закреплена голова быка.

Тем временем леди Брейд внимательно относится к Орентелю. Как Менглад принимает Свипдага, так и леди Брейд принимает Орентеля с поцелуем и приветствием, зная, что ему суждено стать ее мужем.

Когда Орентел побеждает великанов, он празднует что-то вроде свадьбы с леди Брейд, но между ними лежит обоюдоострый меч, и они спят как брат и сестра рядом друг с другом. Свадьба подобного рода упоминалась в мифологии в отношении Свипдага и Менглада до того, как они встретились в Асгарде и, наконец, объединились. Целомудренное рыцарство, с которым Фрейю встречает в мифологии ее спаситель, подчеркивается Саксом как в его рассказе об Эрике-Свипдаге и Гунваре, так и в его рассказе об Отарусе и Сирите. Он заставляет Эрика сказать о Гунваре Фроте: *Intacta illi pudicitia manet (История., 126)*. And of Otharus he declares: *Neque puellam stupro violare sustinuit, nec splendido loco natam obscuro concubitus genere macularet (Hist., 331)*. Таким образом, первая свадьба Орентеля и Брейде проходит так, как будто ее и не было, и немецкое повествование заставляет Орентеля, после завершения других военных приключений, просить руки Брейде во второй раз. В мифологии вторая и настоящая свадьба между Свипдагом и Фрейей, безусловно, должна была состояться, поскольку он воссоединился с ней в Асгарде.

Меч, сыгравший столь заметную роль в судьбе Свипдага, не был забыт в немецкой средневековой сказке. Упоминается, что он скрыт глубоко в земле и как меч, который всегда приносит победу.

Однажды появляется леди Брейд с оружием в руке и сражается на стороне Орентеля при обстоятельствах, которые напоминают нам процитированную выше историю Саксона (см. № 102), когда Эрикус-Свипдаг, Гунвара-Фрейя и Роллерус-Улль находятся в жилище коварного великана, который пытается убедить Свипдага отдать ему Гунвару, и когда Бракус-Тор врывается в жилище великанов и либо убивает обитателей, либо обращает их в бегство. Затем Гунвара сражается на стороне Эрика-Свипдага, *мулиебри корпорейшн вирилем анимум экуанс (История., 222)*.

В немецкой саге об Орентеле появляется "рыбак", которого зовут мастер Исе. Орентел когда-то потерпел крушение и плывет на доске к своему острову, где его подбирает Исэ. Исэ не обычный рыбак. У него есть замок с семью башнями, и под его началом служат восемьсот рыбаков. Есть веские основания предполагать, что этим могущественным вождем рыбаков изначально был бог Аса Тор, у которого в северном океане когда-то был змей Мидгард на крючке, и что эпизод с подбором Исом потерпевшего крушение Орентеля уходит корнями в традицию, касающуюся мифического приключения, когда Тор встретил настоящего Орванделя, отца Свипдага, слабого и замерзшего, и перенес его через Эливагар. В мифологии, как будет показано ниже, Орвандель храбрый был "присягнувшим" Тору человеком и сражался вместе с ним против великанов до того, как между сыновьями Ивальда и богами-Асами возникла вражда. В саге об Орентеле Исе также считает Орентеля своим "рабом". Последний освобождается от своего

рабства с помощью золота. Возможно, этот выкуп отсылает к золоту, которое слезы Фрейи дали в качестве выкупа за Свипдага.

Отца Орентеля зовут Эйгель, он король Трира. В Вилкинасаге мы находим лучника Эгиля, брата Волунда, упомянутого под вариацией имени Эйгилл. Покровителем немецкого Орентеля является Виланд, то есть Волунд. Таким образом, в саге об Орентеле, как и в "Волундарквиде" и в "Вилкинасаге", мы находим оба этих имени Эгиль и Волунд в сочетании, и у нас есть еще больше оснований считать короля Эйгеля из Трира идентичным мифологическому Эгилю, поскольку последний, как и Орвандель, является знаменитым лучником. Ниже я продемонстрирую, что лучник Орвандель и лучник Эгиль на самом деле были идентичны в мифологии.

Но сначала это может быть сделано для того, чтобы указать на следующие обстоятельства. Тацит сообщает нам в своей "*Германии*" (3): "Однако некоторые люди думают, что Улисс тоже в своих долгих, полных приключений путешествиях был занесен в этот океан (Германский) и посетил страны Германии, и что он основал и дал название Ашибургию, которая расположена на Рейне и до сих пор является населенным городом; более того, говорят, что там был найден алтарь, посвященный Улиссу, с добавлением имени его отца Лаэрта". Определить точное местоположение этого аскибургума не представляется возможным. Птолемей (ii. 11, 28), а вслед за ним Марциан Гераклеота (*Перипл.*, 2, 36) сообщают нам, что Аскибургон располагался на Рейне, к югу от дельты реки и выше ее. *Tabula Peutingeriana* расположена в Аскебургии между Гелдубой (Гелб) и Ветерой (Ксантен). Но из истории Тацита явствует (iv. 33), что Ашибургиум располагался между Нойсом и Майнцем (Mayence). Read the passage: *Aliis a Novæsisio, aliis a Mogontiaco universas copias advenisse credentibus*.

В этом отрывке говорится о римских войсках, посланных в Ашибург и там атакованных — о тех войсках, которые ожидали освобождения от ближайших римских кварталов на севере или юге. Соответственно, его расположение следует искать либо на том берегу Рейна, либо поблизости от него, который на востоке граничил со старым архиепископством Трир.

Таким образом, немецкая сага об Орентеле помещает владения короля Эйгеля и родную страну Орентеля в те же регионы, где, согласно репортеру Тацита, Улисс, как говорили, поселился на некоторое время и основал цитадель. Как хорошо известно, римляне верили, что нашли следы странствующего Улисса почти во всех странах, и стоило только незнакомым людям услышать упоминание о мифическом герое, совершившем далекие путешествия, и в нем сразу же узнавали либо Улисса, либо Геркулеса. В тевтонской мифологии был герой *а-ля* Улисс в "младшем Орентеле", Одр-Свипдаг-Херемод, которого поэма о Беовульфе называет "несравненно самым знаменитым путешественником среди человечества" (*wreccena wide tærost of er wer-theóde*). Маннхардт уже указывал на эпизод (кораблекрушение Орентеля и прибытие на землю Исе), который напоминает о кораблекрушении Одиссея и его прибытии в страну Фейсов. В пределах, которые, согласно моим собственным исследованиям, были у мифа о Свипдаге, можно указать на другие и более заметные черты, общие для обоих, но, безусловно, не заимствованные ни у того, ни у другого, например, спуск Свипдага и Одиссея в нижний мир и поединок в облике тюленей между Хеймдалем и Локе, который напоминает нам о конфликте Менелая, одетого в тюленью шкуру, со стражем тюленей Протеем (*Odyss.*, iv., 404 и с.). Точно так же, как в арийских языках есть слова, которые своей формой указывают на общее

происхождение, но не на заимствование, так и в арийских религиях есть мифы, которые самой своей формой обнаруживают свое происхождение от древнего общего арийского корня, но не вызывают подозрений в том, что они были заимствованы. К их числу следует отнести те черты мифов об Одиссее и Свипдаге, которые похожи друг на друга.

Выше уже было продемонстрировано, что Маннус из *Германии* идентичен Хальфдану из скандинавских источников и что Ингве-Свипдаг имеет своего аналога в Ингаво (см. № 24). Тот осведомитель Тацита, который смог истолковать тевтонские песни о Маннусе и его сыновьях, трех первоначальных героях германской расы, должно быть, также слышал в этих самых песнях рассказы о подвигах и приключениях Орванделя и Свипдага, поскольку Орвандель и Свипдаг сыграли самую решающую роль в судьбе Маннуса-Хальфдана. Если миф о Свипдаге был сочинен в более позднее время, то сага о Маннусе-Хальфдане должна была претерпеть изменение, равное полной трансформации, после дней Тацита, и для такого предположения нет ни малейших оснований. Орвандель - не мифический персонаж более позднего происхождения. Как уже указывалось и как будет продемонстрировано ниже, он имеет древнее арийское происхождение. Столетия, прошедшие между Тацитом и Павлом Диаконом, к сожалению, почти полностью лишены свидетельств относительно состояния тевтонских мифов и саг; но там, где, как у Иордана, доказательства все еще проступают из преобладающей темноты, мы находим упоминания об *Арпантале*, *Амале*, *Фридигернусе*, *Видигое* (Jord., v.). Иордан говорит, что в древнейшие времена их воспевали в песнях и описывали как героев, которым едва ли были равные (*quales vix heroas fuisse miranda jactat antiquitas*). Предыдущие исследователи уже узнали в Арпантале Орвандель, в Амале Хамал, в Видигое Виттиче сына Виланда (Видга Волундсон), которые в мифологии являются двоюродными братьями Свипдага (см. № 108). Фридигерн, *Фридгьярн*, означает "тот, кто стремится заполучить прекрасную", эпитет, на который Свипдаг имеет первое право среди древних тевтонских героев, как и сама Фрейя имеет первое право на имя *Фрид* (прекрасная). Во Фьельсвиннсмале он принадлежит дису, который сидит у ног Фрейи и принадлежит к ее королевскому двору. Это по аналогии с тем фактом, что имя *Хлин* принадлежит одновременно и самой Фригг (Вельуспе), и богине, принадлежащей к ее царскому двору (Младшая Эдда, i. 196).

То, что Тацит рассказывает о камне, найденном в Ашибургиуме, с начертанными на нем именами Улисса и Лаэрта, конечно, может быть не чем иным, как предположением, основанным на идее, что знаменитый тевтонский путешественник был идентичен Одиссею. Несомненно, эта идея была усилена сходством между именами *Одр*, гот., *Водс* и Одиссеей, а также тем фактом, что имя Лаэрт (соотв. Laerten) имеет общие звуки с именем отца Свипдага. Если бы, как, по-видимому, указывает Тацит, Asciburgium был назван в честь своего основателя, мы бы нашли в Asc- эпитет сына Орванделя, распространенный в первом веке после Рождества Христова и позже. В таком случае ближе всего подумать об *айске* (Фик. iii. 5), английское "ask", англосаксонское *ascian*, шведское *äska*, "искать", "искать", "пытаться обеспечить", что легко адаптировалось к Свипдагу, который отправляется в долгие и опасные путешествия в поисках Фрейи и меча победы. Я обращаю внимание на эти возможности, потому что они, по-видимому, предполагают древнюю связь, но не с целью построения гипотез на их основе. При всех обстоятельствах интересно отметить, что христианская средневековая оренгельская сага помещает дом героя тевтонского переселения в ту же часть Германии, где, как предполагал в свое время Тацит, он основал цитадель. Традиция, о которой слышал Тацит, однако, не делала регионы, прилегающие к Рейну, родиной знаменитого путешественника. В *Германии* говорят, что он пришел туда с Севера после плавания по Северному океану. И это соответствует мифологии,

которая делает Свипдага инглингом, а Свиона, представителя расы скилфингов-инглингов, заставляет его вначале сражаться на стороне сил мороза против Хальфдана, а затем возглавить не только северные тевтонские (Inguæonian), но и западные тевтонские племена (Hermiones) против восточных тевтонских военных сил Хаддинга (см. № 38-40).

Воспоминания о мифе о Свипдаге сохранились также в рассказе о Гамлете, Амлете Саксона (*Амлоди* Снебьерна), сыне Хорвендиллуса (Орванделя). В средневековой истории отец Гамлета, как и отец Свипдага в мифологии, был убит тем же человеком, который женился на жене убитого человека, и, как и Свипдаг в мифе, Гамлет из средневековой саги становится мстителем за своего отца Хорвендилласа и убийцей своего отчима. В скандинавских сагах неоднократно встречается идея о том, что мальчик, чей отчим убил его отца, размышляет о своем долге отомстить последнему, а затем прикидывается сумасшедшим или полуидиотом, чтобы избежать подозрений в том, что он может стать опасным для убийцы. Свипдаг, сын Орванделя, воспитывается в доме своего отчима среди всех обстоятельств, которые могли бы оправдать или объяснить такое лицемерие. Поэтому в детстве он получил эпитет *Амлоди*, значение которого "безумный", и поскольку миф в то же время описывает его как высокоодаренного, умного и сообразительного, мы имеем в словах, которые мифология приписывает его устам, ключ к двусмысленным словам, благодаря которым проявляется ум, скрытый под глупой внешностью. Эти черты мифического повествования о Свипдаге были перенесены в средневековую сагу "Анент Гамлет" - сагу, которая уже во времена Саксона превратилась в самостоятельное повествование. Я вернусь к этой теме в трактате о героических сагах. Другие реминисценции мифа о Свипдаге вновь появляются в датских, шведских и норвежских балладах. Я уже обсуждал датские баллады, которые с удивительной точностью сохранили некоторые фундаментальные черты и детали мифа о Свипдаге даже до наших дней. Норвежская баллада о "Хермоде Молодом" (*Landstad Norske Folkeviser*, стр. 28) и ее шведская версия "Бергтроллет", которая еще более точно соответствует мифу (Arvidson, i. 123), представляют особый интерес с точки зрения мифологической синонимии и связи сохранившихся фрагментов мифа, поскольку Свипдаг появляется в первой как в поэме о Беовульфе и в Младшей Эдде под именем Хермод, и что обе версии имеют в качестве темы историю, которую саксонский поэт назвал "Хермод". рассказывает о своем Отарусе, когда описывает полет последнего через Йотунхейм с вновь открытой Сиритой. Выше уже говорилось (№ 100), что после того, как Отарус нашел Сириту и убил великана, во власти которого она находилась, он был разлучен с ней по пути домой, но снова нашел ее и освободил из плена, в который она попала в обители великанши. Этот эпизод является темой баллады о "Гермоде Молодом" и ее шведской версии. Собранные вместе, эти две баллады дают нам следующее содержание:

Юный Хермод взял в жены прекрасную девушку, которую он освободил из рук великанши. Она попала в руки великанов через ведьму "гигаре", первоначально *гигр*, женщину-тролля Аурбоду, которая при большом скоплении людей украла ее из церкви (божественная цитадель Асгард преобразована в "дом Бога"). Хермод спешит на лыжах "через леса, пещеры и укромные уголки", приходит к "дикому морскому берегу" (Эливагар) и к "голубой горе", где обитает великанша, которая укрывает юную девушку в своей обители. Сегодня канун Рождества. Хермод просит приюта на ночь в горном жилище великанши и получает его. Прибегнув к хитрости, он уговаривает великаншу на следующее утро навестить своих соседей, освобождает прекрасную девушку во время ее отсутствия и летает с ней на лыжах "через высокие горы и вниз с низких". Когда старая великанша по возвращении домой обнаруживает, что они ушли, она спешит (согласно норвежской версии, в сопровождении восемнадцати великанов) за теми, кто

пустился бежать по темным лесам со скоростью, заставляющей каждое дерево пригибаться к земле. Когда Хермод со своей юной девушкой пришел в соляной фьорд (Эливагар), великанша была совсем рядом с ними, но в решающий момент она превратилась в камень, согласно скандинавской версии, под влиянием солнца, которое как раз в это время взошло; согласно шведской версии, под влиянием креста, который стоял рядом с фьордом и его "длинным мостом".

В дополнение к этому в шведской версии говорится, что у Хермода был брат; в мифологии Улл - искусный лыжник. В обеих версиях Хермод сам превосходный лыжник. Припевы в обеих гласят: "Он так хорошо мог бегать на лыжах". Ниже я докажу, что Орвандель, отец Свипдага и Улля, идентичен Эгилю, выдающемуся лыжнику в мифологии, и что Свипдаг - двоюродный брат Скади, "сестры лыжников". Свипдаг-Хермод принадлежит к знаменитой мифологической расе ски, и в этом отношении эти баллады также сохранили подлинные черты мифологии.

Таким образом, эти баллады по-своему свидетельствуют о тождестве Свипдага с Хермодом, а последнего - с Отером Саксона.

Наконец, несколько слов о синонимах Svipdag. Из них *Одр* и *Хермодр* (и в поэме о Беовульфе *Свидферхд*) образуют группу, которая, как уже указывалось выше, относится к качествам его ума. Свипдаг ("мерцающий день") и Скирнер ("сияющий") образуют другую группу, которая называет его сыном звездного героя Орванделя, который является "ярчайшей из звезд" и "истинным лучом солнца" (см. Выше). Опять же, что касается синонима *Эйрек*, мы должны иметь в виду, что сводный брат Свипдага Гудхорм носил эпитет *Йормунрек*, а сводный брат последнего, Хаддинг, - эпитет *тодрек*. Это три сводных брата, которые после патриарха Маннуса-Хальфдана принимают на себя управление тевтонами, и поскольку каждый из них владеет большими владениями и правит многими тевтонскими племенами, они, в отличие от князей отдельных племен, являются великими королями или императорами. Именно на достоинство великого короля указывают, каждое по—своему, все эти параллельные имена - *Эйрек*, *Йормунрек* и *тодрек*.

108.

ОТЕЦ СВИПДАГА ОРВАНДЕЛЬ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО ОН ИДЕНТИЧЕН БРАТУ ВОЛУНДА ЭГИЛЮ. ОРВАНДЕЛСКИЙ СИНОНИМ ЭББО (EBUR, IBOR).

Отец Свипдага, Орвандель, должно быть, был смертельным врагом Хальфдана, который похитил его жену Гроа. Но до сих пор именно его сын Свипдаг, как мы видели, осуществлял месть Хальфдану. Тем не менее, должно показаться невероятным, что сам храбрый лучник бездействовал и предоставил своему молодому неопытному сыну сражаться против любимца Тора, могучего сына Боргара. Связь с эпосом требует, чтобы Орвандель также принял участие в этой войне, и необходимо исследовать, сохранились ли в наших мифологических записях следы удовлетворения этого требования в отношении мифологического эпоса.

Как следует из его имени, Орвандель был знаменитым лучником. То, что *Ör-* в Орванделе, в языческие времена, воспринималось как слово *ör*, "стрела", — хотя это значение, следовательно, не обязательно должно быть самым оригинальным, — совершенно определенно подтверждается Саксом, согласно которому *Örvandill's father was named Geirvandill* (Gervandillus, *Hist.*, 135). Таким образом, отец - это тот, кто "занят копьем", сын - "тот, кто занят стрелой".

Взяв это за отправную точку, мы должны в самом начале нашего расследования задать вопрос: есть ли среди врагов Хальфдана, упомянутых Саксоном, кто-нибудь, кто носит имя известного лучника?

Это действительно так. Хальфдану Бергграму приходится бороться с двумя мифическими персонажами, Токо и Анундусом, которые объединенными силами выступают против него (*История.*, 325). Токо, *Токи*- хорошо известное имя лучника. В другом отрывке Саксона (*Hist.*, 265 и далее) некто Анунд с помощью Аво (или Ано) *стрельца*сражается против некоего Хальфдана. Таким образом, мы имеем параллели:

Лучник Орвандель - враг Хафдана.

Человек по имени лучник Токо и Анундус - враги Хафдана.

Лучник Аво и Анундус - враги Хафдана.

Что сразу бросается в глаза, так это тот факт, что и тот, кого зовут Токо (имя лучника), и лучник Аво имеют в качестве товарища некоего Анундуса в войне против Хальфдана. Откуда Саксон взял этого Анунда? Сейчас мы находимся в области мифологии, связанной с историей, и имя Анунд, должно быть, было заимствовано оттуда. Может ли какой-либо другой источник пролить свет на какого-либо мифического человека с таким именем?

На самом деле существовал Анунд, занимавший видное место в мифологии, и он не кто иной, как Волунд. Волундарквидя сообщает нам, что Волунда также называли Анунд. Когда три девы-лебеди пришли в Волчьи долины, где жили три брата, Волунд, Эгиль и Слагфин, одна из них заключает Эгиля "в свои белые объятия", другая - возлюбленная Слагфина, а третья "обвивает руками белую шею Анунда".

энн в тритии
их святейшество
варти хвитан
халс Онондар.

Волунд - единственный человек по имени Анунд, встречающийся в наших мифических записях. Если мы теперь исключим — конечно, только на время и в ожидании подтверждающих доказательств — имя Анунд и заменим его Волунд, мы получим следующие параллели:

Волунд и Токо (имя лучника) - враги Хафдана.

Волунд и лучник по имени Аво - враги Хафдана.

Лучник Орвандель - враг Хафдана.

Из этого следует, что Волунд был очень тесно связан с одним из лучников мифологии, и что у обоих были какие-то причины быть врагами Хафдана. Может ли это быть подтверждено каким-либо другим источником?

Братьев Волунда в Волундарквиде зовут *Эгилл* и *Слагфидр* (*Слагфиннер*). Исландско-норвежские поэмы языческих времен содержат парафразы, доказывающие, что

мифологический Эгиль был известен как лучник и лыжник. Лук - это "оружие Эгиля", стрелы - "оружие Эгиля - град" (Младшая Эдда, 422) и "быстрая сельдь в руках Эгиля" (*Хар. Гр.*, стр. 18). Корабль называется "Лыжи Эгиля", первоначально потому, что он мог использовать свои лыжи и на воде. В Волундарквиде он совершает охотничьи экспедиции со своими братьями на лыжах. Вилкинасага также (29, 30) знает Эгиля как брата Волунда и говорит о нем как о удивительно искусном лучнике.

Тот же самый Волунд, который у саксов под именем Анунд имеет Токо (имя лучника) или лучника Аво на своей стороне в конфликте с Хальфданом, также имеет лучника Эгиля в качестве брата в других источниках.

О лучнике Токо, который упоминается в *Истории.*, 487-490, Саксон рассказывает о том же подвиге, который Вилкинасага приписывает брату Волунда Эгилю. В Сахо именно Токо исполняет знаменитый шедевр, который впоследствии был приписан Вильгельму Теллю. В *Vilkinasaga* это Эгиль. Тот, как и другой, при схожих второстепенных обстоятельствах сбивает яблоко с головы своего сына. Мастерство Эгиля в беге на лыжах и удобство его лыж на воде не были забыты в рассказе Саксо о Токо. Он бежит на лыжах вниз с горы, круто спускающейся к морю, Куллен в Скании, и, как говорят, спасся на борту корабля. Таким образом, саксоновский Токо, без сомнения, был идентичен брату Волунда Эгилю, а саксоновский Анунд - это тот самый Волунд, о котором Волундарквиде свидетельствует, что у него также было это имя в мифологии.

Таким образом, мы продемонстрировали тот факт, что Волунд и Эгиль фигурируют в саге о тевтонском патриархе Хальфдане как враги последнего, и что знаменитый лучник Эгиль занимал положение, в котором мы ожидали бы найти знаменитого лучника Орванделя, отца Свипдага. Следовательно, Орвандель либо идентичен Эгилю, и тогда легко понять, почему последний является врагом Хальфдана, который, как мы знаем, ограбил свою жену Гроа; либо он не идентичен Эгилю, и тогда мы не знаем мотива появления последнего на той же стороне, что и Свипдаг, и, более того, мы сталкиваемся с невероятностью того, что Орвандель ничего не предпринимает, чтобы отомстить за нанесенное ему оскорбление.

Личность Орванделя и Эгиля полностью подтверждается следующими обстоятельствами.

Для Орванделя Эливагар и побережья Етунхейма являются местом его подвигов в то время, когда он был другом богов и противником великанов. К этому времени мы должны отнести победы Хорвендилла над Коллером (Коллр) и его сестрой Селой (ср. имя чудовища *Селколла*— Биск С., i. 605), упомянутые Саксом (*История.*, 135-138). Только его фамилия *инн фрекни*, храбрый, является доказательством того, что миф относится к важным подвигам, совершенным им, и что они были совершены, в частности, против сил мороза, то есть на службе богам и на благо Мидгарда, — это ясно из повествования в Младшей Эдде (276, 277). Это показывает, как того также требует эпическая связь, что бог Аса Тор и лучник Орвандель были, по крайней мере, какое-то время, близкими друзьями и что они встречались друг с другом во время своих экспедиций с аналогичными целями в Йотунхейм. Когда Тор, раненный в лоб, возвращается после битвы с великаном *Хрунгниром* к себе домой, *трудвангр* (*трудвангар*, *трудхеймр*), жена Орванделя Гроа, была там и пыталась помочь ему с помощью исцеляющей магии, в чем она также преуспела бы, если бы Тор мог заставить себя на некоторое время придержать язык относительно сообщения, которое он принес с собой о ее муже, и которое, как он ожидал, должно было понравиться ей. И Гроа действительно так обрадовалась, что забыла продолжить волшебную песню и не смогла завершить исцеление. Как мы знаем, в отчете говорилось, что во

время экспедиции в Етунхейм, из которой он сейчас вернулся домой, Тор встретил Орванделя, перенес его в корзине через Эливагар и подбросил палец ноги, который бесстрашный искатель приключений заморозил, на небеса и сделал из него звезду. Тор добавил, что вскоре Орвандель вернется "домой", то есть, несомненно, "домой к Тору", чтобы забрать свою жену Гроа. Из этого следует, что, когда он нес Орванделя через Эливагар, Тор расстался с ним где-то по пути, по всей вероятности, в собственном доме Орванделя, и что пока Орвандель бродил по Етунхейму, у Гроа, бога роста, было безопасное убежище в собственной цитадели Бога Аса. Тесная связь между Тором и Орванделем также прослеживается из того факта, что впоследствии Тор женится на второй жене Орванделя Сиф и усыновляет его сына Улля, сводного брата Свипдага (см. № 102), в Асгарде.

Следовательно, жилище Орванделя находилось к югу от Эливагара (Тор нес его *нордан* или *Етунхеймум*— Младшая Эдда, 276), в направлении, по которому Тор должен был двигаться, направляясь в страну великанов и обратно, и, предположительно, совсем рядом или на берегу того мифического водного потока, по которому Тор в этот раз нес его. Когда Тор отправляется из Асгарда навестить великанов, большую часть пути он проделывает в своей колеснице, запряженной двумя козлами *Таннгнйостром* и *Тангрисниром*. В поэме "Хаустлаунг" есть особенно яркое описание его путешествия в своей громовой колеснице сквозь космос, когда он отправился на встречу, согласованную с великаном Хрунгнером, на обратном пути он встретил Орванделя и помог ему пересечь Эливагар (Младшая Эдда, 276). Но по этой воде и по самому Етунхейму Тор никогда не ездит на своей машине. Он переходит вброд Эливагар, он путешествует пешком по диким местам великанов и встречается со своим врагом лицом к лицу, грудь в грудь, вместо того чтобы ударить сверху молнией. В этом сходятся все рассказы о путешествиях Тора в Етунхейм. Следовательно, к югу от Эливагара и где-то рядом с ними должно было быть место, где Тор оставил свою колесницу и своих коз в безопасности, прежде чем продолжить свой путь. И поскольку мы уже знаем, что лучник Орвандель, друг Тора и, подобно ему, враждебный великанам, жил на дороге, по которой шел бог Аса, и к югу от Эливагара, проще всего предположить, что замок Орванделя был остановкой в его путешествии и местом, где он оставил своих коз и повозку.

Теперь в "Химерсквиде" (7, 37, 38) мы действительно читаем, что у Тора по пути в Йотунхейм была остановка, где его драгоценная повозка и козы были размещены и о них позаботился хозяин, у которого, соответственно, было очень важное задание, и, должно быть, он был другом Тора и богов Аса в мифологии. Хозяин носит имя лучника Эгиля. От Асгарда до обители Эгиля, говорит Химерсквида, Тору примерно один день пути, когда он едет позади своих коз по пути в Йотунхейм. После этого дневного путешествия он оставляет тягловых животных, украшенных рогами, у Эгиля, который заботится о них, и бог продолжает свой путь пешком. Тор и Тир собираются навестить великана Хаймера—

За рулем
даг танн фрам
Асгарди фра,
до тех пор, пока Эгильс не вернется;
хирди ханн хафра
хорнгауфгаста
хурфо в хаулло
эр Химир атти.

("Почти весь день они шли из Асгарда, пока не пришли к Эгилю. Он заботился о крепких, как рога, козах. Они (Тор и Тир) продолжили путь в большой зал, которым владел Хаймер".)

Соответственно, из обители Эгиля оба бога отправляются пешком. Из того, что впоследствии рассказывается о приключениях по пути домой, следует, что между домом Эгиля и домом Хаймера (ср. str.) большое расстояние.³⁵—*foro lengi*, доп. и т.п.). Сначала необходимо проехать через Эливагар — *бюр остан*, *Эливага хундвисс Гумир* (ул. 5). В Эливагаре у Хаймера есть свои рыболовные угодья, и там он обычно ловит китов на крючки (ср. стр. 17-а *vâg roa*); но все же он не отваживается далеко выходить на воду (см. стр. 20), предположительно потому, что у него есть враги на южном берегу, где обитает Эгиль. Между Эливагаром и обителью Хаймера значительное расстояние проходит по лесистым горным ущельям (*холтрид*— str. 27) и мимо скал, в пещерах которых обитают монстры, принадлежащие к гигантскому клану Хаймера (стр. 35). Тор прибегает к хитрости, чтобы обеспечить безопасное отступление. После того, как он порыбачил с великаном, вместо того, чтобы закрепить свою лодку на положенном месте на берегу, как просит его Хаймер, он тащит лодку с ее пожитками весь трудный путь до зала Хаймера. По дороге домой на него также нападает Хаймер и весь его клан великанов, и, чтобы иметь возможность свободно владеть Мьельнером, он должен поставить драгоценный котел, который он захватил у ледяного великана и нес на своих широких плечах (стр. 35, 36). Но беспрепятственное отступление через Эливагар он обеспечил себе вышеупомянутой хитростью.

Эгиля зовут *храунбуй* (ул. 38) - эпитет, двусмысленное значение которого не должно остаться незамеченным. Обычно это слово переводится как "обитатель скал", но здесь оно означает "тот, кто живет поблизости от Храунна" (*Hrönn*). *Храунн* - одно из названий эливагаров (см. № 59, 93; ср. Младшая Эдда, 258, с Гримнерсмаем, 38).

Вернувшись к Эгилю, Тор и Тир снова садятся в громовую колесницу и отправляются в Асгард с захваченным чайником. Но не успели они отъехать далеко, как силы одного из украшенных рогами упряжных животных иссякли, и оказалось, что коза хромает (стр. 37). Когда он находился у Эгиля, с ним случилось несчастье, и причиной тому был хитрый Локе (стр. 37). В поэме не говорится о виде несчастья — Младшая Эдда дает нам информацию на этот счет, — но если целью Локи было посеять вражду между Тором и его другом Эгилем, то на этот раз ему это не удалось. Тор, конечно, потребовал выкуп за то, что произошло, и выкупом были, как сообщает нам Химерсквида, двое детей, которые воспитывались в доме Эгиля. Но Тор стал их превосходным приемным отцом и защитником, и поэтому наказание было такого рода, что было рассчитано на укрепление уз дружбы, а не на их разрыв.

Гильфагининг также (Младшая Эдда, i. 142 и далее) сохранил предания, показывающие, что, когда Тору предстоит совершить путешествие из Асгарда в Етунхейм, на это требуется больше одного дня, и поэтому в конце первого дня путешествия он останавливается на постоялом дворе, где ужинает и останавливается на ночлег. Там он оставляет своих коз и на следующий день отправляется на восток (север), "через глубокое море" (*хафит*, *поразивший джупу*), на другой стороне которого обитают его враги-великаны. Море, о котором идет речь, - Эливагар, и традиция правильно гласит, что гостиница расположена на его южной (западной) стороне.

Но Гильфагининг забыл имя хозяина этой гостиницы. Вместо того, чтобы называть его по имени, он просто называет его *буанди* (крестьянин); но, с другой стороны, он знает и называет имена двух выросших там детей, Тьяльфе и Росква; и он рассказывает, как случилось, что одна из коз

Тора захромала, но не возлагает на Локе вину за несчастье. Согласно Гильфагинингу, это событие произошло, когда Тор направлялся в Утгард-Локе. В Гильфагининге Тор также забирает двух детей в качестве выкупа и делает Тьяльфа (*тъяльфи*) героем, который принимает почетное участие в подвигах бога.

Как будет показано ниже, предполагается, что эта гостиница на дороге из Асгарда в Йотунхейм хорошо известна в книге Эйлифа Гудрунсона "Торсдрапа", в которой описываются приключения, с которыми встретился Тор во время своего путешествия к великану Гейрроду. Торсдрапа приводит факты, имеющие большое мифологическое значение в отношении обитателей этого места. Они являются "заклятыми" помощниками богов-Асов, и, когда это необходимо, Тор может оттуда заручиться поддержкой храбрых воинов, которые сопровождают его через Эливагар в Йотунхейм. Среди них лучник играет главную роль в связи с Тьяльфом (см. № 114).

Соответственно, на северной стороне Эливагара обитают гиганты, враждебные богам и людям; на южной стороне, с другой стороны, существа, дружественные богам и связанные в своей дружбе клятвами. То обстоятельство, что они связаны клятвами богам (см. Торсдрапа), подразумевает, что с ними был заключен договор и что они обязаны повиноваться. Очевидно, что им доверена самая мощная охрана на севере от ледяных великанов.

Это также дает нам объяснение положения звездного героя Орванделя, великого лучника, в мифологическом Эпосе. Мы можем понять, почему он помолвлен с демоном роста, Гроа, поскольку его долг - защищать Мидгард от разрушений мороза; и почему он сражается на Эливагаре и в Етунхейме против тех же врагов, что и Тор; и почему мифология сделала его и повелителя грома друзьями, которые навещают друг друга. С нежностью отца и с преданностью товарища-воина могучий сын Одина несет на своих плечах усталого и холодного звездного героя над туманным Эливагаром, полным магических ужасов, чтобы поместить его в безопасности у его собственного очага к югу от этого моря после того, как он удостоит его знака, который вечно будет сиять на небесах как памятник подвигам Орванделя и дружбе Тора к нему. Тем временем Гроа, жена Орванделя, остается в чертогах Тора.

Но мы обнаруживаем те же узы гостеприимства между Тором и Эгилем. По словам Химерсквиды, это происходит в доме Эгиля, по словам Гильфагининга, в доме, в котором воспитывается Тьяльф, где происходит несчастный случай с одной из коз Тора. В одном из источников юноша, которого Тор берет в качестве выкупа, называется просто ребенком Эгиля; в другом его зовут Тьяльф. Два разных мифических источника показывают, что Тьяльф был беспризорником, усыновленным в доме Эгиля, и, следовательно, был не настоящим братом, а приемным братом Свипдага и Улля. Одним из источников является Форнальдерсага (iii. 241), где утверждается, что Гроа во *флэдармале* нашла маленького мальчика и воспитывала его вместе со своим собственным сыном. *Фледармаль* - это место, которое часть времени затоплено водой, а часть времени остается сухим. Другим источником является "Сага о лонгобардах", в которой мифологический Эгиль вновь появляется как Агельмунд, первый король лонгобардов, эмигрировавший из Скандинавии (*Origo Longob.*, Paulus Dias., 14, 15; ср. № 112). Говорят, у Агельмунда был приемный сын Ламичо (*Origo Longob.*), или Ламиссио (Paulus Dias.), которого он нашел на плотине и из жалости забрал домой. Таким образом, в одном месте это женщина, носящая имя жены лучника Орванделя, в другом - сам лучник Эгиль, который усыновляет ребенка, найденного на плотине или в месте, заполненном водой. Павел Дияконус говорит, что

мальчик получил имя Ламиссио в память об этом обстоятельстве, "поскольку его выловили из плотины", которая на их (лонгобардском) языке называется *лама* (ср. *лем*, грязь). Таким образом, имя Тьяльфе (*thjálf*) наводит на аналогичную мысль. Как уже указывал Вигфуссон, это связано с английским *delve*, дамба; с англосаксонским *delfan*; с голландским *delven*, обрабатывать землю лопатой, копать. Обстоятельства, при которых был найден парень, предопределили его будущее. В мифологии он валит глиняного великана *Меккр-калфи* (Младшая Эдда, i. 272-274). В "Саге о переселении народов" он является первооткрывателем суши и совершает кругосветное плавание по островам (Корм., 19, 3; Младшая Эдда, i, 496), и там он побеждает великанов (Харбардс-льод, 39), чтобы сделать земли пригодными для жизни иммигрантов. В приложении к закону Готланда он фигурирует как Тельвар, который высаживается на Готланде, освобождает остров от троллей, неся огонь, колонизирует его и становится прародителем множества эмигрантов, которые поселяются в южных странах. В "Павле Диаконусе" он вырастает в могущественного героя; в мифологии он превращается в Аса - храброго помощника бога Тора, который участвует в его приключениях с великим лучником на Эливагаре и в Йотунхейме. Павел (гл. 15) говорит, что когда Агельмунд однажды подошел со своими лонгобардцами к реке, "амазонки" хотели помешать ему перейти ее. Тогда Ламиссио сразился, купаясь в реке, с самой храброй из амазонок и убил ее. В мифологии сам Эгиль сражается с великаншей Села, упомянутой у Саксона как амазонка; *piraticis exercita rebus ac bellici perita muneris* (*Hist.*, 138), в то время как Тьяльф сражается с великаншами на Хлессее (Harbardslj., 39), и на стороне Тора и лучницы он пробивается сквозь речные волны, в которых великанши пытаются его утопить (*Thorsdrapa*). Очевидно, что рассказы Павла Диаконуса об Агельмунде и Ламиссио являются не чем иным, как отголосками мифов, связанных с историей Эгиля и Тьяльфе, ценные фрагменты которых, к счастью, сохранились в скандинавских записях.

Таким образом, Тьяльф - приемный сын лучника Эгиля и Гроа, как явствует из объединения процитированных источников. Из других источников мы узнали, что Гроа - жена лучника Орванделя. Орвандель живет недалеко от Эливагара, и Тор - его друг, и навещает его по пути в Етунхейм и обратно. Это те свидетельства личности Орванделя и Эгиля, которые находятся ближе всего к делу.

Уже указывалось, что отец Свипдага Орвандель фигурирует в *Saxo* под именем Эббо (см. № 23, 100). Это отец Отаруса-Свипдага, которого он называет Эббо (*Hist.*, 329-333). Хальфдан убивает Орвандель-Эббо, в то время как последний празднует свою свадьбу с принцессой Сигрутой (см. № 23). В мифологии Эгиля постигла та же участь: враг и соперник убивает его ради женщины. "Шкатулка Фрэнкса", старинное скульптурное произведение, сохранившееся сейчас в Англии и воспроизведенное в великой работе Джорджа Стивенса о рунах, [9] изображает Эгиля, защищающего свой дом от множества нападающих, которые штурмуют его. В доме замечена женщина, и она является причиной конфликта. Как и Хальфдан Саксо, один из нападавших носит дерево или дубинку с ветками в качестве оружия. Эгиль уже поспешил к выходу с луком в руке, и три его знаменитые стрелы выпущены. Над ним рунами написано его имя, поэтому не может быть никаких сомнений в его личности. Нападение, по словам Саксона, произошло ночью (*nocturne nuptiis superveniens*—*История.*, стр. 330).

Подобным образом Павел Диаконус рассказывает историю о смерти Эгиля Агельмунда (гл. 16). Утверждается, что ночью на него напали болгары, которые убили его и увезли его единственную дочь. На протяжении части своей истории соседями лонгобардцев были болгары, с которыми они находились в состоянии войны. В мифологии это были "боргарианцы", то есть сын Боргара

Хальфдан и его люди, которые убили Орванделя. В истории "боргарийцы" были заменены на болгар по естественной причине, что рассказы о войнах с болгарами сохранились в традициях лонгобардов.

Само имя Эббо вновь появляется также в "саге о лонгобардцах". Братья, под предводительством которых, как говорят, эмигрировали лонгобардцы из Скандинавии, у Саксона (*Hist.*, 418) называются Агго и Эббо; у *Origo Longobardorum*- Аджо и Ибор; у Паулюса (гл. 7) - Аджо и Ибор. Таким образом, имя Эббо - это другая форма Ibor, немецкого Ebur, норвежского *Jöfurr*, "дикий кабан". Айбор из саги о Лонгобардах, предводитель эмиграции, и Агельмунд, первый король эмигрантов, в мифологии, а также в авторитетных источниках Саксона, - одно и то же лицо. История лонгобардской эмиграции, изложенная в форме истории, таким образом, уходит своими корнями во всеобщий тевтонский миф об эмиграции, который был связан с враждой, вызванной Локе между богами и первобытными художниками — враждой, в которой последние объединились с силами мороза и, возглавив племена скилфингов-инглингов, дали толчок к миграции на юг, которая привела к заселению тевтонского континента племенами из Южной Скандии и Дании (см. № № 28, 32).

Не забыт мифический герой Ибор и в немецких сагах. Он упоминается в Ноткере (около 1000 года) и в Вилкинасаге. Ноткер просто упоминает его вскользь как героя саги, хорошо известного в то время. Он проводит различие между настоящим диким кабаном (Эбером), бродящим по лесу, и эбером (Эбуром), который "носит кольцо лебедя". Это все, что он может сказать о нем. Но, согласно Волундарквиде, мифологический Эбур-Эгиль женат на девушке-лебедь, и, как и его брат Волунд, он носил кольцо. Значение лебединых колец изначально было таким же, как у Драупнера: они были символами плодородия, и по этой причине были изготовлены и принадлежали первобытным художникам-мифологам, которые, как мы видели, были олицетворенными силами роста в природе, и их возлюбленным или женам, девам-лебедям, которые представляли соки растительности, дающие мифическую "медовуху" или "эль". Таким образом, дева-лебедь, которая любит Эгиля, в Волундарквиде зовут Олрун, что является параллелью имени Ольгефион, как Гроа, жена Орванделя, названа в Хаустлаунге (Младшая Эдда, i. 282). Саксон тоже слышал о лебединых кольцах и говорит, что с трех лебедей, поющих в воздухе, упала *поясная повязка*, на которой были написаны имена вплоть до короля Фридлевуса (Ньерда), который сообщил ему, где он должен найти юношу, которого ограбил великан и освобождение которого было делом огромной важности для Фридлевуса. Контекст показывает, что неназванный юноша был в мифологии Фридлевусом- собственным сыном Ньерда Фреем, повелителем урожая, которого отняли силы мороза. Соответственно, кольцо лебедя участвовало в мифологии в восстановлении плодородия земли.

В Вилкинасаге появляется Виллифер. Автор саги сам говорит, что это имя тождественно с Wild-Ebur, дикий кабан. Виллифер, великолепный и благородно мыслящий юноша, носит на руке золотое кольцо и является старшим другом, защитником и спасителем Видги Волундсона. О его семейных отношениях Вилкинасага не дает нам никакой информации, но роль, которую ему отводят, находит свое объяснение в мифе, где Эбур - брат Волунда Эгиль и, следовательно, дядя его любимого Видги.

Если мы теперь примем во внимание, что в немецкой саге об Орентеле, основанной на мифе о Свипдаге, отца героя зовут Эйгель (Эгиль), а его святого покровителя Виланда (Волунда), и что в "лучнике", который в "Саксе" сражается на стороне Анунд-Волунда против Хальфдана, мы вновь

обнаружили Эгиля там, где ожидали увидеть Орванделя; тогда мы здесь находим целую цепочку доказательств того, что Эбур, Эгиль и Орвандель идентичны, и в то же время оба они одинаковы. звенья в этой цепи свидетельств, взятые в том виде, в каком они есть, из исландской поэзии и у саксов, из Англии, Германии и Италии, продемонстрировали, насколько широко был распространен среди тевтонских народов миф об Орвандель-Эгиле, его знаменитом брате Волунде и его не менее знаменитом сыне Свипдаге. Результат, полученный в результате расследования, имеет огромное значение для восстановления эпической связи мифологии. До сих пор Волундаркvida со своим героем стояла в галерее мифов как изолированный торс, без малейшего следа связи с другими мифами и мифологическими сагами. Теперь, с другой стороны, выясняется, и по мере продвижения исследования это будет становиться все более и более очевидным, что миф о Волунде принадлежит к центральным элементам великого эпоса тевтонской мифологии и простирается ветвями через него во всех направлениях.

Что касается саги о Свипдаге, то первый полученный результат заключается в том, что мифология не была склонна допускать, чтобы меч Волунда, спрятанный в нижнем мире, попал в руки героя, который был чужд великому художнику и его планам. Если Волунд выковал меч с целью, враждебной богам, чтобы отомстить за причиненное ему зло или возвысить себя и своих сородичей среди эльфов за счет правящих богов, то его работа была проделана не напрасно. Если Волунд и его братья - это те сыновья Ивальда, которые, подарив богам прекрасные сокровища, оскорбились из-за решения, которое поставило работы Синдре, особенно Мьельнера, выше их собственных, то мифология также полностью возместила им это оскорбление. Мьельнер сломлен победным мечом, которым владеет племянник Волунда; Асгард трепещет перед молодым эльфом после того, как он получил несравненное оружие своего дяди; его врата открыты для него и других родственников Волунда, и самая прекрасная женщина мира богов становится его женой.

109.

ФРЕЙ ВОСПИТЫВАЛСЯ В ДОМЕ ОРВАНДЕЛЯ -ЭГИЛЯ И ВОЛУНДА. ЭПИТЕТ ОРВАНДЕЛЯ - FR. ЭПИТЕТ ВОЛУНДА "АГГО".

Мифология передала несколько названий прибрежного региона близ Эливагара, где обитали Орвандель-Эгиль и его сородичи, когда они еще были друзьями богов и были форпостом, действующим на службе у сил мороза. То, что этот прибрежный регион был частью Альфхейма, причем самой северной частью этой мифической земли, явствует уже из того факта, что Волунд и его братья являются в Волундарквиде эльфийскими принцами, сыновьями мифического "короля". Правление эльфийских принцев должно быть отнесено к Альфхейму по той же причине, по какой мы относим правление ванов к Ванхейму, а правление богов Аса - к Асгарду. Часть Альфхейма, о которой здесь идет речь, где находилась цитадель Орвандель-Эгиля, в мифологии называлась *Эд-Далир*, *Ýsetr*, (Grimnersmal, 5; Сага Олафа Трюгвесона, гл. 21). На это также указывает тот факт, что *Ульр*, возведенный в достоинство бога Аса, тот, кто является сыном Орвандель-Эгиля и братом Свипдага (см. № 102), согласно Гримнерсмалю, построил свои чертоги в *Эдалире*. Божественные существа, которые изначально не принадлежали Асгарду, но были приняты в клан Одина и, таким образом, стали полноправными гражданами в пределах бастионов цитадели Аса, все еще сохраняют владение землей, царством и залами, которые являются их уделом и где они выросли. После того, как он стал обитателем Асгарда,

Ньерд продолжал владеть Вана-цитаделью Ноатун за западным океаном и время от времени проживать в ней (см. № 20, 93). Скейд, как асинье, продолжает жить в чертогах своего отца Тьясса в Тримхейме (Grimnersmal, 11). Заросшее травой и кустарником царство Видара не является частью Асгарда, а представляет собой большую равнину, на которой в Рагнареке Один должен пасть в битве с Феннером (Grimnersmal, 17; см. № 39). Когда говорят, что у Улла есть свои чертоги в Идалере, это должно быть основано на аналогичной причине, и Идалер должен быть землей, где он вырос и которую он унаследовал после своего отца, великого лучника. Когда Гримнерсмаль перечисляет жилища богов, их ряд начинается с Трудхейма, царства Тора, а следующим после него, в связи с Альфхеймом, упоминается Идалер, предположительно по той причине, что земли Тора и Орвандель-Эгиля были, как мы видели, наиболее тесно связаны в мифологии.

Земля эр хайлакт,
эр лигия се
вместе с олфом нэром;
я трудхейми
спасаю торр вера,
спасаю ривфаз регин.

Идалир хейта.
тар эр Улль хефир
сир ум горва сали;
Альфхейм Фрей
гафо и ардага
тивар в таннфе.

Ýdalir means the "dales of the bow" or "of the bows." *Ýsetr* Сетр - это "шале лука" или "из луков". То, что первая часть этих сложных слов - *ýr*, "a bow," is proved by the way in which the local name *Ýsetr* Сетр,, может применяться в поэтических пересказах, где рука, держащая лук, называется *Ysetr*. Эти имена относятся к мифическим правителям региона, а именно лучнику Уллю и его отцу лучнику Орванделю-Эгилю. Это место также называлось *Гейрвадиллс сетр*, *Гейрвандиллс сетр*, что объясняется тем фактом, что отец Орванделя носил эпитет Гейрвандель (Саксон, *История.*, 135). Хакона Ярла, правителя северной Норвегии, называют (Fagrsk., 37, 4) *Гейрвадиллс сетрс Уллр*, "улль из шале Гейрванделя", парафраз, в котором мы находим мифологическую ассоциацию Улля с шале, которым владели его отец Орвандель и его дед Гейрвандель. Идеилы были описаны как богатые золотом. *Ysetrs eldr* - это парафраз слова "золото". С этим мы должны сравнить то, что говорит Волунд (Volundarkvida, 14) о богатстве золота в его доме и в доме его родственников. (См. Далее, в связи с тем же отрывком, № 114 и 115.)

В связи с упоминанием идалов, Гримнерсмаль утверждает, что боги подарили Фрею Альфхейм зубы. *Танне* (зубной дар) - так назывался подарок, который дарили (и до сих пор дарят в Исландии) ребенку, когда у него появляется первый зуб. Таким образом, нежный Фрей назначен богами королем Альфхейма и главой тамошних эльфийских принцев, среди которых Волунд и Орвандель-Эгиль, судя по самим мифическим событиям, должны были быть самыми выдающимися и прославленными. Также логически правильно, с точки зрения природного символизма, что бог роста и урожая получает власть эльфов и первобытных художников,

олицетворенных сил культуры. Благодаря такому расположению богов, Волунд и Орвандель становятся вассалами Ньерда и его сына.

В двух отрывках Саксона мы читаем мифические повествования, рассказанные как история, из которых явствует, что Ньерд выбрал приемного отца для своего сына или позволил ему воспитываться в доме под присмотром двух приемышей. В одном отрывке (*История.*, 272) именно Фридлевус-Ньерд выбирает лучника Аво приемным отцом своего сына; в другом отрывке (*История.*, 181) это нежный Фрото, сын Фридлевуса и будущий шурином Эрика-Свиптага, который получает Исульфуса и Агго в качестве опекунов.

Что касается лучника Аво, то мы уже встречались с ним выше (см. № 108) в бою на стороне Анундус-Волунда против некоего Хальфдана. Он является параллельной фигурой лучнику Токо, который также сражается на стороне Анундуса-Волунда против Хальфдана, и, как уже было показано, он идентичен лучнику Орванделю-Эгилу.

Имя Агго носит один из лидеров эмиграции лонгобардцев, брат Эббо-Ибора, в котором мы уже узнали Орванделя-Эгиля.

Имя Isolfr на древнескандинавском поэтическом языке обозначает медведя (Младшая Эдда, i. 589; ii. 484). Вилкинасага заставляет Эббо (Дикого Эбура) появиться в облике медведя, когда он собирается спасти сына Волунда Видгу из плена, в который тот попал. На щите Эббо изображены дикий кабан и медведь. Поскольку дикий кабан отсылает к одному из его имен (Эбур), изображение медведя должно отсылать к другому (Isolfr).

При таких обстоятельствах не может быть никаких сомнений в том, что Орвандель-Эгил и один из его братьев, обозначенный именем Агго (Аджо), будь то Волунд или Слагфин, были наделены в мифологии обязанностью воспитывать юного Фрея. Орвандель также занимает, как вассал Ньерда, то место, которое приемные отцы занимали по отношению к естественным отцам своих протеже.

Фрей, соответственно, вырос в Альфхейме, а в Идейлах его воспитывают эльфийские принцы, принадлежащие к кругу братьев, среди которых один, а именно Волунд, является самым известным художником мифологии. Его шедевр "Меч победы" со временем оказывается превосходящим главное произведение Синдре "Молот Мьельнера". И поскольку Саксон всегда упоминает Волунда рядом с Орвандель-Эгилем среди своих братьев (см. № 108), разумнее всего предположить, что именно Волунд, а не Слагфин, появляется здесь под именем Агго вместе с великим лучником, и, как и последнему, ему поручено опекать Фрея. Из этого следует, что Свиптаг и Улл были молочными братьями Фрея. Таким образом, это долг молочного брата, который они выполняют, когда отправляются спасать Фрея от власти великанов, и когда они позже, в войне между асами и Ванами, принимают сторону Фрея. Это также проливает дополнительный свет на слова Свиптаг-Скирнер Фрею в "Скирнерсмале", 5:

ungir saman
varom i árdaga,
vel mættim tvæir truasc.

ДЕДУШКУ СВИПДАГА ЗОВУТ ИВАЛЬДЕ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ОРВАНДЕЛЬ, ВОЛУНД И СЛАГФИН ИДЕНТИЧНЫ СЫНОВЬЯМ ИВАЛЬДЕ.

В мифологии мы читаем, что эльфы выковали великолепные сокровища для Фрея (Гримнерсмаль, 42; Младшая Эдда, i. 140, 340). Среди этих сокровищ были замечательный корабль *Скидбладнир* и сверкающий золотом вепрь *Слидругтанни*, также называемый Гуллинбурсти (Младшая Эдда, i. 176, 264, 340-344), оба явных символа растительности. Эльфы, которые выковали эти сокровища, называются сыновьями Ивальде и составляют ту же группу братьев, чьи дары богам по наущению Локе были подвергнуты публичной экспертизе Асами, и они сочли их недостаточными по сравнению с изделиями Синдре. Было бы самым удивительным, нет, совершенно невероятным, если бы, когда другие художники делали Фрею полезные подарки, эльфийский принц Волунд и его братья не поступили так же, поскольку он главный кузнец среди них всех, и поскольку он вместе со своим братом Орвандель-Эгилом взял на себя обязанности приемного отца по отношению к молодому богу урожая, среди которых, безусловно, была забота о его благе и предоставление ему возможности выполнять важную задачу, возложенную на него в управлении миром.

Уже с этой точки зрения более чем вероятно, что тот же самый художник, который в героической саге о тевтонских племенах под именами Волунд, Виланд, Веланд, рядом с Мимером играет роль выдающегося кузнеца, известного древности, тот же самый, что и в мифологии, был самым превосходным кузнецом, то есть самым искусным среди сыновей Ивальде. Правильность этого взгляда полностью подтверждается доказательствами, которые я сейчас представлю.

Об Ивальде Форнспьяллслёод говорит, что у него было две группы детей, и что Идун, богиня растительности, принадлежала к одной из этих групп:

Álfa ættar
Ithunni heto
Ivallds ellri
ýngsta barna.

Таким образом, Идун - сестра знаменитых художников, сыновей Ивальде. В Волундарквиде Волунд и Слагфин - братья или сводные братья растительных сообществ, которые живут вместе с ними в Волчьих долинах (см. стр. 2). Согласно Форнспьяллслёоду, Идун некоторое время отсутствовала в Асгарде и оставалась в зимне-холодной стране рядом с дочерью Нарфе-Мимера Нат и в компании с людьми, чьи имена и эпитеты указывают на то, что они были кузнецами, первобытными художниками (*Регнир* и *Регин*; см. № 113, 115 и эпитет *вигуар*, синоним *смидар*— Младшая Эдда, i. 587). Таким образом, мы читаем в точности то же самое об Идун, что и о девах-лебедях и растительницах, которые какое-то время жили в Волчьих долинах с Волундом и его братьями. Далее будет продемонстрировано, что имя отца Волунда во введении к "Волундарквиде" и имя, данное отцу дев-лебедей Волунда и Слагфина, являются синонимами и относятся к одному и тому же человеку. Но если мы пока оставим это доказательство в стороне и ограничимся уже представленными свидетельствами, то вопрос о тождестве сыновей Ивальде с группой братьев Волунда, Эгиля и Слагфина принимает следующую форму:

1. (a) В мифологии существует группа братьев, сыновей Ивальде, из рук которых вышли самые замечательные произведения искусства, которые были подарены богам, и последние сравнивали их с творениями первобытного художника Синдре.
- (b) В героической саге есть группа братьев, к которым принадлежит Волунд, самый знаменитый из кузнецов, дошедших до нас из мифологии.
2. (a) Ивальд - эльф, а его сыновья - эльфы.
- (b) Волунд, Эгиль и Слагфин - эльфы (Волундаркvida, 32).
3. (a) Сыновья Ивальде - братья или сводные сестры богини растительности Идун.
- (b) Волунд, Эгиль и Слагфин - братья или сводные братья дев-лебедей и дисов растительности.
4. (a) Об Идун, сестре сыновей Ивальда, говорится, что она некоторое время отсутствовала у богов и жила с первобытными художниками в холодной зимой стране, недалеко от Нат, дочери *Нарфу*-Мимер.
- (b) Волунд и девы-лебеди его братьев некоторое время живут в холодной зимой стране, которая, как уже показали мои исследования, расположена в *нагриндр недан*, следовательно, в нижнем мире, недалеко от царства Природы.
5. (a) Сыновья Ивальда были тесно связаны с Фреем и подарили ему драгоценные сокровища.
- (b) Волунд и Эгиль были тесно связаны с Фреем и были его воспитателями и подопечными.
6. (a) Сыновья Ивальда были глубоко оскорблены богами.
- (b) Волунд был глубоко оскорблен Asa. Он и Эгил становятся их врагами и объединяются с силами мороза.
7. (a) Оскорбление, нанесенное сыновьям Ивальде, состояло в том, что их работы были признаны некачественными по сравнению с молотком Мьельнер, изготовленным Синдре.
- (b) Лучшая кузнечная работа, произведенная Волундом, - это меч такого качества, что он должен доказать свое превосходство над Мьельнером в бою.

Только эти обстоятельства заставляют нас предположить, что сыновья Ивальде были отождествлены с Волундом и его братьями. Мы должны либо признать идентичность, либо мы обязаны предположить, что эпос мифологии содержал две такие группы братьев и делал их идентичными по происхождению, функциям и судьбе. Кроме того, тогда это должно было заставить одну группу отомстить не за оскорбление, нанесенное ей самой, а за оскорбление другой. Я воздержался от последнего предположения, поскольку оно противоречит лучшим правилам логического исследования — *causæ non sunt præter necessitatem multiplicandæ*. И по мере продвижения расследования личность получает подтверждение со всех сторон.

РЕЗУЛЬТАТЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИСКУССТВА, СОЗДАННЫМ СЫНОВЬЯМИ ИВАЛЬДЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИФЫ В РИГВЕДЕ.

В Младшей Эдде, где говорится о суде, вынесенном богами над произведениями искусства сыновей Ивальда (стр. 340 и далее), ничего не говорится о последствиях этого суда; и поэтому мифологи, по-видимому, предположили, что никаких результатов не последовало, хотя он был подготовлен "отцом несчастий", дальновидным и коварным Локе. Судебное решение в этом случае было бы изолированным событием, не имеющим никакого влияния на будущее и не имеющим никакой связи с другими мифическими событиями. С другой стороны, не было найдено никакого возможного объяснения словам Волунда (*Volundarkvida*, 28), которые он произносит после того, как совершил свою ужасную месть Нидаду и готов улететь в обличье орла из своей тюрьмы: *Nu hefi ec hefnt harma minna allra nema einna ivithgjarnra* - "Теперь я отомстил за все причиненные мне обиды, за исключением одной, которая требует более страшной мести". Зло, о котором здесь говорится, совершено ему не Нидадом и не случилось с ним, когда он жил изгнанником в дикой местности Волчьих долин, а относится к более раннему времени, когда он, его братья и их родственники жили в царстве, богатом золотом, где, согласно Волундарквиде (14), они жили счастливой жизнью. Это зло не было отомщено, когда он и его братья покинули свой дом, изобилующий золотом, чтобы вдали от своих врагов он мог усовершенствовать свой план мести, изготовив победный меч. Слова Волунда относятся к суждению, вынесенному по поводу произведения искусства сыновей Ивальде, и таким образом мифические события объединяются в непрерывную цепь.

Это суждение было по своим последствиям слишком важным, чтобы не быть упомянутым в "Велуспе", где все предвещающие опасность события мифологии проходят одно за другим перед нашими глазами в том порядке, в котором они произошли, чтобы показать, как этот мир с невинного и счастливого начала все глубже и глубже погружался в страдание, достигающее своей зрелости в Рагнареке. Таков план и цель стихотворения. Как я покажу полностью и подробно в другой части этой работы, ее цель - рассказать не о "произведениях искусства" Вальфатера, а о вероломных деяниях Лока, "отца зла" (*Vafodrs vel*—Cod. Хаук.); говорить не о "традициях прошлого", а о "событиях прошлого, полных опасности" (*forn spjöll fira*). Счастливое время, в течение которого асы *тефлду и туни* и *тейтир вару* уходят навсегда, и за ними следует эпоха, в которую из Етунхейма пришли три опасные тур-девы. Эти четвертые девы не являются норнами, как обычно предполагалось. Об отношении норн к богам я уже дал полный отчет. Три четверти - это та, которая в своем единстве тройственна и трижды рождена от разных родителей. Ее зовут Хейд-Гульвейг-Ангербода, и, в связи с Локе, она представляет собой злой принцип тевтонской мифологии, подобно Ангра-Майнью и Джахи в иранской мифологии (Бундехеш, 3). Предвещающее несчастье событие, произошедшее после того, как первая ипостась "трижды рожденного" пришла из Йотунхейма, упоминается в связи с его последствиями в "Велуспе" (стр. 8). До сих пор асы не страдали от недостатка в золотых изделиях, но теперь пришло время, когда того, что могло бы принести пользу или доставить удовольствие богам, больше не было. В самом золотом металле боги никогда не испытывали нужды. Их чертоги сверкают этим металлом, и он растет в светлом лесу *Гласир*, за пределами Валхала (Младшая Эдда, i. 340). Стихотворение, как показывают сами слова, означает золотые произведения искусства, вещи, сделанные из золота, такие как *Гунгнир*, *Драупнир*, волосы Сиф, Брисингамен и *Слидругтанни*, вещи, обладание которыми увеличивало могущество богов и богатство Мидгарда. Такое перестало поступать в руки богов. Эпоха, в которую дары Синдре и сына Ивальде увеличили коллекцию оружия, защищающего мир, и украшений, производящих

плодородие, в Асгарде подошла к концу, когда Локе, благодаря прибытию Хейда, обрел свое второе "я" и когда злой принцип, доселе бесплодный, смог, как мужчина и женщина, породить злые деяния. Следствием первого обманного акта было, как мы видим, то, что искусные в искусстве руки — руки, которые до сих пор создавали и дарили такие сокровища, — отказались больше служить богам. Договоренность, посредством которой Локе добился этой цели, Вельуспа не упоминает, но это не может быть ничем иным, как вынесенным им судом, который оскорбил сыновей Ивальде и, в то же время, обманом лишил победившего Синдре согласованного приза - головы Локе. Обе группы художников, должно быть, покинули божественный двор, разгневанные на богов. Когда мы вспоминаем, что первобытные художники были олицетворением творческих сил растительности, тогда мы также можем понять значение конфликта между ними и богами, которым они до сих пор служили. Первая часть "Велуспы" частично дополнена строфами из старой песни о сотворении мира, имеющей большое мифологическое значение, частично - списками имен для использования молодыми поэтами. Если мы уберем эти вставки, останется цепь первобытных мифологических неудач, первым звеном которой является событие, знаменующее конец первой эпохи, в течение которой первобытные художники, дружески объединенные с богами, создавали великолепное оружие, средства передвижения и украшения для последних. За этим конфликтом последовало смешение воздуха с вредными элементами — другими словами, это было начало великой зимы. Фрейя была предана в руки гигантов; черное искусство, посеянное Хейдом, было распространено среди человечества; убийство было совершено против трижды рожденного вопреки обещаниям и клятвам; идет война между Асами и Ванами; разгорается первая великая война в мире, когда Асгард штурмуют и Мидгард покрывается полями сражений, на которых братья убивают друг друга; Бальдр убит омелой; рождается множество монстров, которые в Железном Лесу ожидают Рагнарека; из-за грехов асов и ванов начинается первая великая война в мире. мужчины, возникла необходимость создать места пыток в нижнем мире. Все эти ужасные события, произошедшие утром во времени, - коварная работа отца несчастий и его женского двойника. Провидица в Велуспе рассказывает обо всех этих событиях и деяниях, чтобы показать необходимость грядущего разрушения и возрождения мира.

Выше (см. № 54) уже было показано, что фрагменты древнеарийской мифологии, которые сохранили Авеста, Зенд и Бундехеш, говорят о страшной зиме, посетившей мир. Чтобы спасти то, что является самым благородным и лучшим среди растений, животных и людей, от грядущего уничтожения, Джима устроил в нижнем мире отдельную замкнутую область, в пределах которой избранные организмы живут незагрязненной жизнью, не потревоженные событиями этого мира, чтобы они могли населить более красивую и счастливую землю в возрожденном мире. Я показал, что тот же миф во всех важных деталях вновь появляется в тевтонской доктрине о роще Мимера и о *асмегирах*, живущих там. В иранских летописях мы читаем, что великая зима была делом рук злого духа, но они не сообщают подробностей или эпических причин разрушений от холода. Об этих причинах мы находим информацию в Ригведе, индийской сестре иранской мифологии.

Облаченный в божественный сан, среди богов Ригведы живет выдающийся художник Тваштар (Тваштри), часто упоминаемый в гимнах Ригведы. Это слово означает "мастер-труженик", "разнорабочий" (Bergaigne, *религ. Вед.*, iii. 45; Дарместетер, Ормазд, 63, 100). Он - тот, кто формирует организмы в материнской утробе, тот, кто готовит и первым овладевает в качестве своего секрета напитком сома, дающим силу и вдохновение (Ригв., ii. 53 и с.); именно он поддерживает расы людей (Ригв., iii. 55, 19). Среди чудесных вещей, сделанных его руками,

упоминается кубок, из которого пьют боги и который наполняется благословениями (Ригв., iii. 55, 20; х. 53, 9), и индуистский меч Тора "молния", соответствующий мьельнеру Тора.

Но среди смертных выросли братья, которые сами были смертными, а не божественного ранга, но которые воспитали из себя художников, чье мастерство наполняет мир изумлением. Их всего три, обычно их называют *Рибху*, но также *Анус* и *Аюс*, имена, которые, возможно, имеют какую-то первоначальную связь с именами волундов *Анунд* и *Аджо*. Самым умным и предприимчивым в успешных художественных начинаниях является младший из троих (Rigv., iv. 34). Они также варят сому, скальды и герои (Ригв., iv. 36, 5, 7), и один из них, как и брат Волунда Орвандель-Эгиль, непревзойденный лучник (Ригв., iv. 36, 6). Благодаря своей ручной работе эти смертные художники вступают в контакт с богами (Ригв., iv. 35), и как Волунд и Орвандель-Эгиль становятся друзьями, союзниками, боевыми товарищами и слугами Тора, так и Рибху становятся друзьями Индры (Ригв., i. 51, 2; vii. 37, 7); "с Индрой, услужливым, объединились помощники; с Индрой проворным - Рибху". Они делают оружие, кольчуги и средства передвижения, а также создают чудесные сокровища для богов. На земле они выращивают растительность в пустынях и прокладывают пути для потоков удобрения (Rigv., v. 42, 12; iv. 33, 7). Таким образом, ссыновьями Ивальде у них общие качества: они одновременно являются создателями растительности, кузнецами у очага и дарителями драгоценных сокровищ богам.

Но какой-то злой язык убедил богов, что Рибху сказал что-то уничижительное о кубке, изготовленном Тваштаром. Это рассердило Тваштара, и он потребовал их смерти. Затем боги послали бога огня Агни к Рибху. Рибху спросили: "Почему самый превосходный, самый юный пришел к нам? С каким поручением он пришел?" Агни сказал им, что, по имеющимся сведениям, они придрались к кубку Тваштара; они заявили, что не сказали ничего уничижительного, а только говорили о материале, из которого он был сделан. Агни тем временем изложил решение богов о том, что они должны сделать из кубка Тваштара еще четыре таких же. Если бы они не смогли этого сделать, то боги, несомненно, удовлетворили бы просьбу Тваштара и лишили бы их жизни; но если бы они смогли изготовить кубки, то они должны были бы разделить с богами право получать подношения. Более того, они должны были предоставить следующее доказательство мастерства. Они должны были выковать живую лошадь, живую колесницу, живую корову, а также создать средство омоложения и продемонстрировать его эффективность на двух пожилых и ослабленных существах. Рибху сообщили богам, что они сделают то, что от них потребуют. Поэтому они сделали чудесную колесницу или корабль-колесницу, которую они подарили ашвиньям — прекрасным богам-близнецам, — на которой они ездят по воздуху и по морю (ср. Скидбладнер, корабль Фрея, и Хрингхорн, средства передвижения Бальдера и, вероятно, также Ходера по воздуху и по морю). Из одного коня они сделали двух и подарили их Индре. Из пустой коровьей шкуры они выковали корову (ср. произведение искусства Синдре, когда он сделал кабана Слайдрингтанне из пустой свиной шкуры). Они создали средство омоложения и успешно протестировали его на своих престарелых родителях. Наконец, они проделали большую мастерскую работу по изготовлению четырех кубков одинакового качества от Tvashtar's. После этого они предстают перед богами, которые "с пронизательностью" проверяют их дела. Сам Тваштар не мог не изумиться, когда увидел кубки. Но результат испытания богами и приговор, вынесенный произведениям

искусства Рибху, были сопряжены с опасностью для будущего. И Тваштар, и Рибху остались недовольны. Тваштар оставил богов и удалился в горы к растительным богам, в компании которых его часто упоминают. Рибху отказались принять от богов предложенную долю в утренних и полуденных жертвоприношениях и ушли, проклиная своих противников. Они отправились в долгое путешествие, и боги не знали, где их найти (Ригведа, i. 161, 1-13; iv. 33, 1-11 и др.).

Результат этих разногласий между самими первобытными художниками, а также между ними и богами становится ясен из значения, которое имеют Тваштар, тот, кто питает мир, и рибху, те, кто украшает пустыни растительностью и орошает долины, как символы природы. Благодетельные силы природы, которые до сих пор действовали на службе у богов, прекращают свою работу, и по миру разливается та зима, о которой говорится в иранской мифологии, та тьма и то царство гигантских чудовищ, которые, согласно Ригведе, когда-то царили, и в течение которых Индра во главе богов доблестно сражался, чтобы восстановить порядок и вернуть солнце.

Здесь мы находим замечательные точки соприкосновения, или, скорее, поверхности соприкосновения, между азиатско-арийскими группами мифов и тевтонскими. Вопрос не в сходстве в особых деталях. На такого рода сходства можно указать почти во всех мифических группах мира, и, как правило, слишком смелые гипотезы строятся на том шатком фундаменте, который они предлагают. Вопрос здесь касается идентичности в больших, центральных, взаимосвязанных коллекциях мифов. Таковы: Мифы об изначальной гармонии между божественным кланом, с одной стороны, и художниками, подчиненными божественному клану и находящимися на службе у него, с другой стороны. Художники, создающие плодородие, украшения и оружие для богов, знают, как варить мед, придающий силу и вдохновение, и тесно связаны с растительными существами, которые, как мы покажем, предстают в образе дев-лебедей не только в тевтонской мифологии, но и в индуистской; мифы повествуют о том, как эта гармония была нарушена решением судей в соревновании, соперничающими сторонами были, с одной стороны, тот, кто в индуистской мифологии создал молнию Индры, а в тевтонской - громоподобного Мьельнера Тора; и с другой стороны, три брата, из которых один превосходный лучник; мифы о последствиях страшного суда, разрушении природы силами мороза и гигантскими чудовищами; мифы (в иранских и тевтонских записях древности) о подземном рае, в котором избранные лучшие существа творения защищены от уничтожения и продолжают жить неповрежденными на протяжении веков; мифы (в иранских и тевтонских записях древности) о судьбе этих существ, связанные с мифами, также общими для иранской и тевтонской мифологий. относительно разрушения и возрождения мира. Общим для индуистской и тевтонской мифологии также является идея о том, что хитрое, шпионящее существо из Ригведы Дадхьяк (Дадхьянк), в исландских источниках Локе, потерял голову из-за художника, который выковал болт для Индры и молот для Тора, но хитростью спас свое пари.

Здесь следует отметить важное наблюдение. Сравнение различных отрывков из Ригведы показывает, что из всех замечательных произведений искусства, которые были выставлены богам на обозрение, первоначально ни одно не было изготовлено из металла. Кубок Тваштара был сделан не из золота, а из огня, воды и третьего элемента. Молния Индры была сделана из костей головы лошади Дадхьяка, и, согласно более поздней традиции, она стала бронзовой. Общим для арийско-азиатской и тевтонской мифологии является способность первобытных художников создавать животных из пустых шкур зверей и создавать из *одного* произведения

искусства несколько похожих (кубок Рибху, Драупнер Синдре). В тевтонской мифологии молот Тора изначально был сделан не из металла, а из камня, и другие изделия, созданные сыновьями Синдре и Ивальде, возможно, с течением веков претерпели аналогичные изменения. Следует также отметить, что в азиатских группах мифов нет ни единого, который можно было бы сравнить с мифами о Свипдаге и мече победы. В тевтонской героической саге Гейрвандель, герой-копейщик, является отцом Орванделя, лучника, и от него рождается Свипдаг, герой-мечник (см. № 123). Миф о победном мече, по-видимому, является чисто тевтонским и возник в одном из бронзовых или железных веков, в то время как мифы о суде, вынесенном первобытным художникам, и о последовавшей за ним зиме фимбул, должны происходить из того времени, когда арийцы еще не использовали металлы. В другом случае было бы совершенно невероятно предположить, что судебное решение должно касаться произведений искусства, ни одно из которых изначально не предполагало изделия из металла.

112.

ПОСЛЕДСТВИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО СЫНОВЬЯМ ИВАЛЬДЕ (*продолжение*). УСИЛИЯ НЬЕРДА ПО ПРИМИРЕНИЮ.

Уже говорилось, что Фридлевус-Ньерд спасает юношу-принца из-под власти великанов. По словам Саксона, это событие было эпизодом вражды между Фридлевусом-Ньердом и Анундусом (Волундом), а также лучником Аво (Орвандель-Эгил). Это подтверждает теорию о том, что спасенный юноша был Фреем, приемным сыном Волунда и Эгиля. Первым из богов, кого охватил страх из-за суда, вынесенного сыновьям Ивальде, естественно, должен был быть Ньерд, чей сын Фрей находился в то время на попечении и во власти Волунда и Эгиля (см. № 109). Мы также узнаем от Саксона, что Фридлевус принял меры, чтобы умиловить двух братьев. Сначала он посылает гонцов, которые от его имени сватаются к дочери Анунда-Волунда, но гонцы не возвращаются. Анунд убил их. После этого Фридлевус отправляется сам в сопровождении других, и среди последних был "посредник". Посредника звали Бьорно, и он был одним из тех воинов, которые обеспечивали защиту той цитадели, которую впоследствии захватил Фридлевус и в которой мы узнали Асгард (см. № 36). Таким образом, Бьорно - один из Аса, и есть причины, которые я рассмотрю позже, для предположения, что это брат Балдера *Хедр*. Контекст показывает, что путешествие Фридлевуса к сыновьям Ивальда и встреча с ними происходят, когда еще была надежда на примирение, и до того, как последние прибыли в недоступные Волчьих долины, которые расположены под воротами На в подземном Етунхейме. По пути туда их, должно быть, настиг Фридлевус, и, несомненно, там произошло событие, о котором рассказывает Саксон и о котором рассказ в исторической форме сохранился в "Саге о лонгобардских переселениях".

Эта встреча привела не к примирению, а к войне. Аво, лучник (Орвандель-Эгиль; см. № № 108, 109) появился с одной стороны и вызвал Фридлевуса-Ньерда на дуэль. Бьорно рассердился, что человек столь скромного происхождения, как этот Аво, осмелился бросить вызов благороднорожденному Фридлевусу, и в гневе натянул лук, чтобы сразить "плебея" стрелой. Таким образом, Бьорно тоже был лучником. Но Аво опередил его, и его стрела сорвала тетиву с лука Бьорно. Пока Бьорно снова натягивал тетиву, из Аво вылетела вторая стрела, которая прошла между его пальцами, не причинив ему вреда, а затем прилетела третья стрела, которая отстрелила стрелу Бьорно как раз в тот момент, когда он накладывал ее на тетиву. Затем сыновья Ивальде продолжили свой отъезд. Бьорно выпустил *молосса*, которого он имел с

собой, чтобы преследовать их, вероятно, ту самую гигантскую собаку или гигантского волкодава, которую Саксон описывает в предыдущей главе (*История.*, 260) как находящуюся во владении Бьорно и которая раньше охраняла стада гиганта Оффоте. Но этот *молосс* не смог помешать беглецам благополучно добраться до места назначения. По всей вероятности, Фрей уже был доставлен своими подопечными гигантам, когда это произошло. Должно быть, это произошло по пути между обителью, изобилующей золотом, где раньше счастливо жили сыновья Ивальда, и Волчьими Долами, а значит, и внутри Етунхейма, где боги были окружены врагами.

История этого приключения в путешествии эмигрирующих сыновей Ивальде вновь появляется в форме, легко узнаваемой у Павла Диаконуса, где он рассказывает об эмиграции лонгобардцев под предводительством Ибора (Орвандель-Эгиля; см. № 108) и Аджо (Волунда). В Saxo Avo-Эгиль, принадлежащий к расе эльфов, становится низкорощенным чемпионом, в то время как бог Вана Ньерд становится королем Фридлевусом. В "Павле" сага не довольствуется тем, что делает великого лучника эмигрантов плебеем, но он становится рабом, который бросает вызов избранному свободнорожденному воину среди врагов лонгобардов. В мифологии и у саксонии дуэль велась с использованием луков и стрел, и было установлено, что плебей намного превосходит своего противника. Паулюс не называет вид использованного оружия, но когда все закончилось победой "рабов", настреле была дана клятва, что лонгобардцы освободят рабов от их цепей. Следовательно, стрела, должно быть, была оружием победы раба. Согласно мифологии, путешествие сыновей Ивальда в Волчьи Долины проходило в нижний мир Йотунхейм и далее на север, через Нифельхель, населенный турсами и чудовищами. И у Саксона, и у Паулюса существа такого рода принимают участие в описанных приключениях. В "Саксо" боевой товарищ Фридлевуса Бьорно посылает монстра в обличье собаки против сыновей Ивальде. В лице Паулюса, по мнению их врагов, эмигранты имели союзниками "людей с собачьими головами".

Бьорно - бог Аса; и его описывают как лучника, который был уверен в своем оружии, хотя и оказался ниже Аво в его использовании. Среди богов Асгарда упоминаются только два лучника — *Хедр* и *Ульр*. В то время, когда произошло это событие, Ульр еще не был принят в Асгарде. Как было показано выше (см. № 102), он сын Орвандель-Эгиля и Сиф. Его жилище все еще находится у родителей, когда Свипдаг, его сводный брат, получает инструкции от Сиф искать Фрея и Фрейю в Йотунхейме (см. № 102), и он преданно сопровождает Свипдага в его приключениях в этом путешествии. Таким образом, об Улле не может быть и речи - тем более что в этом случае он выступал бы против своего собственного отца. Ходер (*Хедр*) упоминается как лучник и в поэме "Беовульф", где он под именем Хэдсин случайно стреляет в Бальдера-Херебилда из своего "лука из рога", и у Сакса (*arcus peritia pollebat-Hist.*, 111), и в христианских сказаниях, основанных на мифах, где он появляется под именем *Хединн*. То, что Бьорно, упомянутый Саксо как красивый юноша, является Ходером, подтверждается еще одним обстоятельством. Говорят, что его зовут *sequestris ordinis vir* (*Hist.*, 270), выражение настолько трудное для толкования, что ученые предложили изменить его на *sequioris* или *equestris ordinis vir*. Это слово показывает, что Бьорно в мифологических авторитетах Саксона принадлежал к группе лиц, чьи функции были таковы, что их вместе можно было бы обозначить как *sequestris ordo*. *Секвестр* означает посредника в целом, а на языке римского права это означало беспристрастного арбитра, которому может быть передан спор. Скандинавское слово, которое Саксон, соответственно, перевел через *sequestris ordo*, "посредники", "арбитры", могло быть не чем иным, как множественным числом *ljónar*, мифологическим словом, а также старым

юридическим термином, о котором говорится в Младшей Эдде: *Ljónar heita their menn, er ganga um sættir manna*, "льонарами называются те люди, чье дело разрешать споры". То, что это слово *ljónar* первоначально обозначало определенную группу богов-асов, особой обязанностью которых было выступать в качестве арбитров, видно из фразы *ljóna kindir*, "дети миротворцев", выражения, унаследованного от язычества и применявшегося к человечеству еще в христианские времена; это выражение следует сравнить со фразой *megir Heimdallar*, "сыновья Хеймдала", которая также использовалась для обозначения человечества. В христианские времена фраза "дети человеческие" переводилась языческим выражением *ljóna kindir*; и когда воспоминание о первоначальном значении слова *ljónar* было стерто, это слово из-за такого употребления стало обозначать людей вообще (*virī, homines*), значения, которого оно никогда не имело во времена язычества.

Три бога-Асы упоминаются в наших мифологических записях как миротворцы — Бальдер, Ходер и сын Бальдра, Форсет. Бальдер упоминается как судья в Младшей Эдде (90). Как таковой, он является *ликсамастром*, то есть "самым влиятельным миротворцем". О Форсете, который унаследовал качества своего отца как судьи, в "Гримнерсмале" (15) сказано, что он *свефер аллар сакир* "разрешает все споры". Ходер, который и по имени, и по характеру кажется самым жестоким и легкомысленным человеком, кажется, наименее подходит для этого призвания. Тем не менее он выполнял обязанности арбитра рядом с Балдером и, вероятно, под его влиянием. Саксон (*Hist.*, 122) говорит о нем как о судье, которому люди передавали свои споры — *consueverat consulenti populo plebiscita depromere* — и описывает его как наделенного большим талантом убеждения. Он обладал *искусным красноречием* и был способен покорить упрямые умы с помощью *benignissimo sermone* (*История.*, 116, 117). В "Велуспе" (60) человеческая раса, населяющая обновленную землю, называется *бурир бродра твегия*, "сыновья двух братьев", а два брата, упомянутые в предыдущей строфе, — Бальдер и Ходер. Это следует сравнить с *лионой киндир* в "Велуспе" (14). В *Harbardsljod* (42) наглый насмешник над богами, Харбард, ссылается на жалкий результат попытки, предпринятой *джафнендром*, "арбитром", примирить богов с некоторыми из их врагов. Я думаю, что возможно и вероятно, что этот отрывок относится к мифическому событию, описанному выше, и что он содержит намек на тот факт, что усилия по установлению мира касались возвращения Фрея и Фрейи, которые были доставлены в качестве "невест" непослушным великанам, и за "невест" которых миротворцы получили стрелы и удары в качестве компенсации. Сравните выражение *bæta mundi baugi* и изумление Тора, выраженное в следующей строфе, по поводу оскорбительных слов, худших из тех, которые он когда-либо слышал. Саксон описывает гиганта, во власти которого находится Фрей, когда его спасает отец, как трусливого и обессиленного монстра, чье огромное тело представляет собой *moles destituta rubore* (*История.*, 268). Так закончились усилия богов заключить мир. Трое сыновей Ивальда продолжают свое путешествие в Волчьих долины, недоступные богам, чтобы оттуда они могли наслать гибель на мир.

113.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО СЫНОВЬЯ ИВАЛЬДЕ ИДЕНТИЧНЫ СЫНОВЬЯМ ОЛЬВАЛЬДА.

Наблюдения, сделанные в ходе моих исследований относительно Ивальда и его сыновей, снова и снова приводили меня к неожиданному результату: сыновья Ивальда, Слагфин, Эгиль и Волунд, идентичны Ольвальду -сыновьям Альвальда, которых в "Песне о Гроте" зовут *Иди*, *Урнир* или *Аурнир* (*Орнир*), и *тъязи*, а также в "Младшей Эдде" (стр. 214) *тъязи*, *Иди* и *Гангр*. Этот

результат был неожиданным и, как мне показалось вначале, невероятным по той причине, что там, где Тьясс упоминается в "Старшей Эдде", его обычно называют великаном, в то время как Волунд называется принцем или вождем эльфов в Волундарквиде. В Гримнерсмале (11) Тьясс обозначен как *инн аматки йотунн*; в Харбардслиоде (19) как *енн трудмотги йотунн*; в Хиндлулиоде (30) как родственник Гимера и Аурбоды. В песне-Гротте (9) говорится, что Тьясс, Иде и Аурнир были братьями тех горных великанов, которые были отцами Менджи и Фенджи. В Младшей Эдде его также называют *етунном*. В начале моих исследований, и до того, как мне стало ясно место Волунда в мифологии, мне казалось крайне невероятным, что принц среди эльфов и один из главных художников в мифологии может быть охарактеризован как великан. Действительно, я уже тогда знал, что названия кланов, встречающиеся в мифологии - *асс*, *ванр*, *альф*, *двергр* и *етунн* — не обозначали исключительно происхождение существ, но также могли применяться к ним в зависимости от развитых качеств или приобретенного положения, независимо от клана, к которому они фактически принадлежали по рождению. В "Тримсквиде" (15), так сказать, на одном дыхании, Хеймдаль называется одновременно *асс* и *ванр* — "*та кватх, что Хеймдалль, хвитастр ас, висси хан вел фрам сем ванир атрир*". И Локе обозначается одновременно как *асс* и *етунн*, хотя асы и гиганты представляют две крайности. Ни Хеймдаль, ни Локе не принадлежат к клану Аса по рождению; но они приняты в Асгарде, то есть они усыновленные Асы, и это объясняет название. Эльфы и гномы, несомненно, по происхождению относятся к разным классам существ, но слово "гном", которое в раннехристианские времена стало синонимом существа небольшого роста, также означало художника, кузнеца, откуда и ваны, и эльфы, нет, даже фьялар, могли быть включены в список гномов Вельуспы. Когда в ходе моих исследований выяснилось, что Волунд и его братья в эпосе мифологии были самыми опасными врагами богов и возглавляли силы мороза в их усилиях уничтожить мир, меня больше не могло удивлять, что Волунд, хотя и был эльфийским принцем, был охарактеризован как *инн аматки йотунн*, *енн thrudmothgi йотунн*. Но на этом пути была еще одна трудность: согласно Хиндлульоду и "Песне Гротте", Тьясс и его братья были родственниками великанов, и поэтому в их жилах, несомненно, текла кровь великанов. Но среди асов тоже есть родственники великанов; и когда в ходе расследования выясняется, что мать Тьясса - великанша, а его отец - *халт*, бог более низкого ранга, тогда его происхождения по материнской линии и его положения как союзника и вождя великанов и как самого могущественного врага Асгарда и Мидгарда достаточно, чтобы объяснить очевидное противоречие, заключающееся в том, что он одновременно великан и родственник великанов, и все еще идентичен эльфийскому принцу Волунду. Следует также отметить, что, как будет показано ниже, традиция сохранила память о том факте, что Волунда тоже называли великаном и у него были родственники среди великанов.

Причины, которые в совокупности убедительно доказывают, по крайней мере для меня, что сыновья Ивальде и Ольвальде идентичны, следующие:

(1) Что касается самих имен, то прежде всего отметим, что, как уже указывалось, имя отца Иде, Аурнир-Ганга, и Тьяссе встречается с вариациями *Альвальди*, *Эльвальди* и *Аудвальди*. Для людей, говорящих на языке, в котором приставки *l-*, *ld-* и *All-* эквивалентны и заменяют друг друга, и привыкших к поэтике, в которой наиболее распространенной была замена эквивалентных существительных и имен (например, *Grjótbjörn* вместо *Arinbjörn*, *Fjallgyldir* вместо *Ásólf* и т. Д.), Было невозможно увидеть в *Ivaldi* и *Allvaldi* что-либо, кроме имен, обозначающих одно и то же человек.

(2) Что касается вариации Olvalde, мы уже видели, что ее эквиваленты Olmodr и Sumbl (Finnakonungr, *phinnorum rex*) отсылают к отцу Слагфина, Орвандель-Эгиля и Волунда, в то время как сам Ольвальд, как говорят, является отцом Иде, Аурнира и Тьяссе.

(3) Мать Аджо и Айбора зовут *Гамбара* в *Origo Longobardorum* и в Paulus Diaconus. Мать Арго и Эббо по-саксонски зовут *Гамбарук*. В Ибор-Эббо и Аджо-Арго мы заново открыли для себя Эгиля и Волунда. Тевтонская ветвь, из которой образовалась латинизированная *Gambara*, по всей вероятности, является *gambr*, *gammr*, синонимом *gripr* (Младшая Эдда, ii. 572), немецкого *Greif*. Согласно Младшей Эдде (i. 314), матерью Тьяссе является великанша *Грейп*, дочь *Гейредра*. Формы *grip* среднего рода и *greip* женского рода являются синонимами в древнескандинавском языке, и они, несомненно, произошли от одного корня. В то время как *Гамбара*, таким образом, является матерью Волунда, мать Тьясса носит имя, на которое ссылается *Гамбара*.

(4) Вариант *Аудвальди* означает "тот, кто правит богатством", и этот эпитет находит свое объяснение в рассказе Младшей Эдды о золотом кладе, оставленном отцом Тьяссе, и о его разделе между его сыновьями (стр. 214). Там указано, что отцом Тьяссе был *мьек гуллаудигр*. Сыновья Ивальда, подарившие богам золотые сокровища, также были богаты золотом, и в "Волундарквиде" Волунд говорит о золотом богатстве его самого и его родственников в их общем доме.

(5) О том, каким образом Тьясс и его братья разделили золотые сокровища, "Младшая Эдда" содержит, в приведенном выше отрывке, следующее утверждение: "Когда Ольвальд умер и его сыновья должны были разделить наследство, они договорились при разделе отмерять золото, набирая полные рты золота равное количество раз. Поэтому золото в поэзии называется словами или речью этих гигантов".

Возможно и допустимо, что в мифологии братья разделили золото в тишине и согласии. Но в том, что это должно было быть сделано описанным здесь способом, можно усомниться. Есть основания подозревать, что история о разделе золота описанным выше способом была придумана в христианские времена, чтобы дать объяснение фразе *thingskil thjaza* в Бьяркамале, о *Идже глисмале* в том же источнике и о *идже орде*, цитируемой в *Malskrudsfrædi*. В Младшей Эдде можно найти не одну псевдомифическую историю, созданную в той же манере и с тем же вкусом. Не следует забывать, что все эти фразы имеют одну общую черту - публичное обсуждение, судебный акт. *Mál* и *ord* необязательно подразумевают такой намек, поскольку в дополнение к юридическому значению они имеют более общее значение речи и вербальных утверждений в целом; но чтобы понять их действительное значение в процитированных пересказах, мы должны сравнить их с *thingskil*, поскольку в этих пересказах все выражения, *thingskil*, *glysmál* и *ord*, должны быть основаны на одном и том же мифическом событии. Под *thingskil* подразумевается то, что может быть предъявлено в суде ответчиком в споре для прояснения его дела; и поскольку золотые украшения называются *thingskil* Тьяссе в Бьяркамале, из этого следует, что в мифологии упоминался какой-то судебный акт, в котором золотые сокровища, сделанные или которыми владел Тьяссе, были предъявлены для разрешения спора, который так или иначе затронул его. С той же точки зрения следует интерпретировать *glysmál* Иде и *ord* Иде. *glysmál* Иде - это "блестящие доказательства" Иде; его *ордена* - это доказательства или объяснения, представленные в суде украшениями, сделанными им или принадлежащими ему. Теперь мы знаем из мифологии судебный акт, в котором драгоценные работы кузнецов,

"сверкающие документы", были представлены в связи с решением по делу. Дело или спор был вызван Локе, и вопрос заключался в том, отдал ли он свою голову Синдре или нет. Как мы знаем, решение спора зависело от сравнения работ Брока и Синдре, с одной стороны, и работ сыновей Ивальде - с другой. Брок предстал перед высшим трибуналом и смог защитить себя и своего брата. Сыновья Ивальде, с другой стороны, не присутствовали, но проделанная ими работа должна была говорить в их пользу, или, скорее, за них самих. Отсюда мы получаем, как мне кажется, простое и поразительное объяснение перефразировок *тъязы тингскил, Иджи глисмал, Иджи орд*. Их произведения искусства были блестящими, но немymi мольбами, которые были представлены с их стороны для вынесения решения по делу. То, что золото, которое носили во рту и никогда не предъявляли суду, следует называть *безделушкой*, я считаю в высшей степени невероятным. Из языческих поэм мы не можем привести ни единого положительного доказательства того, что когда-либо использовался пересказ столь искаженного и неадекватного персонажа.

(6) Саксон рассказывает, что тот самый Фридловус-Ньерд, который сражался с Анунд-Волундом и Аво-Эгилем, сватался к дочери Анунда и получил отказ, но женился на ней после смерти Анунда. Таким образом, может показаться, что Ньерд женился на дочери Волунда. В мифологии он женится на дочери Тьясса Скаде. Таким образом, Волунд и Тьясс играют ту же роль, что и тесть Ньерда.

(7) Саксон далее сообщает, что отец Фрейи-Сириты был женат на *сороре* из Свипдаг-Отаруса. *Сорор* означает сестру, но также приемную сестру и подругу по играм. Если понимать это слово в самом строгом смысле, Ньерд женится на дочери брата Волунда; если в измененном смысле, то на дочери Волунда.

(8) В третьем отрывке (*Hist.*, 50, 53) отец Скади фигурирует под именем Хаквинус. То же имя принадлежит чемпиону (*История.*, 323), который помогает Свипдагу-Эрику в его битве с богом Аса Тором и его любимым Хальфданом, и является причиной того, что оружие Тора и Хальфдана оказывается бесполезным против меча Волунда, которым владеет Свипдаг-Эрикус. Таким образом, есть все основания считать Хаквина одним из эпитетов Саксона для обозначения Волунда. Имя *Хакон*, латинизированной формой которого, как предполагалось, является *Naquinus*, никогда не встречается в норвежских мифологических записях, но *Naquinus* в данном случае следует объяснить как латинизацию с обычным в саксонском придыханием древнегерманского *Aki*, средне немецкого *Еске*, которое встречается в сочинениях *Eckenbrecht*, *Eckehard* и *Eckesachs*. В "Розенгартене" Экенбрехт - знаменитый оружейный мастер. В Вилкинасаге Экехард, как и Волунд, кузнец, работающий на Мимера; а Экесахс - это меч, сделанный тремя гномами, о котором частично рассказывается та же история, что и о победном мече Волунда. Таким образом, в то время как Хаквинус и то, что рассказывается о Хаквинусе, относится к кузнецу Волунду, человек, которого на саксонском языке зовут Хаквинус, занимает место, принадлежащее Тьяссу, в качестве отца Скади.

(9) В Локасенне (17) Локе упрекает Идун в том, что она приняла убийцу своего собственного брата:

это кет эк вся квенна
верджьярнаста вера,
сицту арма тина

лагдир итртвегна
ум тинн братурбана.

Идун - дочь Ивальде (Форспьялльсльд) и, следовательно, сестра или сводная сестра знаменитых кузнецов, сыновей Ивальде. Таким образом, из этого отрывка следует, что один из сыновей Ивальде был убит, и Локе настаивает, что Идун отдалась мужчине, который был причиной его смерти.

Нет ни малейших оснований сомневаться в том, что в этом случае, как и во многих других случаях, Локе хвастается совершенными им злодеяниями и успехами, которых он добился среди асинджей, согласно его собственным заверениям. С упреками, брошенными Идун, мы должны сравнить то, что он утверждает в отношении Фрейи, в отношении жены Тира, в отношении Скади и Сиф, в отношении всех, кого он утверждает, что они тайно были его любовницами. Против Идун ему было легче и правдивее выдвинуть это обвинение по той причине, что одно время она была полностью в его власти, а именно, когда он прокрался в чертоги Тьяссе и унес ее оттуда в Асгард (Младшая Эдда, i. 210-214). При таких обстоятельствах убийцей брата Идун, в объятиях которого ее обвиняют, может быть не кто иной, как сам Локе. В качестве дальнейшего намека на это автор стихотворения заставляет Локе рассказать об обстоятельстве, связанном с приключением, а именно о том, что Идун, чтобы подсластить удовольствие в критический час, вымыла свои руки до блеска добела — обстоятельстве, о котором не мог знать никто, кроме нее самой и ее тайного возлюбленного. Таким образом, Локе является причиной убийства одного из знаменитых художников, сыновей Ивальде. Убийств, которыми Локе хвалится в поэме, всего два: Бальдра и Тьясса. Он говорит, что посоветовал убить Бальдра и что он был первым и главным в убийстве Тьяссе (*главный бухгалтер*). Бальдер не был братом Идун. Насколько мы можем судить по сохранившимся мифическим записям, убитый сын Ивальде, должно быть, был идентичен Тьяссу, сыну Альвальде. Другого выбора нет.

(10) Выше уже было показано, что Волунд и девушка-лебедь, пришедшие к нему в Волчы долины, были либо братом и сестрой, либо сводными братом и сводной сестрой. Из сказанного выше следует, что Тьяссе и Идун были связаны друг с другом одинаковым образом.

(11) Дом Тьяссе называется *Брунн-акр* (Младшая Эдда, i. 312). В Волундарквиде (9) Волунд называется *Брунни*.

(12) У Идун есть эпитет *Снот* (Младшая Эдда, 306), "мудрая", "разумная". У девы-лебедя Волунда есть эпитет *Алвитр*, "много знающая", "очень умная" (Волундарквида, 1). У Волунда есть эпитет *Асольфр* (Хиндлулиод; см. № 109). У Тьяссе есть эпитет *Фьялльгильдер* (Младшая Эдда, 308), который является парафразой *Асольфра* (*асс* = *фель*, *олфр* = *гильдир*).

(13) Один из братьев Волунда, а именно Орвандель-Эгиль, носил эпитет "Дикий кабан" (*Ibor*, *Ebur*). Одного из братьев Тьяссе зовут *Урнир*, *Аурнир*. Это имя означает "дикий кабан". Сравните шведское и норвежское крестьянское слово *oorne* и исландское слово *gipi* (кабан), в котором буквы переставлены.

(14) По крайней мере, один из сыновей Альвальда был звездным героем, а именно Тьясс, чьи глаза Один и Тор устремили к небесам (Харбардсльд, 18; Младшая Эдда, i. 318, 214). По крайней мере, один из сыновей Ивальда был звездным героем, а именно Орвандель-Эгиль (Младшая Эдда, i, 276 и далее). Не упоминается ни один звездный герой, которого не называли бы сыном Альвальда или который не был бы сыном Ивальда, и нельзя с уверенностью указать ни

одного названия звезды или группы звезд, которое не относилось бы к Альвальду или сыновьям Ивальде. Из скандинавских источников у нас есть имена *Эрвандилста тьяза августа Локабренна* и *Рейд Регнис*. Локабренна, исландское название Сириуса, может относиться только к *бренне* (огню), вызванному Локе, когда Тьяссе упал в пламя вафер, разожженное вокруг Асгарда. В "*Машины Рогнера*" Рида Регниса, как будет показано ниже, Рогнер - это эпитет мифической личности, в которой мы заново открываем и Волунда, и Тьяссе. В древнеанглийских писаниях Млечный Путь называется *Vætlingastræt*, Ватлингестрет. Уотлинги или Вейтлинги могут быть объяснены только как отчество, означающее сыновей Вейта. Вейт - одно из имен отца Волунда и его братьев (см. № 110). Другое древнеанглийское название звездной группы - *Эбуртранг*, *Eburthring*. Здесь вновь появляется фамилия Эгиля *Ebur*, "дикий кабан". Имя Иде, которое носил брат Тьясса, также, по-видимому, обозначало звездного героя в Англии.

По крайней мере, две из этих фигур и имен очень древние и имеют древнеарийское происхождение. Я не знаю причин, по которым Вигфуссон предполагает, что Орвандель идентичен Ориону, но это предположение подтверждается мифологическими фактами. Орион - самый знаменитый лучник и охотник греческой мифологии, точно так же, как Орвандель - тевтонский. Как и у Орвандель-Эгиля, у него есть два брата, из которых один Ликос (волк) носит имя Тельчин и, несомненно, изначально был идентичен Тельчину Ликосу, который, как и Волунд, является великим художником и также наделен способностью влиять на погоду. Говорят, Орион мог ходить как по морю, так и по суше. У Орвандель-Эгиля есть лыжи, с которыми он путешествует как по морю, так и по снежным полям, откуда небольшие корабли называются "*Андрар Эгиля*", лыжи Эгиля (Кормак, 5). Орион ухаживает за дочерью Ойнопиона. Первая часть этого слова - *ойнос* (вино); и поскольку Ойнопион - сын Бахуса, нет места для сомнений в том, что первоначально ему отводилось место в арийском мифе в отношении медовухи. Орвандель-Эгиль сватается к дочери Сумбла (Ольвальде), короля финнов, который в тевтонской мифологии является двойником Ойнопиона. Орион описывается как гигант, высокий и чрезвычайно красивый мужчина, и, как говорят, является братом Титанов. Свою первую жену, красавицу Сиду, он вскоре потерял из-за смерти; точно так же, как Орвандель потерял Гроа. Сиды, *Sida* с его дорийским вариантом *Rhoa*, *Roa*, означает фрукт. Название *Groa*, как и *Sida*, *Rhoa*, относится к растительности, росту. После смерти Сиды Орион ухаживает за дочерью Ойнопиона точно так же, как Орвандель-Эгиль ухаживает за дочерью финского короля Сумбла после смерти Гроа. У него третий эротический союз с Эос. Согласно одной записи, он, как говорят, был убит, потому что в своей любви к охоте он сказал, что уничтожит всю дичь на земле. Это утверждение, возможно, восходит к сохранившемуся у германцев мифу о попытке Волунда и Орвандель-Эгиля уничтожить все живое на земле с помощью сил мороза. Гесиод говорит, что Плеяды (которые заходят, когда Орион поднимается над горизонтом) спасаются от Ориона в потоке океана. Вышеупомянутое древнеанглийское название созвездия *Eburthring* может относиться к Плеядам, поскольку часть, *протянувшаяся, сохнувшая*, относится к плотному скоплению звезд. Первая часть слова "Эбур", как уже говорилось, является фамилией Орвандель-Эгиль. Следует добавить, что точки сходства между орионскими и орванделскими мифами таковы, что они исключают всякую мысль о заимствовании одного из них у другого. Как и большинство греческих мифов в том виде, в каком они дошли до нас, миф об Орионе не имеет никакой органической связи с каким-либо эпическим целым. Орванделский миф, с другой стороны, вписывается как часть в мифологический эпос, который в грандиозных и

оригинальных очертаниях представляет борьбу между богами, патриархами, древними художниками и ледяными великанами за контроль над миром.

Имя Тьясс, *тъязи*, в более старой и неповрежденной форме *тизи*, я считаю самым древним, как и человек, носящий его. По моему мнению, Тьяссе идентичен герою-звезде, упомянутому в Ригведе, *Тишье*, *Тистрии* иранцев, которому в Ригведе (х. 64, 8) поклоняются вместе со лучником, который, предположительно, был его братом. Немецкая поэзия средних веков сохранила имя Тьяссе в форме *Десен* (которое связано с *тъязи* как *Дельвен* относится к *тъяльфи*). В "Дитерихсе Флюхте" Десен - король, дочь которого выходит замуж за отца Дитериха-Хаддинга. В скандинавских источниках сестра Тьяссе (Альвейг-Сигне, дочь Сумбла, короля финнов) выходит замуж за отца Хаддинга, Хальфдана. Таким образом, общим для немецких и скандинавских традиций является то, что отец Хаддинга женится на близкой родственнице из Тьяссе.

(15) В поэме упоминается приключение Хаустлаунга Тьяссе, когда он захватил Локе с помощью волшебного рельса. Здесь мы получаем замечательные, до сих пор неправильно понятые факты, касающиеся личности Тьяссе.

То, что они были неправильно поняты, объясняется не недостатком внимания или проницательности со стороны переводчиков. Напротив, на это была расточена проницательность.^[10] В некоторых случаях ученые прибегали к изменениям текста, чтобы сделать содержание понятным, и это было необходимо из-за формы, в которой до сих пор была представлена наша мифология, и на то были веские причины, поскольку важные исследования другого рода, особенно точные издания тевтонских мифологических текстов, отняли время ученых и вынудили их пренебречь изучением об эпической связи мифов и об их чрезвычайно богатой синонимике. Как само собой разумеется, изучение синонимики и эпической связи не могло не пролить иной свет, чем тот, который можно было бы получить без этого исследования, на ряд отрывков в старых мифологических поэмах и на парафразы, основанные на мифах и встречающиеся в исторических песнях.

В Хаустлаунге Тьяссе называется *фадир мерна*, "отец мечей". Без малейших оснований ставилось под сомнение, что мифический персонаж, которого так часто называют великаном, и чья связь с миром великанов и чья гигантская природа так отчетливо раскрываются в наших мифических источниках, мог быть художником и изготовителем мечей. Следовательно, текст был изменен на *фадир морнар* или *фадир морна*, отец чахотки или болезней, отнимающих силы, или женских имен, представляющих эти болезни. Но насколько наши мифические записи дают нам какую-либо информацию, у Тьяссе не было другой дочери, кроме Скади, описываемой как гордая, смелая, могущественная девушка, преданная достижениям, которая была возведена в ранг асинье, стала женой бога богатства, нежной мачехой повелителя урожаев (Скирнерсмаля), *эльи* Фригг, и в этом качестве прародительницей северных правителей, которые хвастались своим происхождением от нее. То, что у Тьясса было больше дочерей, действительно возможно, но они не упоминаются, и это должно оставаться предположением, на котором ничего нельзя построить; и даже если бы это было так, следует признать, что, поскольку Скади была первой и наиболее знаменитой среди них, о ней первой вспоминают, когда упоминается дочь или дочери Тьясса. Но я не считаю возможным, чтобы о Скейд говорили как о *морн*, ведьме-чахоточнице, и чтобы Хакона Ярла считали потомком демона чахотки и воспевали в песнях как отпрыска такого человека. Текст в том виде, в каком мы его

имеем, сообщает нам, что Тьясс был отцом мечей (*мернир* = меч; см. Младшую Эдду, i. 567; ii. 560, 620). Мы должны ограничиться этим чтением и помнить, что это не единственный отрывок, с которым мы до сих пор встречались, где его имя ставится в связь с работами кузнеца. С таким отрывком мы уже встречались в *тьязе тингскиле*.

(16) В том же стихотворении "Хаустлаунг" Тьяссе назван *хапта снитрир*, "тот, кто украсил богов", снабдил их сокровищами. Этот эпитет тоже казался непонятным, поскольку ни один из художников древности не был признан в Тьяссе; следовательно, в данном случае также были внесены изменения в текст, чтобы придать смысл отрывку.

Ситуация описывается следующим образом: Один и *Хенирв* в сопровождении Лока отправляются в путешествие. Они пересекли горы и дикие места (Брагарадур, 2) и сейчас находятся в регионе, который, судя по контексту, находится во владениях Тьяссе, Тримхейме. Последний, который является *маргспаком* и *ломхугадром* (Хаустл., 3, 12), спланировал засаду для Локе в том самом месте, которого они сейчас достигли: в долине (Брагарадур, 2), заросшей дубами (Хаустл., 6), и тем более привлекательной в качестве места освежения и отдыха, поскольку асы проголодались после долгого путешествия (Брагарадур, 21) и видят стадо "ярко- медведи" пасущихся в траве неподалеку. Тьясс рассчитал это и заставляет одного из медведей играть роль приманки (*tálhreinn* = олень—приманка -Haustlaung, 3; см. Диктант Вигфуссона, 626), который позволяет путешественникам поймать себя. То, что животное принадлежит к стадам Тьяссе, следует из того факта, что оно (стр. 6), как говорят, принадлежит "дис тетивы", Скади, его дочери. Животное забивают и разводят костер, на котором его поджаривают. Рядом с местом, выбранным для поедания блюда, как бы случайно лежит перекадина или кол. Он напоминает *common rail*, но на самом деле является одним из кузнечных изделий Тьяссе, обладающим волшебными свойствами. Когда животное должно быть вырезано, оказывается, что "подсадной олень был довольно твердым между костями, чтобы боги могли его разрезать" (*медаль талхрейнн вар бейна тормидладр тифум*—str. 3). В то же самое время асы увидели большого орла, летящего к ним (стр. 2) и садящегося недалеко от места, где они готовили свой пир (стр. 3). Из контекста следует, что они считали само собой разумеющимся, что под обликом орла скрывался Тьяссе, правитель региона. Поскольку оказалось, что животное так трудно вырезать, асы сразу догадываются, что причиной тому Тьяссе, искусный в магических искусствах, и они немедленно обращаются к нему с вопросом, который в то же время говорит ему, что они знают, кто он:

Хват, квото, хапта снитрир
хьялмфалдинн, тви валда?

"Они (боги) сказали (*квото*): Зачем вызывать это (*хват тви валда*), ты, даритель украшений богов (*хьялмфалдинн хапта снитрир*), скрытый в обличье (обличье орла)?" Он сразу же отвечает, что желает получить свою долю от священной трапезы богов, и на это Один дает свое согласие. Ничто не указывает на то, что Один видит врага в Тьяссе. Тогда нет никаких трудностей с жарким; и когда оно готово и разделено на четыре части, Тьяссе слетает вниз, но, к досаде Локе, он берет так много, что последний, разгневанный и, несомненно, также полагающийся на защиту Одина в случае необходимости, хватает лежащую под рукой перекадину и наносит орлу удар по спине. Но Локи не мог отпустить поручень; его рука крепко держалась за один конец, в то время как другой конец цеплялся за орла, и Тьясс летел вместе с ним и не отпускал его, пока он не заставил его поклясться, что он отдаст Идун в руки Тьяссе.

До тех пор, пока было невозможно предположить, что Тьясс был другом богов до того, как произошло это событие, и в качестве древнего художника передал им ценные произведения своего мастерства и, таким образом, стал *хапта снитриром*, также было невозможно увидеть в нем, хотя он и был скрыт в обличье орла, *хьяльмфальдинна*, о здесь идет речь, поскольку *хьяльмфальдинн* явно соотносится с *хаптой снитриром* "декоратор богов." (Общее значение *hjálmr*, как хорошо известно, - это покрытие, одеяние, или которое *hjálmr* в смысле шлема является спецификацией.) Поэтому стало необходимым, чтобы предположить, что один означает *hjálmfaldinn* и *hapta snytrir*. Это привело к замене *quotho* на *quad*, а также к включению в рукописи *mun*, которого там нет, и к исключению *thvi*, найденного там. Более того, результатом стало то, что не было обращено внимания на использование выражений *hjálmfaldinn* и *snytrir* в стихотворении, тесно связанном с Хаустлаунгом и, очевидно, относящемся к описанию Тьяссе. Это стихотворение Эйнара Скалаглама "Веллекла", посвященное Хакону Ярлу Великому. Хакон Ярл считал себя потомком Тьясса через дочь последнего, Скаде (Халейгьяталь), и на этот счет в Веллекле содержится ряд отсылок к мифическому прародителю. Задача (с поэтической и риторической точки зрения), которую Эйнар взял на себя, на самом деле состоит в том, чтобы взять, насколько это возможно, ядро тех перефразировок, которыми он прославляет Хакона Ярла (см. Ниже), из мифа о Тьяссе, и задача выполнена с силой и проницательностью. При исполнении своей поэмы Эйнар имел перед собой ту часть "Хаустлаунга" Тьодульфа, которая касалась Тьяссе. На стр. 6 он называет потомка Тьяссе *тьодаром снитриром*, беря пример с Хаустлаунга, который называет Тьяссе *хапта снитрир*. В str. 8 он дает Хакону эпитет *хьялми фалдинн*, имеющий отношение к Хаустлаунгу, что делает Тьяссе похожим на *хьялма фалдинна*. В str. 10 Хакон - это *гард-Регнир*, точно так же, как Тьяссе - *винг-Регнир* в Хаустлаунге. В str. 11 Хакон - это *миджунгр*, точно так же, как Тьяссе - это *миджунгр* в Хаустлаунге. На стр. 16 во фразе *вильди Иггснидр фридар билджа содержится намек на малунаутра матти фридара билджа из Хаустлаунга*. В str. 21 Хакона называют *хлым-Нарфи*, точно так же, как Тьяссе в Хаустлаунге называют *гриот Нидадр* (*Нарфи* и *Нидадр* - эпитеты Мимера; см. № № 85, 87). В str. 22 Хакон называется *фангсэлл*, и у Тьяссе такой же эпитет в Хаустлаунге. Некоторые из парафраз в "Веллекле", ядром которых является миф о Тьяссе, я рассмотрю ниже. Следовательно, не может быть никаких сомнений в том, что Эйнар в "*хьяльмфалдинне*" Хаустлаунга *хапте снитрир* видел эпитеты Тьяссе, и мы приходим к тому же результату, если интерпретируем текст в его первоначальном прочтении и не вносим никаких исправлений.....

Таким образом, мы уже нашли три пересказа, которые сообщают нам, что Тьясс был древним художником, одним из великих кузнецов мифологии: (1) *thiaza thingskil*, золотые сокровища, предъявленные в качестве доказательств в суде, принадлежащие Тьяссу или сделанные им; (2) *хапта снитрир*, тот, кто дарил украшения богам; (3) *фадир мерна*, отец мечей.

Заявление Тьяссе о том, что он становится компаньоном богов за столом и ест вместе с ними, *af helgu skutli*, указывает, по всей вероятности, на древний мифологический факт, аналог которого мы находим в иранских записях. Этот факт заключается в том, что в качестве компенсации за услуги, которые он оказал богам, Тьясс стремился возвыситься до их ранга и получать жертвы от их почитателей. Это требование от тевтонского звездного героя Тьясса также выдвигает иранский звездный герой Тистрия, Тишья из Ригведы. Тистрия жалуется в Авесте, что у него недостаточно сил, чтобы противостоять врагу роста, Апаоше, поскольку люди не поклоняются ему, Тистрия, не приносят ему жертв. Говорят, что если бы они так поступили, то он был бы достаточно силен, чтобы победить. Тишья-Тистрия, по-видимому, не получил полного ранга

бога; но все же в Ригведе ему поклоняются, хотя и очень редко, и в случаях сильной засушливой погоды иранцам было приказано приносить ему жертвы.

(17) В Хаустлаунге Тьяссе называется *винг-Регнир вагна*, "повелитель крылатых машин", а *фьордарбладс - лейк-Регин*, "повелитель движения перышка (крыла)". В мифологии Тьяссе, как и Волунд, носит обличье орла. В обличье орла Волунд улетает из своей тюрьмы у Мимер-*Нидадра*. Когда Тьяссе обманом Лока отнимают Идун, он в диком отчаянии спешит в своем орлином обличье вслед за грабителем, получает ожоги крыльев в пламени, разожженном вокруг Асгарда, падает, пронзенный копьями богов, и убит Тором. Первоначальное значение слова *Regin* - создатель, аранжировщик, работник. Значение сохранялось на протяжении веков, так что слово *регин*, хотя и применялось ко всем творческим силам (Вельсупа), все еще сохраняло даже в христианские времена значение художника, кузнеца и вновь появляется в героических традициях под именем кузнеца *Регинн*. Поэтому, когда Тьяссе называют "Регинном движения перьевого листа", нет причин сомневаться, что эта фраза намекает не только на тот факт, что он обладал обликом пера, но и на идею о том, что он был его "кузнецом"; тем более что мы уже видели, как его характеризовали как древнего художника во фразах *тиаза тингскил*, *хапта снитрир* и *фадир мерна*. Таким образом, у нас есть четвертое доказательство того же рода. Фраза "Рогнир крылатых машин" связывает его не только с одним транспортным средством, но и с несколькими. "Машина-крыло" - это перефразирование облика, снабженного крыльями и позволяющего его владельцу летать по воздуху. Выражение "крылатая машина" может быть применено к нескольким странным средствам, используемым силами для передвижения по воздуху и над морем, как, например, машины Тора и Фрея, корабль Бальдра Рингхорн, корабль Фрея Скидбладнер и одеяния из перьев дев-лебедей. Мифология, которая знала, из чьих рук вышел Скидбладнер, несомненно, также могла что-то сказать о мастерах, изготовлявших Рингхорн, вышеупомянутые машины и одеяния из перьев. То, что они были созданы древними художниками, а не высшими богами, - это идея древнего арийского происхождения. В Ригведе именно Рибху, двойники сыновей Ивальде, выковали чудесную колесницу ашвинцев и лошадей Индры.

Наименования *Регнир* и *Регин* также встречаются за пределами Хаустлаунга в связи друг с другом, и это даже в *Skida-Rima*, составленном между 1400 и 1450 годами, где Регин представлен как кузнец (*Регнир каллар Регин тил син: рамлига скалту смидра*—стр. 102). В *Forspjallsljod* (10) мы читаем: *Гальдр голо, гаундом рито Регнир ок Регин в ранни хеймисе*—"Рогнер и Регин пели волшебные песни на краю земли и мастерили волшебные орудия". Те, кто это делает, - художники, кузнецы. В строфе 8 они называются *виггуар*, а *вигги* является синонимом *смидра* (Младшая Эдда, i. 587). Пока они это делают, Идун отсутствует в Асгарде (Форспьялслсьод, ул. 6), и ужасный холод угрожает уничтожить землю. Слова из Вельсупы, которыми характеризуется ужасная фимбуль-зима древности, *loptr lævi blandinn*, взяты из *Forspjallsljod* (стр. 6—*lopti med lævi*), таким образом показывая, что там описано то же самое мифическое событие. Существование мирового порядка находится под угрозой, земля и источник света подвергаются нападению злых влияний, жизнь природы умирает, с севера (востока), из рек Эливагар приходят пронзительные, холодные, как иней, стрелы мороза, которые убивают людей и уничтожают растительность земли. Южный источник нижнего мира, функция которого состоит в том, чтобы снабжать мировое древо согревающими соками, не смог предотвратить опустошительные действия морозов. "Так было предопределено, - говорится в *Forspjallsljod*, стр. 2, - что *Odrærir* Урда (фонтан Урд) не обладал достаточной мощностью, чтобы обеспечить защиту от ужасного холода".^[11] Уничтожение вызвано Рогнером и Реджин. Их

волшебные песни слышны даже в Асгарде. Один слушает в Лидскьяльфе и понимает, что песня доносится с самого края света. Боги охвачены мыслью о приближении конца света и посылают своих посланников в нижний мир, чтобы получить там от мудрой норн решение мировой проблемы и объявить о надвигающейся судьбе мира.

В словарях и учебниках мифологии говорится, что *Регнир* является одним из эпитетов Одина. В своем превосходном комментарии к "Веллекле" Фрейденталь выразил сомнение относительно правильности этой точки зрения. Я сам составил список всех мест в древнескандинавской литературе, где встречается это имя, и таким образом пришел к выводу, что утверждение, содержащееся в словарях и учебниках, не имеет иного основания, кроме списка имен в *Эддубротте* и процитированной выше *Скидариме*, составленной в пятнадцатом веке. Концепции последнего в отношении языческой мифологии таковы, что его никогда не следует всерьез рассматривать как авторитет в этом вопросе. В древнескандинавских записях не найти ни одного отрывка, где *Регнир* использовался бы как эпитет Одина. Оно повсеместно используется по отношению к мифическому существу, которое было кузнецом и исполнителем волшебных песен, и регулярно, без исключения, относится к Тьяссе. В то время как Тьодольф называет Тьяссе Рогнером винг-каров, его потомок Хакон Ярл получает тот же эпитет в пересказе Эйнара Скалаглама. Это *хьерс брак-Регнир*, "рогнер звона мечей", и *Гейрасаргард-Регнир*, "Рогнер стены полета мечей (щита)". Потомок тьяссе, Сигурд Хладеярл, созвучно этому названию *ufens furs Rögnir*. *Трим-Регнир* (Например, 58) упоминает Тьяссе как правителя Тримхейма. Параллельная фраза к *трим-Регниру* - это *трим-Регин* (Младшая Эдда, i. 436). Таким образом, в то время как Тьяссе характеризуется как *Регнир*, Саксон сохранил тот факт, что брат Волунда, Орвандель-Эгиль, носил эпитет Регин. Саксон латинизирует Регина в Регнеруса и дает это имя отцу Эрика-Свиптага (*История.*, 192). Эпитет *Регнир* относится исключительно к определенной группе — к Тьяссе и его предполагаемым потомкам. Среди них это как бы наследство.

Пересказы в "Веллекле" имеют большое мифологическое значение. В то время как другие мифические записи повествуют о том, что Тьяссе унес Идун, богиню растительности, богиню, управляющую восстанавливающими силами в природе, и что таким образом он помог вызвать великую зиму древности, мы узнаем от Веллеклы, что именно он непосредственно и с помощью отдельных магических действий вызвал эту зиму, и что он, соответственно, сыграл в этом отношении ту же роль, что и Рогнер и Регин в Форспьялльсльоде.

Так, например, в поэме о Хаконе ярле, когда последний сражался против сыновей Гунхильд, говорится: *Хьерс брак-Регнир скок богна хагл или Хлаккар сеглум*, "рогнер звона мечей стряхнул град стрел с парусов валькирии". Мифическое ядро пересказа таково: *Rögnir skók hagl ur seglum*, "Рогнир стряхнул град с парусов". В сагах до сих пор можно встретить идею о том, что люди, наделенные магической силой, могли вызвать град, встряхивая салфетки или мешочки, наполняя воздух пеплом или развязывая узлы. И в христианских записях о Хаконе Ярле особо говорится, что он почитал двух мифических существ — Торгерд и Ирпу, — которые, если их попросить, могли вызывать бури, дождь и град. Без сомнения, эта традиция связана с предполагаемым происхождением Хакона из Тьяссе, причиной града и зимы фимбул. Делая Рогнера "Рогнером звона мечей", а посылаемый им град - "градом луков", а паруса или салфетки, которыми он потрясал, — "парусами валькирии", то есть щитами, скальд превращает указанное мифологическое ядро в фигуры, применимые к воину в битве.

В других пересказах Веллекла говорит, что потомок Тьяссе, Хакон, заставил "смертоносную бурю мечей вырасти против жизни удальцов в буре Одина", и что он был "эльфом земли лесов", пришедшим с севера, который "смертоносным морозом" встретил воинов юга (армию императора Оттона) в Данневирке. В целом, Веллекла выбирает фигуры, используемые при описании достижений Хакона из области холода и бурь, и не может быть сомнений, что она делает это в подражание мифу о Тьяссе.

В другом стихотворении, посвященном Хакону Ярлу, от которого сохранился лишь фрагмент, скальд Эйнар говорит о щедрости Хакона и говорит: *Verk Rögnis mer hogna*, "Работы Рогнера радуют меня". Мы знаем, что Хакон Ярл однажды подарил Эйнару два позолоченных серебряных кубка, к которым принадлежали две чешуйки в виде статуэток, одна из золота, другая из серебра, считалось, что эти чешуйки обладают магическими свойствами, и что Хакон в другой раз подарил ему чрезвычайно драгоценную гравированную чашу. щит, инкрустированный между гравированными частями золотом и усыпанный драгоценными камнями. У скальдов было принято слагать песни о таких подарках. Отсюда следует, что "работы Рогнера", которыми Эйнар, по его словам, остался доволен, - это подарки, которые ему преподнес Хакон, предполагаемый потомок Рогнер-Тьяссе; и я нахожу это толкование тем более необходимым, что мы уже нашли несколько единодушных свидетельств положения Тьяссе в мифологии как художника древности.

Рогнер из *Forspjallsljod* "поет волшебные песни" и "придумывает колдовство", чтобы поощрить и усилить с помощью этих магических средств нападение сил мороза на мир, защищенный богами. Хаустлаунг называет Тьяссераммана *реймуда Етунхейма*, "могущественный *реймуд* из Етунхейма". Слово *reimud* больше нигде не встречается. Считается, что это связано с *reimt* и *reimleikar*, словами, которые в писаниях христианских времен относятся к призракам, сверхъестественным явлениям и *reimudr*. Поэтому *Йотунхейма* интерпретируется как "тот, кто сделал Йотунхейм ареной своего магического искусства и появления в виде призраков". Из того, что было сказано выше, очевидно, что эта интерпретация верна.

ТОР, ГИМИР И
МИДГАРДСКИЙ ЗМЕЙ.

(С гравюры Лоренца Фрелиха.)

Хаймир, великан и правитель зимнего моря, был владельцем огромного котла, в котором

варилося любое желаемое количество лучшего эля. Боги, жаждущие заполучить чайник, послали за ним Тора. Отправившись к границам рая, где жил Гимир, Тор принял облик юноши и, явившись перед великаном, попросил разрешения сопровождать его на рыбалку. Великан возразил, что такой маленький юноша не сможет вынести тягот такого путешествия, но в конце концов согласился. Тор раздобыл необходимую наживку, оторвав голову быку, и затем они вдвоем отправились грести далеко в море. Тор настаивал на том, чтобы идти дальше, пока они не приблизились к границам мира, и эти двое не начали ловить рыбу. Вскоре Гимир поймал на крючок двух китов, которых он хвастливо продемонстрировал в доказательство своей силы, но вскоре после этого Тор поймал Мидгардского Змея, который поднялся, извергая потоки яда, которые сильно напугали Гимира. Тор с такой силой потянул за леску, что проломил дно лодки, но его ноги стояли на дне моря, и он поднял свой молот, чтобы ударить змею; однако Гимир был так встревожен, что перерезал леску и позволил змее сбежать. Затем Тор вместе с Химиром поплыл обратно в свой замок, где убил Хими и нескольких других великанов и завладел котлом.

См. страницу [855](#).

Отрывок из Торсдрапы (стр. 3), к которому я вернусь ниже, сообщает нам, что в то время, когда Тор совершал свое знаменитое путешествие к огненному великану Гейрреду, Рогнер еще не пришел к соглашению с Локе относительно плана разрушения богов. Следовательно, Рогнер в определенный период своей жизни был врагом богов, но в предшествующий период он не был врагом. То же самое верно и для Тьяссе. Какое-то время он был *халтой снитриром*, "тем, кто дарит богам сокровища". В другой раз он унес Идун и появился, превратившись в *долгра балластра валлара*, "самого могущественного врага земли" (Haustl., 6), выражение, которое характеризует его как причину зимы фимбул.

Все еще остаются один или два важных отрывка, касающихся правильной интерпретации эпитета Рогнер. В "Атлаквиде" (33) говорится о Гудрун, когда она идет встречать своего мужа Атле, который вернулся домой, неся в руке золотой кубок, что она идет *крейфе йельду Регнису*, "чтобы представить то воздаяние или ту месть, которую дал Рогнер". Чтобы отомстить за своих братьев, Гудрун в отсутствие Атле убила двух своих юных сыновей, которые были с ним, и сделала из их черепов кубки. В один из них она налила приветственный напиток для Атле. Похожая месть рассказывается и о Волунде. Последний тайно убивает *двух маленьких сыновей* Нидадра и делает из их черепов кубки для их отца. В отрывке утверждается, что месть Гудрун Атле была того же рода, что и месть Рогнера кому-то, на кого он был обижен. Насколько наши записи содержат какую-либо информацию, Волунд - единственный, к кому в данном случае применим эпитет Рогнер. Ни о ком другом не сообщается, что он отомстил так, чтобы с этим можно было сравнить месть Гудрун. Во всех других отрывках эпитет Рогнер относится к "отцу мечей", к древнему художнику Тьяссу, сыну Альвальде. Здесь речь идет об отце самого превосходного меча, о древнем художнике Волунде, сыне Ивальда.

Строфа из "Веллеклы", в которой потомок тьяссов Хакон Ярл сравнивается с вызывающим град Рогнером, также отсылает к другому моменту мифа о нем посредством пересказа, суть которого такова: *Варат сванглиади во фрии бирьяр-не-дрифу*: "было невозможно бросить вызов угоднику лебедей в случае бури и непогоды". Парафраза становится применимой к Хакону, превращая "угодника лебедей" в "угодника лебедя высоковоздымающегося фьорда меча—, то есть того, кто

радует птицу поля боя, то есть ворона. Шторм заменен на "бурю стрел", а плохая погода - на "плохую погоду богини битвы". Мифологическим ядром этого пересказа и тем, что проливает свет на нашу тему, является тот факт, что Рогнер в мифологии был "тем, кто радовал лебедей". В героической поэме три девы-лебедя посвящены в своей любви Волунду и его братьям. Волундарквид говорит, что третья обнимает белую шею Волунд-Анунда.

Теперь мы объединим результаты этого исследования, касающегося Рогнера, и при этом сначала рассмотрим, что говорят о нем, когда имя встречается независимо и не связано с пересказами, а затем, что говорится о нем в пересказах, в которых его имя составляет ядро.

Форспьяллсльод описывает Рогнера как обитателя самого северного края земли в то время, когда Идун отсутствовала в Асгарде. Там он поет волшебные песни и придумывает колдовство, с помощью которого насылает на мир разрушительную зиму. Он "кузнец", и в его компании встречается один или более мифических персонажей по имени Регин. (Регин может быть единственным или множественным числом.)

Эйнар Скалаглам, получивший от Хакона Ярла дорогие сокровища, в своей хвалебной песне в адрес последнего говорит о "произведениях Рогнера", которые ему нравятся и которые, должно быть, являются сокровищами, полученными им от ярла.

В книге "Торсдрапа" Эйлиф Гудрунсон рассказывает, что Рогнер еще не "связал себя" с Локе, когда Тор совершил свою экспедицию в Гейрред.

Атлаквид утверждает, что он кому-то отомстил, и с этой местью в песне сравнивается месть Гудрун, когда она вручает Атле кубки, сделанные из черепов двух юных сыновей последнего.

Все факты, представленные в этих отрывках, заново раскрываются в мифе о сыновьях Ивальда — Волунде, Эгиле и Слагфине. Было время, когда они были друзьями богов и ковали для них дорогие сокровища, и было другое время, когда у них были те же планы, которые Локи пытался осуществить тайным образом — то есть свергнуть богов и разрушить то, что они создали. Они отдают своего приемного сына Фрея, юного бога урожая, великанам (см. № № 109, 112) — событие, которое, как и исчезновение Идун из Асгарда, относится к наступлению фимбул-зимы, — и они отправляются на самый северный край нижнего мира, где обитают с девами-лебедями, дисами роста, которые, как Идун в Форспьяллсльоде (стр. 8), должно быть, изменили характер и присоединились к враждебным миру заговорам своих возлюбленных. (В упомянутой строфе об Идун говорится, что она облачилась в волчью шкуру, подаренную ей кузнецами, и *линдри брейтти, лек в левизи, литом скипти*.) Месть, которую Волунд во время своего заключения Нидадом предпринимает против последнего, объясняет, почему Атлаквид характеризует ужасный поступок Гудрун как "месть Рогнера". Что касается колдовства (*gand*), придуманного Рогнером и Рegin, следует сказать, что меч победы, изготовленный Волундом, является *гандром* в первоначальном смысле этого слова — орудием, наделенным магической силой, и изготовлено оно было во время его пребывания в Волчьих Долинах.

Один отрывок в "Волундарквиде" (стр. 5), который до сих пор не поддавался никаким попыткам толкования, показывает, что его мастерство было занято другими магическими вещами, пока он жил там. Отрывок гласит: *Лукти ханн алла линдбауга вел*. Рассматриваемые кольца "линд", выкованные из "красного золота" (см. Предыдущие строки в строфе 5), являются, согласно

приставке, *lind*, *linnr* кольцами в форме змеи, которые снова являются кольцами ганд (колдовскими) из-за таинственных качеств, приписываемых змее. *Линдбауги* - это другая форма для *линнбауги*, точно так же, как *линдбол* - это другая форма для *линнболь*. Роль, которую играет змей в магических искусствах, делала его, когда он находился под влиянием или во владении мага, *гандом*, откуда *линнер*, змей, мог использоваться как перефразирование *гандра*, а *гандр*, в свою очередь, мог в составе *Ермунганди* использоваться как эпитет для Мидгард-змея. Кольца, которые должны быть "хорошо сомкнуты друг с другом", - это гандовые кольца. Сама веревка (*баст*, *бастр*—Волундарквиды, 7, 12), на которую он вешает семьсот готовых колец ганди, кажется, является гандом, предметом колдовства, которым Волунд может связать и из которого он может выпустить ветер. Когда люди Нидада застали Волунда врасплох во сне и связали его этой веревкой, он двусмысленно спрашивает, кто "связал его ветер" (стр. 12). В двух отрывках из "Волундарквиды" (стр. 4, 8) его называют *ведрейгр*, "наблюдающий за бурей" или "грозный шторм". Это слово может иметь любое значение. О том, что Волунд для своих целей, как и Рогнер, использовал волшебные песни, свидетельствует Саксон (*История.*, 323, 324). Согласно Саксо, именно благодаря волшебной песне Волунда-Хаквинуса меч Волунда, которым владел Свипдаг-Эрикус, смог победить молот Тора и дубину Хафдана.

Переходя теперь к отрывкам, где имя Рогнер встречается в пересказах, я хотел бы особо подчеркнуть то, что я уже продемонстрировал: что Хаустлаунг с этим именем относится к Тьяссе; что стихи более позднего времени, чем Хаустлаунг, и связанные с той же знаменитой песней, относят его к предполагаемым потомкам Тьяссе, Хакону Ярлу и его сородичам; что все эти пересказы представляют Рогнера как создателя бури, снега и града; и что Рогнер создавал "ветряные машины", был "Регином движения солнца". перышко" (крыло) и "тот, кто порадовал лебедей". Следовательно, (а) Рогнер - это эпитет Тьяссе, и в то же время он обозначает Волунда; (b) все, что сказано о Рогнере, когда имя в пересказе является эпитетом Тьяссе, относится к Волунду; (с) все, что сказано о Рогнере, независимо от перефразировок, относится к Волунду.

(18) В древнескандинавской поэзии принято называть человека по имени его противника, когда с помощью дополнительной характеристики можно сделать очевидным, что имеется в виду первое, а не второе. Таким образом, гиганта можно называть *берг-торр* или *гриот-Моди*, потому что когда-то у него был противник Тор или сын Тора Модэ, и эти эпитеты особенно применимы к гигантам, которые на самом деле сражались с Тором или Модэ в мифологии. В отличие от своих преемников в христианские времена, языческие скальды прилагали большие усилия, чтобы придать своим пересказам особое обоснование и поддержку в каком-нибудь мифологическом событии. По той же причине, по которой гиганта, сражавшегося с Модэ, можно было звать *гжот-Моди*, Волунда, как врага Нидада, можно было звать *гжот-Нидудр*. Этот эпитет также встречается один раз в древнескандинавской поэзии, а именно в Хаустлаунге, и там он применяется к Тьяссе. Парафраза показывает, что скальд имел в виду соответствующее (антитетическое) обстоятельство между Тьяссом и *Нидадром* (*Нидудром*). Что мы можем почерпнуть из наших источников, так это то, что у Волунда и *Нидадра* произошла встреча, причем настолько решительного характера, что эпитет *гриот-Нидудр*, естественно, заставил слушателей подумать о Волунде.

(19) Когда Локи ударил Тьяссе, который был в обличье орла, волшебным шестом, Тьяссе взлетел; и поскольку рука Локи была крепко приклеена к одному концу шеста, а орел крепко

держался за другой конец, Локе пришлось сопровождать орла в его полете. Хаустлаунг говорит, что Тьяссе, довольный своей добычей, перенес ее на большое расстояние (*овощной ланган*) по воздуху. Он направлял свой курс таким образом, что телу Локе пришлось плохо, вероятно, его тащило по деревьям и камням (*svá в слитне сундр ульфс федор мунди*). Затем в стихотворении следуют приведенные ниже строки, которые я цитирую из "Королевского кодекса", за исключением единственного слова (*midjungs*, вместо *мягкости*), которое я цитирую из "Кодекса Вормиана". Здесь, как и везде, я ничего не основываю на исправлениях текста, потому что даже такие, для которых могут быть приведены наилучшие доводы, не обеспечивают достаточной основы для мифологического исследования, когда изменения не подтверждаются какой-либо рукописью или сами по себе абсолютно необходимы.

thá vard thórs ofrunni,
thúngr var Loptr, of sprúgininn;
málunautr hvats mátti
midjungs fridar bidja.

Содержание этих строк, в свете того, что сейчас было сказано, таково:

Удовольствие Тьяссе от того, что он тащил Локе за собой и заставлял его конечности вступать в неприятный контакт с предметами на своем пути, было так велико, что он не удержался от этого, пока не почувствовал, что перенапрягся. Каким бы сильным он ни был, этого не могло не произойти, потому что он улетел со своей ношей очень далеко от того места, где он захватил Локе в устроенной им засаде; и, кроме того, Локе был тяжелым. Тяжело раненный Локе все это время хотел молить о пощаде, но во время полета он не смог этого сделать. Когда Тьясс, наконец, опустился на землю, Локе получил передышку, чтобы подать в суд на милосердие.

В этих четырех строках есть четыре пересказа. Тьяссе называется *торс рунни* или *торс руни*, "тот, кто заставил Тора бежать", или "тот, кто был другом Тора", и "*миджунгр*", слово, значение которого не имеет значения для изучения в связи с рассматриваемым вопросом. Локе называют *Лоптр*, фамилией, которая применяется к нему много раз, и *малунаутр хват миджунгс*, "тот, кто путешествовал с женщиной-спутницей могущественного Миджунга (Тьяссе)". Спутницу Тьяссы (*малу*) зовут Идун, и пересказ отсылает к мифу, повествующему о том, как Локе унес Идун из чертогов Тьяссы и улетел с ней в Асгард.

С этими подготовительными замечаниями я готов представить буквальный перевод этого отрывка:

(Тьясс проделал долгий путь с Локе, так что последнего чуть не разорвало на куски): "... после этого (*та = дейнде*) стал тем, кто заставил Тора бежать (*вард Ихорс руни*) — или тем, кто стал другом Тора (*Ихорс руни*) — уставшим (*от спрунгинна*), (ибо) Лопт был тяжелым (*тунг вар Лоптр*). Он (Локе), совершивший путешествие с компаньонкой могущественного Миджунга (Тьяссе) (*малунаутр хват миджунгс*), мог (теперь, наконец) просить мира (*матти фридар биджа*)".

В строках—

та вард торс рунни
тунгр вар Лоптр, спрунгинн—

thúngr var Loptr явно выступает в качестве промежуточного предложения, которое в связи с тем, что было сказано выше, а именно, что Тьясс проделал долгий путь со своей ношей, оправдывает и объяснит, почему Тьясс, хотя и чрезвычайно силен, сильнее, чем *Хрунгнир* (песня-Гротте), все же был на грани изнеможения от перенапряжения. Таким образом, скальд объяснил причину, по которой Тьясс, "радуясь тому, что он поймал", опустился на землю вместе со своей жертвой, прежде чем Локе истощился больше, чем было на самом деле. Чтобы понять связь, важно слово *матти* в третьей строке. До сих пор слова *малунаутр хват матти миджунгс фридар биджа* интерпретировались так, как если бы они означали, что Локе "был вынужден" просить Тьяссе о мире. *Матти* понимается как *сущее*. Финнур Йонссон (*кpum. Stud.*, стр. 48) указал, что нельзя с уверенностью или вероятностью найти ни одного отрывка, где глагол *mega, mátti* означает "быть вынужденным". Везде это можно перевести как "уметь". Таким образом, слова *матти фридар биджа* означают, что Локе *мог*, был в состоянии попросить Тьяссе о мире. Причина, по которой он смог это сделать, изложена выше, где сказано, что Тьяссе надоело летать со своей тяжелой ношей. До этого, а также во время полета и неприятных столкновений тела Локе с предметами, с которыми он соприкасался, он не мог общаться со своим похитителем; но когда последний опустился на землю, Локе получил передышку и мог умолять о пощаде. Истолкованная таким образом половина строфы дает наиболее логичную связь и приводит к трем причинам и трем результатам: (1) Локе смог использовать свой красноречивый язык в разговоре с Тьяссом, поскольку последний перестал летать до того, как Локе был разорван на куски; (2) *Офранни* или *офруни* закончил свое воздушное путешествие, потому что он, хотя и был очень сильным человеком, чувствовал, что перенапрягся; (3) он чувствовал усталость, потому что Локе, с которым он летал, был тяжелым. Но из этого с абсолютной уверенностью следует, что скальд, используя для Тора *офрунни* или *офруни*, имел в виду Тьяссе, а не Локе, как предполагалось до сих пор. Соответственно, эпитет Тора *офранни*, "тот, кто заставил Тора бежать", должен быть объяснен каким-то мифическим событием, которое показывает, что Тору когда-то пришлось обратиться в бегство из-за Тьяссе. Нам стало известно лишь одно обстоятельство, когда Тор отступает перед противником, и вряд ли правдоподобно, что мифология позволяет своему фавориту отступать побежденным более одного раза. В этом случае именно меч Волунда, которым владеет Свипдаг, разрубает молот Тора и вынуждает его удалиться. Таким образом, Волунд когда-то был *офранни Тора*. В Хаустлаунге это Тьяссе. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с фактом, который так часто всплывал на поверхность в ходе этих исследований, а именно, что то же самое говорится о Волунде и Тьяссе.

Но рядом с *офранни* у нас есть еще одно прочтение, которое необходимо учитывать. В *Codex Wormianus* *вместорунниестъофру́ни, и, как указал Визен, этот рунни должен, ради соблюдения метра, читатьсягúní....* Согласно этому прочтению, Тьясс должен был когда-то быть *офруни* Тора, то есть близким другом Тора. Это прочтение также находит свое подтверждение в мифологии, как будет продемонстрировано далее. Здесь мне будет позволено повторить то, что я отмечал ранее, а именно, что из двух прочтений только одно может быть оригинальным, в то время как оба могут быть оправданы мифологией.

(20) В мифологии встречаются персонажи, которые сами по себе образуют группу, характерной особенностью которых является то, что они практикуются в беге на лыжах в сочетании с использованием лука и стрел. Эта группа состоит из братьев Волунда, Эгиля, Слагфина, сына

Эгиля Улля и дочери Тьяссе Скаде. Во введении к "Волундарквиде" говорится о трех братьях, что они бежали на лыжах по Волчьим долинам и охотились. Мы уже упоминали о замечательных лыжах Эгиля, которые можно использовать как на воде, так и на снегу. Об Улле мы читаем в Гильфагининге (Младшая Эдда, i. 102): "Он настолько превосходный лучник и лыжник, что никто не может сравниться с ним"; а Саксон рассказывает о своем Оллерусе, что он мог зачаровать кость (ледяной башмак, сделанный из кости, подвеска лыж), так что она превратилась в корабль. Соответственно, лыжи Улля обладают теми же качествами, что и у его отца Эгиля, а именно тем, что их также можно использовать на море. Кроме того, лыжи Улля, по-видимому, обладали еще одним весьма примечательным свойством, а именно тем, что, когда их владелец не нуждался в них для передвижения по суше или морю, их можно было превратить в щит и использовать на войне. Таким образом, мы объясняем, что скальды могли использовать *пропуск Уллара, Уллара фара, кнорра Орва ассав* качестве парафразы для щитов, и что, согласно одному утверждению в "Эдде Ловасина", *Ullr átti skip that, er Skjöldr hét* Что касается его достижений, Улль на самом деле является копией своего отца Эгиля, и то же самое можно сказать о Скади. В то время как Улля называют "богом лыж", Скади называют "богиней лыж", "дис лыж" и "дис морской кости", *севар* - это *дис*, парафраз, который явно имеет то же происхождение, что и рассказ Саксона о кости, заколдованной Уллом. Таким образом, у дочери Тьясса есть атрибут принадлежности к кругу родственников Волунда.

Имена также связывают тех, кого мы считаем родственниками Волунда, с именами Тьяссе. Альвальде - отец Тьяссе; Ивальде - отец Волунда. *Ивальди* - это другая форма для *Идвальди*. Длинный префикс *Ív* is explained by the disappearance of *d* объясняется исчезновением слова "в" из "в". *Ид* вновь появляется под именем дочери Ивальда *Идунн* и брата Тьяссе *Иди*, и это единственные мифологические имена, в которых появляется *Ид*. Более того, уже указывалось, что из трех сыновей Альвальде (*Олвальди*) есть один, у которого есть эпитет Дикий Вепрь (*Аурнир, Урнир*); и что среди трех сыновей Ивальде есть один, а именно Орвандель—Эгиль, у которого тот же эпитет (*Ибор, Эбур, Эббо*); и что среди сыновей Альвальде один, а именно Тьясс, имеет эпитет *Фьяллгюльдир*, "горный волк" (Хаустлаунг); в то время как среди сыновей Ивальде-Олмода есть один, а именно Волунд, у которого есть эпитет *Асольфр*, что также означает "горный волк".

В этой связи не следует забывать, что традиция приписывала качества великанов не только Тьяссу, но и Волунду. То, что это не появляется в "Старшей Эдде", зависит просто от того факта, что Волунд не упоминается под этим именем в подлинных мифических песнях, а только в героическом фрагменте, который мы имеем в "Волундарквиде". Воспоминание о том, что Волунд, хотя и был эльфийским принцем в мифологии и, конечно, не чистокровным великаном по отцовской линии, считался и воспевался в песнях как *иотунн*, - воспоминание об этом не только сохранилось в Вилкинасаге, но и появляется там в преувеличении, поддерживаемом более поздними традициями, в том смысле, что его отца Вейда (см. № 110) там называют великаном, в то время как мать его отца, как говорят, была русалкой. С другой стороны, в Вилкинасаге сохранилась память об отношениях между Волундом и самым известным существом-великаном. Согласно главе 175, он и великаны Эггейр (*Эггтер*) и Видольф - двоюродные братья. Если мы изучим скандинавские источники, то обнаружим, что Видольф упоминается в Хиндлутьоде (53) как прародитель всех мифологических валов, а Аурбода, самая известная из валов мифологии, упоминается в строфе 30 как родственница Тьяссе. Таким образом, в то время как Хиндлуджод создает Тьяссу, Вилкинасага создает Волунда, родственника великана Видольфа.

Хотя форма Вилкинасаги сильно изменилась, она также сохранила память о том, как отец Волунда завершил свою карьеру. С несколькими кузнецами ("гномами"), жившими в отдаленной горе, Вейд заключил соглашение, согласно которому в обмен на определенную компенсацию его сын Волунд должен научиться их замечательному искусству кузнеца. Когда ближе к концу согласованного времени Вейд появился за пределами горы, он был убит лавиной перед тем, как войти внутрь, в соответствии с коварным планом этих кузнецов.

В мифологии отец Тьяссе - великий чемпион по выпивке, среди его многочисленных имен и эпитетов, как мы видели, также есть некоторые, которые относятся к его положению в мифологии в отношении ферментированных напитков; *Свигдир* (великий пьющий) *Ольвальди*, *Ольмод*, *Сумбл Финнаконунгр*. Что касается *Svigdir's* смерти Свигдира, уже было показано (см. № 89), что после его полного исчезновения из мифологии он оказывается за пределами горы, в которой Суттунг и сыновья Суттунга, потомки Сурт-Дуринна, вместе с Мимиром, древнейшим кузнецом (см. № 89), имеют свои чертоги; что по его прибытии коварный гном, привратник сыновей Суттунга, идет ему навстречу, и что он "предан" гномом, никогда не входит в скалистые чертоги и, следовательно, должен был умереть. снаружи.

Очень поздние заявления Вилкинасаги (вероятно, заимствованные из немецких традиций) относительно смерти отца Волунда, таким образом, в основных чертах соответствуют тому, что говорится в скандинавских записях о том, как отец Тьяссе исчез со сцены мифологии.

Что касается рождения и ранга отца Тьяссе среди мифических сил, следует обратить внимание на следующие утверждения в поэмах языческих времен. Когда Хаустлаунг рассказывает, как Тьяссе попадает в пламя вафер, разожженное вокруг Асгарда, в нем используются слова *Грейпара бидила*, *сына свиднара*, "сын жениха Грейпа сгорел". Таким образом, матерью Тьяссе является великанша Грейп, которая, согласно строфе, цитируемой в Младшей Эдде, i. 288, является дочерью великана *Гейредра* и сестрой *Гьялпа*. Одна из этих сестер, и, насколько мы можем видеть, Грейп, в Торсдрапе называется *мейнсваранс хаптс арма фармр*, "объятие рук лжесвидетеля" *хапт*. *Хепт*, синг *хапт*, подобно *бон*, означая то же самое, обозначение низших и высших сил, *нумина* различных рангов. Если под лжесвидетельной любовницей *хапта* Грейпа, а не сестры Гьялп, имеется в виду, то отец Тьяссе - существо, принадлежавшее к числу *нумина* мифологии, и которое от великанши, чьим *бидиллом* он был, родило сына Тьяссе, а также, вероятно, братьев последнего *Иди* и *Гангра* (*Аурнира*). Какое положение этот *лжесвидетель* занимал среди держав, указано в Веллекле, строфа 9, в которой, как и в предыдущей строфе 8, и в последующих строфах 10, 11, рассказывается о сражениях Хакона ярла при Данневирке, куда он был призван в качестве вассала датского короля Харальда Синезубого, чтобы защитить языческий Север от попыток императора Оттона II обратить Данию в христианство с помощью оружия. В строфе, которая и здесь, в своих перефразировках, проводит параллели между Хаконем Ярлом и его мифическим прародителем Тьяссом, говорится, что датский король (*фемильдр конунгр*) пожелал, чтобы эльф Морквуда Хлодина (земли Морквуда, то есть лесной Норвегии), пришедший с Севера (*миркмаркар Хлодиньяр альф*, *тесс эр ком нордан*), был испытан в "смертоносном морозе," то есть, во время войны (*vid mord-frost freista*), когда он (король Дании) гневно приказал суровому наблюдателю за штормами (*стирдану ведрхирди*, Хакону ярлу) жителей Хордаланда (скандинавов) защищать Данневирке (*Вирки варда*) от южных ньердов щитоносцев (*фир серкья-хлым-валь-Ньердум*, "принцы-воины южных земель").

И здесь миф о Тьяссе и фимбул-винтер образует ядро, из которого выросли пересказы, адаптированные к Хакону Ярлу. Хакон одет в маску холодносурового наблюдателя за штормами, который приходит с Севера и может выпустить на волю зимние ветры. Император Отто и вожди, возглавлявшие южные войска под его началом, сравниваются с Ньердом и его родственниками, которые в мифологии сражались с Волундом и силами мороза, а битва между воинами Юга и Севера сравнивается с "морозом-убийцей", в котором Хакон, пришедший с Севера, встречается с христианскими континентальными германцами в Данневирке.

Таким образом, мифическое ядро строфы таково: Эльф из Морквуда Хлодина, суровый страж бурь, испытал свою силу морозной погодой, когда сражался с Ньердом и его сородичами.

Хлодин из Морквуда, то есть богиней лесов Етунхейма, в этой связи является дочь Тьяссе Скади, которая в Халейгьятале называется *Ярнвиджа* из *Ярнвидра*, Железного Дерева, что идентично Морквуду (Лесу Тьмы). Сам Тьясс, чьего отца в Торсдрапе называют "лжесвидетелем *хаптом*", здесь назван эльфом. Одного этого отрывка было бы недостаточно, чтобы решить вопрос о том, к какому классу мифических существ принадлежали Тьяссе и его отец, тем более что *áfr*, примененный в пересказе, может подразумевать любое существо в соответствии с добавленной характеристикой. Но "лжесвидетельствующий *случай*" никак не может быть перефразированием гиганта. Каждое божество, нарушившее свою клятву, является "лжесвидетелем *случайности*", и мифология говорит о таких лжесвидетельствах. Если бог совершил лжесвидетельство, это еще не причина, по которой его следует называть великаном. Если великан совершил лжесвидетельство, это не причина, по которой его следует называть *хаптом*, поскольку в том, что он лжесвидетельствует или нарушает свою клятву, нет ничего особенно характерного для природы гиганта. На самом деле, мне кажется, что должны быть самые серьезные сомнения в том, что Тьясс является великаном в самом строгом и законченном смысле этого слова, исходя из обстоятельств, что он звездный герой; что выдающиеся люди считали для себя честью быть его потомками; что скальды Хакона Ярла никогда не уставали одевать его в облик его предполагаемого прародителя и сравнивать исторические достижения одного с мифическими подвигами другого; и что он, Тьясс, не только ограбил Идун, что действительно мог бы сделать настоящий великан, но и он также прожил с ней много долгих лет и, насколько мы можем видеть, родил от нее дочь Скади. Из предыдущих страниц следует помнить, каких усилий требует мифология, чтобы вернуть другую асинье, Фрейю, попавшую в руки великанов, чистой и непорочной в Асгард, и поэтому трудно поверить, что Идун была унижена и вынуждена много лет жить в близости с настоящим великаном. Из этого следует, что когда Тьясс в процитированном выше мифологическом ядре строфы Веллеклы назван *алфом*, а когда его отец в Торсдрапе назван *хаптом*, существом более высокого или более низкого божественного ранга, то *алф* является дальнейшим определением идеи *хапта* и сообщает нам, к какому классу *нумины* принадлежал Тьясс, а именно к низшему классу богов, называемых эльфами. Таким образом, Тьясс по отцовской линии эльф. Как и Волунд. В Волундарквиде его называют принцем эльфов. Кроме того, следует отметить, что в ядре строфы, представленном выше, Тьясс представлен как тот, кто сражался вместе с Ньердом и его союзниками. В "Саксе" Анунд-Волунд и его брат лучник сражаются с Ньердом-Фридлевусом и его спутниками; и поскольку Ньерд в "Саксе" женится на дочери Анунда-Волунда, в то время как в мифологии он женится на дочери Тьяссе, то это еще одно повторение факта, который постоянно всплывает на поверхность в этом исследовании, а именно: все, что рассказывается о Волунде, рассказывается и о Тьяссе.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ТОГО, ЧТО СЫНОВЬЯ ИВАЛЬДЕ ПРИНАДЛЕЖАТ ОЛЬВАЛЬДУ (продолжение). ОБЗОР THORS DRAPA.

(21) Теперь мы переходим к мифическому повествованию, в котором братья Тьяссе *Иди* и *Гангр*, а также он сам, в пересказе, упоминаются при обстоятельствах, которые хорошо подходят для того, чтобы пролить свет на рассматриваемый нами предмет, что очень важно с точки зрения эпической связи мифологии.

Об экспедиции Тора в Гейрред у нас есть два совершенно разных рассказа. Одно записано автором "Скальдскапармала"; другое найдено в "Торсдрапе" Эйлифа Гандрунсона.

В Скальдскапармале (Младшая Эдда, i. 284) мы читаем:

Только ради удовольствия Локи отправился в экспедицию в обличье Фрейи из перьев, и его любопытство побудило его присесть у отверстия в стене дома Гейрреда и заглянуть внутрь. Там он был схвачен одним из слуг Гейрреда, и великан, заметивший по его глазам, что это не настоящий сокол, не отпустил его до тех пор, пока не согласился устроить так, чтобы Тор пришел в чертог Гейрреда, не захватив с собой свой молот и пояс силы. Это Локе смог осуществить. Тор отправился к Гейрреду, не взяв с собой ничего из этих инструментов — даже стальных перчаток. Локе сопровождал его. По пути туда Локи навел великаншу, которую звали *Гридр*, и которая была матерью Видара Безмолвного. От нее Тор узнал факты о Гейрреде, а именно, что последний был хитрым великаном, с которым было трудно ладить. Она одолжила Тору свой собственный пояс силы, свои железные перчатки и свой посох, *Гридарвельр*. Затем Тор направился к реке, которая называется Вимур и которая является величайшей из всех рек. Там он пристегнул свой пояс силы и оперся на ручей на *Гридарвельре*. Локи крепко держался за пояс силы. Когда Тор достиг середины ручья, вода поднялась ему до плеч. Тогда Тор увидел, что высоко в горной расщелине, под которой протекала река, стоит Гьялп, дочь Гейрреда, по одной ноге на каждой стороне реки, и именно она вызвала прилив. Тогда Тор поднял камень и бросил его в великаншу, сказав: "В устье реки река должна быть остановлена". Он не промахнулся. Добравшись до другого берега реки, он ухватился за рябину и таким образом обрел землю. Отсюда и пословица: "Рябина - спасение Тора". И когда Тор приехал в Гейрред, ему и Локе сначала был предоставлен козий домик (согласно Региональному кодексу; согласно Упсальскому кодексу - гостевой дом) в качестве жилья. Затем рассказывается о приключениях Тора с дочерьми Гейрреда Гьялп и Грейп, и о том, как он, приглашенный поиграть в зале Гейрреда, был встречен раскаленным железом, которое Гейрред бросил в него щипцами, но он поймал железными перчатками и отбросил назад с такой силой, что железо прошло через столб, за которым прятался Гейрред, и через самого Гейрреда и стену его дома, а затем вошло в землю.

Это повествование, свободно составленное из мифических и псевдомифических элементов, связано с Торсдрапой, сочиненной в языческие времена, примерно так же, как рассказ Брагарадура об Одине и Суттунге связан с рассказом Хавамала. Точно так же, как в "Брагарадуре" *"пунктум салиенс"* заключается в грубой шутке о том, как возникла бедная поэзия, так и здесь грубый анекдот, построенный на пословице "Поток нужно остановить в его устье", кажется, является основой рассказа. В христианские времена мифология служила темой

не только для древней истории, героических поэм и народных преданий, но и для шуточных песен.

Теперь несколько слов о Торсдрапе. Эта песня, превосходная с точки зрения поэзии и важная с мифологической точки зрения, на мой взгляд, до сих пор была совершенно неправильно понята, не столько из—за трудностей, обнаруженных в тексте, — ибо они исчезают, когда их рассматривают без какого-либо предвзятого мнения относительно содержания, - сколько из-за незаслуженной веры в рассказ Скальдскапармала о визите Тора к Гейрреду, и из-за усилий, предпринятых под влиянием этого вводящего в заблуждение авторитета, чтобы заново открыть утверждения последнего в тексте. языческая поэма. В ходе этих усилий к поэме была применена поэтика христианского периода Исландии, и таким образом все мифологические имена, чье истинное значение было забыто в более поздние времена, получили общее блеклое значение, которое при более тщательном рассмотрении оказывается неверным. Имея в качестве арсенала коллекцию имен, в которой имена реальных или предполагаемых "карликов", "гигантов", "морских королей" и т. Д. Собраны Вместе и расположены как синонимы, эта система поэтики учит, что из таких списков мы можем брать любое имя карлика, имя великана и т. Д., Которое нам заблагорассудится обозначить любым "карликом", "великаном" и т. Д., Каким нам заблагорассудится. Следовательно, если Торсдрапа упоминает "*Idi's chalet*" and "*Gánger's war-vans*," then, according to this system of poetics, *Гангра*", то, согласно этой системе поэтики, *ИдииГангр* - хотя в языческие времена они обозначали конкретных мифических личностей, у которых была своя история, своя личная карьера, — не имеют иного значения, чем общее "великан", по той причине, что *Иди* и, наконец, "Гангр", которые включены в вышеупомянутые списки имен великанов. Такая система поэтики не могла возникнуть до тех пор, пока большинство мифологических имен не стали просто пустыми звуками, а личности, которым они принадлежали, были забыты. Тот факт, что они были адаптированы и все еще продолжают адаптироваться к поэмам языческих скальдов, является одной из причин, по которой важный вклад, который имена и парафразы языческой поэзии могут внести в исследования мифологии, остался неиспользованным сокровищем.

В то время как Скальдскапармал заставляет Лока и никого другого сопровождать Тора в Гейрред и представляет все это как визит Тора к великану, мы узнаем от Торсдрапы, что это путешествие в Йотунхейм - военная экспедиция, которую Тор совершает во главе своих воинов против страшного вождя великанов, и что по пути туда ему пришлось сразиться с великанами Гейррода, прежде чем он смог проникнуть к месту назначения своей экспедиции, чертогу Гейррода, где великаны устроили настоящую битву. бегство в только что упомянутом сражении собирается вместе, и там, где разыгрывается другое сражение. Торсдрапа ни единым словом не упоминает, что Локи сопровождал Тора в этой воинственной экспедиции. Вместо этого мы узнаем, что у него было тайное соглашение с одной из дочерей Гейрреда, что он уговорил Тора отправиться туда и дал ему неправдивые сведения о характере дороги, чтобы, если не сам Тор, то, по крайней мере, союзники, которые пошли с ним, могли погибнуть из-за устроенной им засады. То, что Локи при таких обстоятельствах сопровождал Тора, в высшей степени невероятно, поскольку его искажения относительно характера пути были бы обнаружены во время путешествия и разоблачили бы его как предателя. Но поскольку Скальдскапармал утверждает, что Локе был спутником Тора, толкователи Торсдрапы позволили ему оставаться таким и приписали ему — предателю и тайному союзнику великанов — и Тьяльфу (который не

упоминается в рассказе Скальдскапармала) подвиги, которые сподвижники Тора совершают против великанов. То, что стихотворение, например, в выражении *Тьяфи медита синни*, "Тьяльф со своими товарищами", самым отчетливым образом подчеркивает тот факт, что в этой экспедиции предводителем целого сонма воинов был Тор, было передано как один из неясных отрывков, которыми, как предполагалось, изобилует поэма, и неясность которых просто состоит в том, что они противоречат истории в Скальдскапармале. Торсдрапа ни единым словом не упоминает, что Тор по пути в Гейрред остановился в доме великанши *Гридр* и позаимствовал у нее посох, пояс силы и железные перчатки; и я считаю вероятным, что весь этот эпизод в Скальдскапармале не имеет иного основания, кроме того, что посох, которым Тор опирается при переходе вброд быстрого ручья, в Торсдрапе теперь называется *gríðarvöl*, "посох безопасности", и, опять же, *brautar лидс звонит*, "дерево помощи на пути". Имя *гридарвельр* и такие пословицы, как *ат-оси скалл-а-стемма* и *рейнир эр бьорг торс*, по-видимому, являются основными элементами, с помощью которых была создана история в Скальдскапармале. Объяснение пословицы, данное в "Скальдскапармале" *рейнир эр бьорг торс*, согласно которому Тору удалось выбраться из реки, ухватившись за рябину, растущую на берегу реки, является, без сомнения, выдумкой автора рассказа. Это утверждение никак не могло иметь поддержки в мифологии. В нем Тор наделен способностью расти наравне с любым потоком, который ему, возможно, придется пересечь. Рябина, упомянутая в пословице, вероятно, не что иное, как "дерево-помощник в пути", "посох безопасности", на который он опирается во время перехода вброд и который, согласно Торсдрапе (19), является *brotningr skógar*, деревом, сломанным или вырванным в лесу.

Теперь я перехожу к рассмотрению содержания Торсдрапы:

Strophe 1. Коварный Локе уговаривает Тора уйти из дома и навестить Гейрреда, "хозяина храма крутых алтарей". Великий лжец уверяет его, что зеленые тропинки приведут его к чертогам Гейрреда, то есть они были доступны для пеших путешественников и не были перекрыты реками.

Примечание.—Для самого Тора состояние дорог может иметь меньшее значение. Тому, кто переходит вброд реки Эливагар и подземные ручьи, не нужно было сильно беспокоиться о том, чтобы найти водные пути, пересекающие его путь. Но из продолжения стихотворения мы узнаем, что эта экспедиция в Йотунхейм не была визитом в качестве гостя или встречей для поединка, как тогда, когда Тор отправился на поиски Хрунгнера, но на этот раз ему предстоит вторгнуться в Йотунхейм с целой армией, и, таким образом, характер дороги, по которой ему предстояло пройти, имел определенное значение. Засада, устроенная на его пути, касается не самого Тора, а великанов-врагов, составляющих его армию. Если последний погибнет в засаде, то Гейрреду и его великанам придется сражаться с Тором в одиночку, и тогда у него может появиться некоторая надежда на победу.

Strophe 2. Тору не потребовалось особых уговоров, чтобы предпринять экспедицию. Он покидает Асгард, чтобы посетить Етунхейм. О том, что произошло на пути между Асгардом и реками Эливагар, прежде чем Тор проник в Йотунхейм, в строфе говорится:

там гьярдвенджодр

эндр (= итерум, рурус)

рикри Иджа Гандвикр-сетрс скотум,

гердист фра трид тиль Имса киндар,

уничтожьте их (Cod. Червь.)

фирстуз (код. Рег.)

в ниджум триста торнс

Когда носитель пояса (Тор, обладатель пояса силы)

теперь, как и в предыдущих случаях,

усиленный людьми из шале Иде, расположенного недалеко от Гандвика,

направлялся от Одина к расе Имсе (Иммер). ,

для них (для Тора и людей из шале Иде) было радостью (или они устремились туда)

победить родственников Торна (Болторн-Имера).

Примечание. Общее понимание этого отрывка таково: (1) что *endr* не имеет ничего общего с содержанием, но является дополнительным словом, которое может быть переведено как "однажды", роль, которую *endr* слишком часто приходится играть в интерпретации старых поэм; (2) что *Ide* — это просто общее имя гиганта, применимое, как и любое другое имя гиганта, в перефразировании *Idja setr*, которое, как предполагается, означает Йотунхейм; (3) что *рикри Иджа сетрс скотум* или *рикри Гандвикр скотум* должен был дать слушателям или читателям Торсдрапы (совершенно ненужную) информацию о том, что Тор был сильнее великанов; и (4) что теми, кто жаждал подчинить родственников Имера, были Тор и Локе — тот самый Локе, который в тайном сговоре с вождем великанов и одной из его дочерей (см. Ниже), имеет целью заманить Тора и его товарищей по оружию в ловушку!

Рикри ... skotum следует рассматривать как эллиптическое предложение, в котором, как это часто бывает, следует понимать инструментальный предлог. Когда Тор пришел из Асгарда в шале Иде, расположенное недалеко от Гандвика, у него там появляются товарищи по оружию, и через них он становится *рикри*, через них он получает дополнение к своим собственным силам в надвигающихся конфликтах. Тот факт, что, когда Тор вторгается в Йотунхейм, он стоит во главе армии, совершенно очевиден из некоторых выражений в поэме и из поэмы в целом. Откуда могли внезапно появиться все эти воины? Они не обитатели Асгарда, и он не привез их с собой на своей молниеносной колеснице. Они живут недалеко от Гандвика, что означает "волшебная бухта", Эливагар. Гандвик был чисто мифологическим географическим названием до того, как оно стало названием Белого моря в позднехристианское время, когда море между Гренландией и Америкой получило мифическое название Гинунгагап. То, что они обитали на побережье залива, дает автору "Торсдрапы" повод в дальнейшем называть их викингами, байингами. Мы уже видели, что между Асгардом и Эливагаром находится дневной переход (см. № 108), и что на южном побережье у Тора есть гостиница, где он останавливается и где заботятся о его драгоценной упряжке и колеснице, пока он совершает экспедиции в Йотунхейм. Продолжение стихотворения показывает, что и на этот раз он остановился на этом постоянном дворе и что там он собрал своих воинов. Теперь, как всегда прежде, он идет пешком, после того как достиг Етунхейма.

В строфе 3 сначала делается мифологическое хронологическое утверждение, а именно, что дочь Гейрреда, "искусная в магии", пришла к взаимопониманию с Локе, прежде чем Рогнер стал союзником последнего. Это мифическое хронологическое утверждение показывает (1), что было время, когда Рогнер не разделял планы Лока, которые были враждебны богам; (2) что события, описанные в Торсдрапе, произошли до того, как Рогнер стал врагом богов. Почему

Торсдрапа считает необходимым сообщить эту информацию, становится очевидным уже в четвертой строфе.

Затем упоминается отъезд из шале Иде. Враждебное великанам воинство направляется в Йотунхейм, но прежде чем оно доберется туда, оно должно пересечь промежуточную область, которая называется лугом Эндила.

Мы могли бы ожидать, что вместо того, чтобы говорить о луге как о пограничной территории, которую нужно было пересечь, прежде чем попасть в Йотунхейм, в стихотворении говорилось бы о водоеме, за которым лежит Йотунхейм, и упоминалось бы одно из его названий — Эливагар, Гандвик или Храун. Но при более тщательном рассмотрении оказывается, что "луг Эндила" - это всего лишь парафраз для обозначения водоема. Доказательством этого является тот факт, что "лыжи Эндила", *Endils andrar*, *Endils itrskid*, является распространенным перефразированием слова "корабль". Как и *Эндилс эйкр*, "конь Эндила". Следовательно, луг, который Эндил пересекает на таких лыжах и на такой лошади, должен быть водоемом. И речь не может идти ни о какой другой воде, кроме той, что лежит между шале Эндила и Йотунхеймом, то есть Эливагаром, Гандвиком.

Имя *Эндилл* может совпадать с *Вендилл*, *Вандилл* (Младшая Эдда, i. 548) и сокращением от *Эрвандилл*. Начальная буква *V* изначально была полугласной, и как таковая она сочеталась с другими полугласными и с гласными (сравните рифмы на руническом камне Оланда, *Vandils jörmungrundar urgrandari*). Этот легко исчезающий полугласный, возможно, был исключен в более поздние времена, когда он, казалось, скрывал аллитерацию, и, таким образом, форма *Endil*, возможно, произошла от *Vendil*, *Вандил*. Соответственно, "Луг Орванделя" на поэтическом языке является синонимом слова "Эливагар", и этот пересказ вполне уместен, поскольку у Орванделя-Эгиля были лыжи, на которых он передвигался по суше и морю, и поскольку Эливагар был местом его приключений.

В строфе 4 рассказывается, что после пересечения "луга Эндила" войско воинов пешим порядком вторглось в Йотунхейм, и что информация об их вторжении в страну великанов дошла до тамошних ведьм.

Здесь приводятся два важных факта, касающихся этих воинов: их называют *Ганги ганн-ваниры* и *Варги фридары*, "воины-фургоны банды" и "защитники земли варгов". Таким образом, в первых строфах Торсдрапы мы встречаемся с именами трех сыновей Ольвальда: *Регнир* (Тьяссе), *Иди* и *Гангр*. В стихотворении упоминается имя Рогнера, когда утверждается, что экспедиция произошла до того, как Рогнер стал врагом богов; в нем упоминается имя Иде, когда говорится, что именно в его (Иде) шале близ Гандвика Тор собрал этих воинов вокруг себя; и в нем упоминается *Gángr's name*, and in connection therewith *Vargr's*, когда говорится, кто были лидерами тех чемпионов, которые сопровождали Тора против Гейрреда. При таких обстоятельствах очевидно, что Торсдрапа рассказывает эпизод, в котором Иде, Банда и Тьясс выступают как друзья Тора и враги великанов, и что в поэме их родина находится в регионах южного побережья Эливагара, и что *Иджа септр* находится недалеко от того же берега и играет в экспедициях Тора ту же роль, что и Орвандель-жилище Эгиля недалеко от Эливагара, которое также называется шале, *септр Гейрвандила*, и *Септр*. Таким образом, упомянутый *Варгр*, насколько можно судить, - это сам Рогнер-Тьясс, которого в Хаустлаунге, как мы знаем, зовут *фьяллгюльдир*, то есть волк.

Все воины, сопровождавшие Тора, горели желанием сразиться с потомками Имера, как мы видели во второй строфе. Но последние строки строфы 4 представляют одну из них, в частности, как страстное желание сразиться с одной из воинственных и ужасных великанш страны великанов. Этот чемпион не упоминается по имени, но его характеризуют как *брагдмилдр*, "быстро соображающий и быстродвигающийся"; как *брадивендр*, "тот, кто имеет обыкновение предлагать пищу для еды"; и как *бельквейтир* или *белькветир Лока*, "тот, кто возместил злой поступок Локи". Характеристики соответствуют Орванделю-Эгилю, ловкому лучнику и лыжнику, который в своем шале принимает Тора в качестве гостя, когда последний направляется в Етунхейм, и который отдал Тору Тьяльфа и Роскву в качестве компенсации, когда Локи обманом заставил Тьяльфа сломать кость, принадлежащую одной из забитых Тором коз, с целью добраться до костного мозга. Если бы Торсдрапа добавил, что обозначенный таким образом чемпион также был лучшим лучником мифологии, не могло быть никаких сомнений, что имелся в виду Эгиль. Это дополнение сделано далее в стихотворении и само по себе подтверждает тот факт, что Эгиль принимал участие в экспедиции.

Строфа 5, по сравнению со строфами 6 и 7, сообщает нам, что Тор со своим отрядом чемпионов в ходе своего похода прибыл в один из диких горных регионов Етунхейма. Погода плохая, идет град. И тут Тор узнает, что Локи обманул его самым наглым образом. По его указанию Тор привел свои войска к тому месту, где они сейчас находятся, и здесь из-за гор вытекает река, в которую огромные потоки, вздувшиеся от ливней с градом, скатываются с гор с бурлящей ледяной водой. Найти в такой реке брод, по которому могли бы перебраться его спутники, было для Тора непростым делом.

Строфа 6. Тем временем люди из шале Идэ уверенно спустились в реку. Сравнение со строфами 7 и 8 показывает, что они осторожно держались рядом с Тором и забрались немного дальше вверх по реке, чем он. Они использовали свои копья как посохи, которые воткнули в каменистое дно реки. Звон копий, когда их металлические наконечники соприкасались с камнями дна, смешивался с шумом водоворотов, бушующих вокруг речных скал (*Knátti hreggi höggvinn hlymthel vid möl glymja, enn fjalla fellihryn thaut med Fedju stedja*).

Строфа 7. Тем временем река постоянно поднимается и становится все более бурной, и ее океанические волны уже разбиваются о мощные плечи Тора. Если так будет продолжаться и дальше, Тору придется прибегнуть к присущей ему способности подниматься вместе с увеличением волн.

Примечание.—Но воины из сети Иде, которые не обладают этой силой, что им делать? План, разработанный Локи и ведьмами Етунхейма, явно состоит в том, чтобы утопить их. И последующие строфы показывают, что они находятся в самой непосредственной опасности.

Строфы 8 и 9. Эти отважные воины переходили вброд твердыми шагами; но вздымающиеся массы воды с каждым мгновением становились все стремительнее. В то время как мощные руки Тора крепко держатся за спасательный посох, течение в целом слишком сильное для копий, на которые чемпионам Гандвика приходится опираться. На горах стояли великанши, увеличивая силу течения. Затем случилось так, что "бог лука, движимый яростью волн, бросился на плечи Тора (*киква наудар асс, блазинн хронньярдар скафлс хветвидри, турди хаудрс рунн из херди*), в то время как Тьяльф со своими товарищами подбежали, как будто их автоматически подняли,

и схватились за пояс небесного принца" (Тор) (*уннз тьяльфи медита синни ком съялфлота а химиншола скаунар-сейл*).

Примечание.—Таким образом, план Локи и великанш утопить людей, враждебных великанам, людей, живущих на южном побережье Эливагара, был близок к успеху. Они были спасены благодаря своему благоразумию, забравшись вброд выше по течению, чем Тор, так что, если бы они потеряли точку опоры, водовороты могли бы отбросить их прямо на него. Один из чемпионов Гандвика и, как показывает продолжение стихотворений, самый выдающийся среди них, здесь охарактеризованный как "бог лука", был отброшен штормовой волной на плечи Тора и там спасся. Тьяльф и все оставшееся войско воинов сэтера Идэ в то же самое время были унесены волнами против могущественного сына *Хлодина* и спаслись, ухватившись за его пояс силы. С "богом лука" на плечах и с целым сонмом воинов, цепляющихся за его талию, Тор продолжает свой переход вброд через ручей.

В строфе 8 чемпионы Гандвика обозначены двумя парафразами. Мы уже видели, как их описывали как "боевые фургоны банды" и "защитники земли Варга". Здесь их называют "умными воинами викингов-сетеров" (*викинга сетрс снотрир гуннар руннар*) и "защитниками земли Одина, связанными клятвами" (*Гаута эйдсвара фридар*). То, что сетер Иде называется "сетер викингов", объясняется тем фактом, что он расположен недалеко от Гандавик, и что у этих *заливов* Эливагар был ареной их конфликтов с силами мороза. То, что они являются защитниками земли Одина, связанными клятвами, означает, что они мифические существа, которые по рангу ниже асов и поклялись служить Одину и защищать его территорию от великанов. Таким образом, их сетер (шале) недалеко от Гандвика является форпостом в борьбе с силами мороза. Из этого следует, что Иде, Ган и Тьясс изначально были *нуминами*, хотя и более низкого ранга; что их отношение к высшему миру богов было такого характера, что они по самой своей природе не могли рассматриваться как враги гигантов, но были связаны с делом богов клятвами; но, с другой стороны, они не могли быть чистокровными гигантами расы, происходящей от ног Имера (см. № 86). Их изначальный дом - не сам Етунхейм, а земля, граничащая с домом великанов, и это мифогеографическое местоположение должно соответствовать их мифогенеалогическому положению. В последней строфе "Торсдрапы" великаны, убитые чемпионами Гандвика, называются "телятами Альфхейма", скотом Альфхейма, подлежащим забою, и это, по-видимому, указывает на то, что эти чемпионы принадлежат к третьему и низшему из тех кланов, на которые делятся божества тевтонской мифологии, то есть к эльфам.

Чемпион Гандвика, который спасается на плечах Тора, в то время как остальные крепко держатся за его пояс, является знаменитым лучником и настолько хорошо известен слушателям Торсдрапы, что не было необходимости упоминать его по имени, чтобы было ясно, кто он такой. Фактически, применяемого к нему эпитета "бог лука" (*асс кыква наудар*, и в строфе 18 *твивидар Тур*) вполне достаточно, чтобы обозначить его как выдающегося лучника мифологии, то есть Орвандель-Эгиля, которого здесь Тор несет на плечах через бушующие волны, точно так же, как в другом случае Тор нес его в своей корзине через Эливагар. Уже в строфе 4 он упоминается как герой, ловкий мыслями и телом, известный своим гостеприимством и возместивший зло Лока. Следующим после него среди чемпионов Гандвика является Тьяльф, приемный сын Эгиля. Остальные обозначены как *ита синни* Тьяльфа, его группа людей.

Таким образом, мы обнаруживаем, что двое передовых среди "воинских фургонов Банды", которые вместе с Тором выступили из "сети Иде", прежде чем Рогнер (Тьясс) стал союзником Локи, - это брат Волунда и Слагфина Эгиль и приемный сын Эгиля Тьяльф. Мы обнаруживаем, что Эгиль и Тьяльф принадлежат к жителям сэтера Иде, где Тор по этому случаю остановился и где он оставил свою колесницу и коз, поскольку сейчас, как и в других случаях, он идет пешком в Йотунхейм. И поскольку в других источниках Эгиль упоминается как тот, кто в таких случаях дает приют Тору и его козам, и поскольку Торсдрапа также указывает, что он гостеприимный хозяин, который принял Тора в своем доме и заплатил ему выкуп за ущерб, причиненный Локе одной из его коз, то это должно быть наиболее убедительным доказательством того, что сетер Иде - это то же самое место, что и *Гейрвадильс* сетр, населенный Эгилем и его братьями, и что Орвандель-Эгиль идентичен либо Иду, либо Банде, из которой он происходил. из этого снова следует, что сыновья Альвальде, Иде, Ганг и Тьясс, идентичны сыновьям Ивальде, Слагфину, Эгиллю и Волунду.

То, что Эгиль идентичен Банде, а не Язю, видно из сравнения с *Grotte-song*. Там сыновей Ольвальда зовут *Иди*, *Аурнир* и *Тьязи*, в то время как в Младшей Эдде их зовут *Иди*, *Гангр* и *Тьязи*. Таким образом, Аурнир идентичен с *Гангром*, и поскольку *Аурнир* означает "дикий вепрь", а поскольку "дикий вепрь" (Эбур, Ибор, Эббо) является эпитетом Эгиля, Орвандель-Эгиль должен быть идентичен Банде.

Что касается остальной части *Thorsdrapa*, я могу быть краток, поскольку она представляет меньший интерес для обсуждаемого предмета.

Strophe 10. Несмотря на опасное приключение, описанное выше, сердца Тьяльфа и чемпионов Гандвика были напуганы не больше, чем сердца Тора. Здесь они обозначены как *ид фиардар*, "люди, принесшие клятву", с которыми следует сравнить *эйдсвару фридара* в строфе 8.

Строфы 11, 12 показывают, что Тор благополучно приземлился со своей ношей. Едва он и его товарищи успели прочно закрепиться на другом берегу, как на это место прибыл клан гигантов Гейрреда, "народ морского пояса, разрушающий мировые древа", и возник конфликт, в ходе которого атаки гигантов были решительно отбиты, и последние в конце концов были вынуждены отступить.

Strophe 13. После победы ужасное воинство Тора продвинулось дальше в Йотунхейм, чтобы открыть чертог Гейрреда, и они прибыли туда среди шума пещерных жителей.

В следующих строках упоминается, что Тор сломал хребты дочерям Гейрреда и ворвался со своими воинами в зал Гейрреда, где был встречен куском раскаленного железа, брошенным последним, который, отброшенный Тором, стал причиной смерти вождя великанов. Тор придал светящемуся копью такую силу, что кто-то, стоявший рядом с ним, вероятно, Эгиль, "выпил так, что в воздушном потоке куска железа закружился воздушный напиток дочери Хримнера" (*svalg hrapmunum á siu lopti Hrimnis drósar lyptisylg*). Дочь Хримнера - Гульвейг-Хейд (Хиндлулиод, 32), а ее "воздушный напиток" - это огонь, над которым боги держали ее на своих копьях (Волюспа, 21).

Как мы видим из контекста, чертоги Гейрреда были заполнены людьми, бежавшими от битвы у реки, а внутри горы возник еще один конфликт, который описан в последних трех строках стихотворения. Зал Гейрреда сотрясся от грохота битвы. Тор взмахнул своим окровавленным молотом. "Посох безопасности", "дерево-помощник на пути", посох, на который опирался Тор,

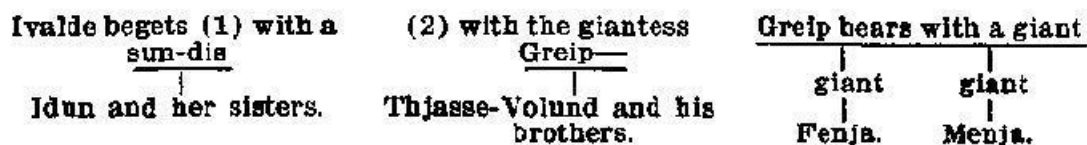
пересекая реку, попал в руки Эгиля (*ком в твивид-Тиви браутар лидс толлр*), у которого здесь не было места, чтобы пустить в ход свой лук, но который этим "удобным деревом, вырванным (или сломанным) из леса" нанес смертельные удары "телятам Альфхейма". Стрелы из его колчана нельзя было использовать в этом людном месте против людей Альвхейма. горный вождь.

Тот факт, что гиганты в Торсдрапе используют пращу, представляет интерес для вопроса о положении различных видов оружия в мифологии. Гейрреда называют *вегтаугар триотр*, "трудолюбивый мастер пращи" (стр. 17), и *альмтаугар Эгир*, "эгир пращи из луба вяза".

В последней строфе говорится, что Эгиль - это *хелблотинн* и *хнейтир*, *ундирфьяльф блику*, выражения, к которым я вернусь позже.

Подобно отношениям между Волундом и его служанками-лебедями в "Волундарквиде", отношения между Рогнером-Тьяссом и Идун в "Форспьялльсьюде" - это отношения не грабителя к своей невольной жертве, а взаимной гармонии. Это подтверждается стихотворением, которое я анализирую, когда расследование достигнет точки, требующей этого, и согласно которому Идун с детства была связана узами любви и клятвы с высокоодаренным, но несчастным сыном Ивальде, великим художником, который из-за своей непримиримой жажды мести стал Люцифером тевтонской мифологии, в то время как Локе - ее Мефисто. Я предполагаю, что средство омоложения, божественное средство против старения (*эллилиф асса—Хаустлаунг*), которое знает и которым владеет только Идун в Асгарде, было продуктом искусства Тьяссе-Волунда. В средние века также помнили Волунда (Виланда) как врача, и эта черта, по-видимому, восходит к древнейшим временам, поскольку в Ригведе также двойники сыновей Ивалде, то есть Рибху, по просьбе богов изобретают средства омоложения. Можно предположить, что мифология ясно описывала его внешнюю личность. От своей матери он, должно быть, унаследовал свою гигантскую силу, которая, согласно Гротте-песне, превосходила силу Хрунгнера и отца последнего (*Хард вар Хрунгнир ок ханс фадир, то вар Тьязи тейм ауфлгари—* str. 9). С его силой, несомненно, была связана красота. В противном случае автор "Волундарквиды" вряд ли сказал бы, что его служанка-лебедь обвила руками "белую" шею Анунда (Волунда). То, что его глаза были задуманы как сверкающие, можно заключить из того факта, что они выделяют его на звездном куполе как звездного героя, и что в "королеве" Волундарквиды Нидхада говорится об угрожающем блеске во взгляде закованного художника (*amon ero augu ormi theim enom frána—* str. 17).

Сыновья Ивальде — Тьясс-Волунд, Аурнир-Эгиль и Иде-Слагфин - как мы уже видели, бастарды эльфа и великанши (Грейп, Гамбара). С другой стороны, у дочерей Ивальде (см. № 113) матерью является сан-дис, дочь повелителя атмосферы Ноквера. В других источниках подтверждается утверждение в *Forspjallsljod* (6), что у Ивальде было две группы детей, и что та, кого "среди рас эльфов звали Идун", принадлежала к одной из них. Таким образом, в то время как Идун и ее сестры являются сводными сестрами сыновей Ивальде, они, в свою очередь, являются сводными братьями чистых великанов, сыновей Грейпа, и эти великаны, согласно Гротте-песне (стр. 9), являются отцами Феньи и Меньи. Отношение сыновей Ивальда к богам, с одной стороны, и к великанам - с другой, можно проиллюстрировать следующей схемой:

115.

ПРОВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЛУНДА И ТЬЯССЕ.

Обстоятельства, которые впервые привлекли мое внимание к необходимости исследовать, не были ли Тьясс и Волунд разными именами одной и той же мифической личности, которую в мифологии в частности называли Тьяссом, а в героической саге, возникшей в мифологии христианских времен, в частности, называли Волунд, были следующими: (1) В исследовании Саксона я обнаружил не менее чем в трех отрывках, что Ньерд под разными историческими масками женится на дочери Волунда, в то время как в мифологии он женится на дочери Тьяссе. (2) Исследуя утверждения отца анента Волунда в приложении к тексту и прозе Волундарквиды, я обнаружил, что они привели к выводу, что Волунд был сыном Сумбла, короля финнов, то есть Ольвальде, отца Тьяссе. (3) Мои исследования в отношении мифа о медовухе привели к тому, что Свигдер-Ольвальде погиб из-за предательства гнома за пределами горы, где обитала одна из мифологических рас кузнецов, сыновей Суттунга. В рассказе Вилкинасаги о смерти отца Волунда я обнаружил основные черты того же мифического эпизода.

Соответствие столь разных источников в столь неожиданном вопросе было слишком примечательным, чтобы позволить себе упустить его из виду в моих мифологических исследованиях. Тот факт, что сама вариация имени, Альвальде (от Ольвальде), как называют отца Тьяссе в Харбардсльоде, по смыслу и форме была полным синонимом Ивальде, я уже отмечал, но не придавал этому никакого значения.

Следующим шагом было изучение вопроса о том, можно ли найти аналогичные доказательства личности матери Тьяссе и Волунда. В одном скандинавском мифологическом источнике мать Тьяссе зовут Грейп. Мать Волунда и Эгиля (Айо и Ибора, Агго и Эббо) находится в Паулюсе Диаконусе и в Ориго Лонгобардоруме под названием Гамбара, в Саксо Гамбаруке. Скандинавская основа латинизированного имени Гамбара - *Gammr*, что является синонимом Грейп, имени матери Тьяссе. Таким образом, я нашел упоминание о личности матери Тьясса и матери Волунда.

От родителей я перешел к братьям. Один из братьев Волунда носил эпитет Аурнир, "дикий кабан". Жена Аурнира упоминается в христианских традициях как та, кто предсказывает будущее. Жена Эбура - мифологическая провидица. Один из братьев Тьяссе, Иде, единственный в мифологии, чье имя указывает на изначальную связь с Ивальде (Idvalde), отцом Волунда, и с Идун, сводной сестрой Волунда. Сам Волунд носит эпитет Брунн, а дом Тьяссе - Бруннсакр. Один из сыновей Тьяссе убит по наущению Локе, и Локе, который в Локасенне с удовольствием заявляет об этом, хвастается в том же стихотворении, что он стал причиной убийства Тьяссе.

Что касается родственных уз в целом, я обнаружил, что, с одной стороны, Волунд, как и Тьясс, считался великаном и имел связи среди великанов, среди которых Видольф упоминается и как родственник Волунда и Тьяссе, и что, с другой стороны, Волунда называют эльфийским

принцем, и что отец Тьяссе принадлежал к клану эльфов, и что дочь Тьяссе характеризуется, как Волунд и его ближайшие родственники, как лыжница и охотница, и в этом отношении имеет тот же эпитет, что и отец Тьяссе. Племянник Волунда Улл. Более того, я обнаружил, что, насколько традиция сохранила память о звездных героях, каждый мифический персонаж, принадлежавший к их числу, назывался сыном Ивальде или сыном Ольвальде. Орвандель-Эгиль - звездный герой и сын Ивальда. Ватлинги, в честь которых назван Млечный Путь, являются потомками Вейт-Вейда, отца Волунда. Тьясс - звездный герой и сын Ольвальда. Иде, брат Тьяссе, "факелоносец", также, возможно, был звездным героем, и, как мы покажем позже, память о брате Волунда Слагфине была частично связана с Млечным Путем и частично с пятнами на Луне; в то время как, согласно другой традиции, на этих пятнах изображен отец Волунда (см. № № 121, 123).

Я обнаружил, что Рогнер - это эпитет Тьяссе, и что все, что говорится о Рогнере, также говорится о Волунде. Рогнер, как и последний, был сначала другом богов, а затем их врагом. Он был "радующим лебедей", а Волунд - любовником девушки-лебедя. Как и Волунд, он сражался против Ньерда. Подобно Волунду, он отправился на самый северный край мира и там работал с магическими орудиями, используя силу мороза для уничтожения богов и всего мира. И от кого-то он взял такой же выкуп, какой получил Волунд, когда последний убил юных сыновей Нидхада и сделал кубки из их черепов.

Я обнаружил, что, хотя сыновья Ольвальда, Иде, Орнер (Банда) и Тьясс, все еще были друзьями богов, у них была обитель на южном побережье Эливагара, где у Ивальда был свой дом, названный в его честь *Гейрвадилс сетр*, и где впоследствии жил его сын Орвандель-Эгиль; что Тор по пути в Етунхейм посещает *сетра* Иде, и что он гость в жилище Эгиля; что мифологические воины, обитающие вокруг *Сетры* Иде называются "фургонами-воинами", и что эти "фургоны-воины Банды" возглавляют именно эти люди, Эгиль и его приемный сын Тьяльф, когда они сопровождают Тора в битве с великанами, поэтому *сетры* сыновей Ольвальда Иде и Ганга должны быть идентичны сетрам сыновей Ивальда, а Иде, Ганга и Тьясс - Слагфину, Эгиллю и Волунду.

На этих основаниях идентичность сыновей Ольвальда с сыновьями Ивальда в достаточной степени подтверждается, хотя в наших мифологических записях не сохранилось свидетельств того, что Тьясс, как и Волунд, был самым знаменитым художником мифологии. Но в таких доказательствах нет недостатка. Поскольку истинное значение *Regin* - "формовщик", "рабочий", и поскольку это имя сохранилось как имя кузнеца во времена христианства, есть все основания предположить, что Тьяссе, которого зовут *фьядрар-бладс лейк-Регин* и *вингванья Регнир*, сам изготовил, подобно Волунду, обличье орла, которое он, как и Волунд, носит. Сын Ивальда, Волунд, изготовил самые драгоценные сокровища для богов, еще будучи их другом, а сына Ольвальда Тьясса называют *халта снитрир*, "украшатель богов", несомненно, по той причине, что он ковал сокровища для богов в то время, когда он был их другом и *офруни* Тора (близкий друг Тора). Волунд - самый известный и, насколько мы можем видеть, также первый кузнец меча, что, по-видимому, вытекает из того факта, что его отец Ивальд, хотя и доблестный чемпион, использует в качестве оружия не меч, а копье, и поэтому его зовут *Гейрвандилл*. Тьясс был первым кузнецом меча, иначе его не звали бы *фадир мерна*, "отец мечей". Великолепные орудия называются *верк Регнис* и *Тьяза тингскил*, *Иджа глисмал*, *Иджа орд* — выражения, которые находят адекватное объяснение не в рассказе Младшей Эдды о разделе имущества Ольвальда, а в мифе о суде, который боги однажды провозгласили в состязании мастерства

Синдре и сыновей Ивальде, когда сокровища последних, представленные в суде, должны были отстаивать свое собственное дело.

116.

ВЗГЛЯНЕМ НА МИФ О ТЬЯССЕ-ВОЛУНДЕ. ЕГО ЭПИТЕТ ХЛЕБАРДР. ЕГО ХУДШИЙ АКТ МЕСТИ.

То, что наши мифические записи рассказывают нам о сыновьях Ольвальда и сыновьях Ивальда, при таких обстоятельствах следует рассматривать как фрагменты, дошедшие до нас из одного и того же первоначального мифа. При объединении фрагменты сливаются воедино и образуют одно целое. Волундаркvida (28) указывает на то, что нечто ужасное, нечто, что в высшей степени возбудило его негодование и пробудило его глубокую сатанинскую жажду мести, произошло с Волундом до того, как он в сопровождении своих братьев отправился в зимнюю пустыню, где выковал меч мести и кольца гандов; и стихотворение заставляет Волунда добавить, что за эту несправедливость еще предстояло отомстить, когда он покинул Волчьих долины. Суть дела заключается в том, что сага о Волунде не закончилась там, где прерывается фрагмент Волундарквиды, которым мы располагаем. Остаток саги, должно быть, рассказывал о том, что сделал Волунд, чтобы осуществить месть, которую ему все еще предстояло совершить, и к чему привели усилия отомстить. В продолжении, вероятно, также было что сказать об этой деве-лебедь, этом дис растительности, которая по имени Хервор Алвитр проводит девять лет с Волундом в Волчьих Долинах, а затем, охваченная тоской, уходит с другими девами-лебедями, но в чьей верной любви Волунд совершенно убежден (Volundarkvida, 10). В то время как Волунд является пленником Нидхада, надежды, которые он возлагал на выкованный им меч мести и победы, похоже, рушатся. Меч находится во власти Мимер-Нидхада, друга богов. Но надежда на план мести, должно быть, пробудилась снова, когда Свипдагу, племяннику Волунда, удалось подняться из нижнего мира с оружием в руках. Конфликт между силами мороза и родственниками Ивальда, которые покинули богов, с одной стороны, и богами и их любимцем Хальфданом, патриархом тевтонского ордена, с другой стороны, разгорелся заново (см. № 33). Хальфдан был отброшен и, наконец, пал в войне, в которой Волунд получил удовлетворение от того факта, что его меч победил Мьельнера Тора и заставил Тора отступить. Но снова надежда, основанная на мече мести, рушится, на этот раз самим обладателем меча, молодым родственником Волунда, который — победитель в войне, но побежденный любовью, которую он лелеял к Фрейе, спасенной им самим, — становится мужем прекрасной асинье и отдает меч Волунда Фрею, богу урожая. То, что, несмотря на это, Волунд не отказался от своего плана мести, можно считать само собой разумеющимся. Его описывают не только как самого мстительного, но и как самого настойчивого и терпеливого человека (см. "Жалобу ошпаренного деятеля"), когда терпение могло способствовать осуществлению его планов. Вести войну с богами с помощью великанов, когда меч победы попал в руки последних, не могло дать ему ни малейшей надежды на успех. После того, как мифология удовлетворила Волунда за презренный приговор, вынесенный продуктам его мастерства, она объединяет цепь событий таким образом, что то же самое оружие, которое опровергло приговор и должно было привести к гибели богов, стало их палладиумом против своего собственного создателя. Что смог сделать Волунд после этого и что он сделал? Ответ на этот вопрос дан в мифе о Тьяссе. С Идуном — Пылким Алвитом из героической поэмы — он заперся в горе, залы которой, по-видимому, украсил всеми чудесами, которые средневековые саги, описывающие великолепные горные залы и парки в горах, унаследовали от мифологии. Гора, должно быть, располагалась в районе, труднодоступном для богов — согласно Брагарадуру из Йотунхейма. Во всяком случае, Тьясс

там в безопасности от любых попыток насильно потревожить его в его уединении. Средства против разграбления времени, которыми обладает Идун, обладают своей действенностью только тогда, когда она находится на ее попечении. Без этого средства даже боги Асгарда подвержены влиянию времени, им суждено состариться и умереть. И в смысле мифа, символизирующего природу, те же средства, должно быть, сыграли свою роль в омоложении творения за счет соков, которые каждый год растут на деревьях и травах. Разрушение мира— приближение которого Волунд хотел ускорить своим мечом мести, должно произойти медленно, но верно, если Идун останется вдали от Асгарда. Этот план расстраивается богами через Локе, как инструмент, вынужденный необходимостью — вынужденный необходимостью (Haustlaug, стр. 11), хотя он наслаждался коварством обмана даже своих союзников. Рядом с горными залами Тьяссе есть водоем, по которому он время от времени плывет ловить рыбу (Брагарадур). Однажды, когда он плыл на лодке с этой целью, возможно, в сопровождении Скади, Идун была дома одна. Локи, который, кажется, изучил его обычаи, влетает в гору в позаимствованном обличье пера и крадет Идун, которая, превратившись в орех, переносится в его когтях через космос в Асгард. Но Локе было недостаточно ограбления Идун. Он соблазнил Тьясса преследовать его. В своем необдуманном рвении последний надевает свой орлиный облик и спешит вслед за грабителем в огненное пламя Асгарда, где он падает от дротиков богов и молота Тора. Работа Синдре, превзойденная Волундом, приводит к его смерти, и он отомщен. Я уже указывал, что это событие объясняет слова Локи, обращенные к Идун в Локасенне, где он говорит об убийстве одного из сыновей Ивальде и настаивает на том, что она, Идун, обняла того, кто стал причиной его смерти.

Судьба великого художника и его трагическая смерть помогают пролить свет на характер Локи и на ту роль, которую он сыграл в мифологии. Сыновья Ивальда с самого начала были ревностными друзьями богов, оформителями и защитниками их творения. Они куют украшения, которые являются символами растительности; и на своем форпосте у Эливагара они защищают владения растительности от ледяных сил Йотунхейма. Как я уже говорил, они, подобно Рибху, одновременно являются героями, поборниками роста и художниками древности. Мифология также явно наделила сыновей Ивальде приятными качествами — глубоким знанием тайн природы, умом, силой, красотой и верностью своим возлюбленным. Мы видим, что во времена невзгод братья были крепко сплочены и что их служанки-лебеди любят их в радости и в горе. Поэтому для сил зла было величайшим моментом вызвать раздор между богами и этими их "людьми, поклявшимися в верности". Локе, который является *гедрейниром* (Торсдрапа), "исследователем качеств души", "искусителем характера", обнаружил в великом художнике древности ложные, но доселе не пробужденные качества его характера — его честолюбие и непримиримую жажду мести. Эти качества, особенно последнее, внезапно проявились в полной мере после несправедливости, которую по наущению Локи боги сотворили с сыновьями Ивальде. Жажда мести прорывается в Тьяссе-Волунде в результате отвратительного проступка. Есть основания предполагать, что ужасная месть, которую, согласно героической саге, он предпринял против Нидхада и которая имела аналог в самой мифологии, была не самым страшным преступлением, в котором его обвинял эпос тевтонской мифологии. Харбардсльод (20) намекает на другой, еще худший вариант. Говоря о Тьяссе (ул. 19), *Хабардр-Локе* [12] там есть это—

хардан йотун
ек хугда Хлебард вера,

гаф хан мер гамбантейн,
эн ек велта ханн или вिति.

Харбард-Локе здесь говорит о великане, который, по его мнению, был доблестным, но чьи "чувства он украл", то есть кого он "коварно лишил мысли и размышлений". Есть два обстоятельства, к которым могут быть применимы эти слова. В одной из них речь идет о великане-строителе, который построил стену Асгарда и, разгневанный трюком, с помощью которого Локе обманом лишил его оговоренной компенсации, бросился против богов и был убит Тором. Другое касается Тьяссе, который, видя, что его возлюбленная увлечена Локе и его план вот-вот сорвется, опрометчиво бросился навстречу своей неминуемой гибели. Настоящее имя упомянутого гиганта не приводится, но на него указывает эпитет *Хлеббардр*, который, согласно Младшей Эдде (ii. 484), является синонимом *Варгра* и *Гильдира*. Выше уже было показано, что *Варгр* в Торсдрапе и *Фьялльгюльдир* в Хаустлаунге являются эпитетами Тьяссе. Лоук говорит, что тот же самый гигант, чей разум он хитро лишил, ранее дал ему *gambanteinn*. Это слово означает оружие, сделанное Волундом. Его меч мести и победы называется *gambanteinn* в Скирнерсмале. Но *гамбантейн* в то же время является синонимом *мистельтейнна*, следовательно, в исландской саге христианского времени победный меч Волунда также появляется под именем *мистельтейнна* (см. № 60). Таким образом, великан Глеббард дал Локе оружие, которое, согласно его обозначению, является либо победным мечом Волунда, либо омелой. Это не может быть меч победы. Мы знаем, в руки, в которые попал этот меч, и в которые еще попадет: в руки Волунда, Мимер-Нидхада, ночного диса Синмары, Свипдага, Фрея, Аурбоды и Эггтера, и, наконец, Фьялара и Сурта. Оружием, которое тезка Тьясса Глеббард дает Локе, соответственно, должна была быть омела. В этой связи мы должны иметь в виду то, что сказано об омеле. К сожалению, несколько слов Велуспы - единственное полностью достоверное свидетельство, которое у нас есть по этому вопросу; но некоторые черты рассказа Гильфагининга (Младшая Эдда, i, 172-174) могут быть мифологически верными. "Стройная и прекрасная" — неопасная и приятная на вид — росла, по словам Велуспы, омела "выше полей" (как паразит на деревьях); но из кустарника, который казался невинным, превратилась в "опасную стрелу боли", которую метнул Хедр. Согласно поэтическому фрагменту, объединенному с Вегтамсквидой ("Драумар Бальдра"), и согласно Гильфагинингу, боги ранее потребовали клятвы от всех вещей не причинять вреда Бальдру; но, согласно Гильфагинингу, они не стали требовать клятвы от одной вещи, а именно от омелы. Хитростью Локи выяснил это. Он пошел и сорвал омелу, которую впоследствии смог вложить в руку Ходера, в то время как, согласно Гильфагинингу, боги забавлялись, наблюдая, как каждое оружие, направленное на Бальдра, попадает в него, не причиняя вреда. Но то, что Локе передал Ходеру этот куст в том виде, в каком он вырос на дереве, и что Ходер использовал его в таком виде, чтобы застрелить Бальдера, так же невероятно, как и то, что Ходер был слеп. [13] Мы должны понимать слова Велуспы так, что куст превратился в стрелу, и мы должны понимать, что эта стрела выглядела как любая другая стрела и по этой причине не вызвала подозрений. В противном случае сразу же возникло бы подозрение, ибо те, кто требовал клятвы вещей, и Фригг, которая посылала гонцов требовать клятв, знали, что омела была единственной вещью во всем мире, которой не давали клятвы. В языческих песнях нигде не обнаруживается такой непоследовательности и такой бездумности, какими изобилуют рассказы Младшей Эдды. Первые всегда хорошо продуманы, порой пронизательны, но они всегда демонстрируют острое чувство всего, что может придать даже чудесному видимость реальности и логики. Омела была превращена в стрелу кем-то, кто знал, как безошибочно превратить ее в "опасную стрелу боли". Неудачный

выстрел зависел от магических свойств, которые были приданы омеле руками, превратившими ее в стрелу. Событие становится понятным, и утверждения, найденные в различных источниках, согласуются друг с другом и выдерживают проверку здоровой критикой, если Локи, воспользовавшись единственной вещью, которая не была связана клятвой не причинять вреда Бальдру, пойдет с этим кустарником, который сам по себе был невинен и вряд ли годился для стрелы, к художнику, который ненавидел богов, к художнику, который выковал меч мести, и если последний, с его магическим мастерством кузнеца, сделает из *мистельтейна* новый *гамбантейн* опасный. посвящается богам и отдает оружие Локе, чтобы он мог с его помощью осуществить свой злой замысел. Поскольку Хлебард является тьяссе-синонимом, поскольку этот тьяссе-синоним связан с названием оружия *gambanteinn*, что указывает на работу Тьяссе, и поскольку Локе обошелся с Тьяссе так, как, по его словам, обошелся с Хлебардом - хитрым поступком он лишил его рассудка, — тогда все доступные факты подтверждают теорию о том, что под Хлебардом подразумевается знаменитый древний художник, обманутый Локе. И поскольку Глебард дал ему оружие, обозначенное именем меч мести, но которое не является мечом мести, в то время как последний, с другой стороны, и по соответствующим причинам, также получил название *мистелтейнн*, то все факты показывают, что оружием, которое Глебард дал Локе, была омела, таящая в себе беды и превращенная в стрелу. Если бы недостоверный отчет Гильфагининга, основанный на фрагментарных и частично неправильно понятых мифических записях, представленных в разрозненной манере, не был найден, и если бы нас отсылали исключительно к немногочисленным, но достоверным утверждениям, которые можно найти в отношении вопроса в поэтических песнях, то правильная картина этого эпизода, хотя и не настолько полная в отношении деталей, была бы результатом компиляции дошедших до нас утверждений. Результатом тогда было бы: (1) Бальдер был убит стрелой, выпущенной Ходером (Völuspa, Вегтамсквида); (2) настоящим убийцей был не Ходер, а Локе (Lokasenna, 28); (3) материалом, из которого была сделана стрела, была нежная (*mjór*) омела (Völuspa); (4) ранее все сущее поклялось не причинять вреда Бальдеру ("драумар Бальдера"), но омела должна, по той или иной причине посланники, отправленные для исполнения клятв, были упущены из виду, поскольку Бальдр был смертельно ранен этим; (5) поскольку именно Локи устроил (*ред*) так, чтобы это произошло, должно быть, именно он отвечал за омелу для осуществления своего злого умысла; (6) омела попала в руки кузнеца-великана, враждебного богам, и упоминается при обстоятельствах, которые относятся к Тьяссе (Харбардсльюд); (7) благодаря его мастерству кузнеца он наделил омелу такими свойствами, что превратил ее в "опасную стрелу боли", а затем отдал стрелу Локе (Харбардсльюд); (8) из рук Локе она перешла в руки Ходера, и последний выстрелил в нее (Локасенна, Вельюспа).

Опасно использовать природную символику как средство мифологического исследования. Он непригоден для этой цели до тех пор, пока на него не могут быть наложены правила строгой методики. С другой стороны, допустимо и оправданно рассматривать с естественной символической точки зрения результаты, полученные в ходе мифологического исследования методологической системой. Если, как уже указывалось, Хлебард идентичен Тьяссе-Волунду, то тот, кто был причиной фимбул-зимы и наслал на землю силы мороза, также приложил руку к смерти бога солнца Бальдра и к его спуску в нижний мир. В этом есть логика. И есть логика в самом факте, что оружие, которым убивают бога солнца, сделано из омелы, которая цветет и приносит плоды зимой, и это растение скорее избегает солнечного света, чем ищет его. Если мы вспомним, как народные предания объясняли внешний вид и качества различных животных и растений, связывая их с персонажами мифологии или легендарных преданий, то я полагаю,

вполне возможно, что народное воображение увидело в боязни оелы перед светом эффект горя и стыда из-за того, что она была орудием в злых руках для достижения злых целей. Различные факты указывают на то, что оела изначально была священным растением не только у кельтов, но и у тевтонов. Индуистские арии также знали священные растения-паразиты.

Слово *gamban*, которое является частью *gambanteinn*, означает "компенсация", "выкуп", когда используется как существительное, и в противном случае "возмездие". В англосаксонской поэзии встречается (см. Словарь Грейна) фраза *gamban gyldan*, "компенсировать", "платить взносы". В скандинавских источниках *гамбан* встречается только в составах *gambanteinn* (Скирнерсмаль, 33; Харбардсльод, 20), *gambanreidi* (Скирнерсмаль, 33) и *gambansumbl* (Локасенна, 8). В "Песне Скирнера" последний угрожает Герд, которая отказалась от предложения Фрея выйти замуж, что она будет поражена *гамбанрейди* года, карающим гневом богов. В Локасенне Локе без приглашения приходит на пир богов в зале Эгира, чтобы смешать горечь с их радостью, и требует либо места за пиршественным столом, либо выставления за дверь. Браге отвечает, что боги никогда не предоставят ему места на пиру, "поскольку они хорошо знают, для кого из существ они должны приготовить *gambansumbl*", пир мести или напиток возмездия. Это он явно упоминает как угрозу, имея в виду судьбу, которая вскоре после этого постигнет Локе, когда его схватят и свяжут, а ко рту у него прикрепят плюющуюся ядом змею. Для распространенного предположения, что *гамбан* означает нечто "грандиозное", "великолепный", "божественный", нет ни малейшей тени разума. *Gambanteinn* соответственно означает "ветка мести", и, таким образом, у нас есть мифологическая причина, по которой меч мести Тьяссе-Волунда и стрела из оелы были названы так. С ними он желает отомстить за оскорбление, о котором он упоминает в "Волундарквиде", 28: *Ну хефи эк хефнт харма минна алра нема эйнна ивитджарнра*.

117.

СТРАЖНИК В ХВЕРГЕЛЬМЕРЕ И ЭЛИВАГАРЕ.

Уже было показано (см. № № 59, 93), что Эливагар берет начало в подземном источнике Хвергельмер, расположенном на горе, которая отделяет подземную область блаженства (Хель) от Нифельхеля. Здесь, недалеко от истока Эливагара, стоит великая мировая мельница, которая вращает звездные небеса, вызывает приливы и отливы океана и регулирует его течения, а также перемалывает тела первобытных гигантов в слои плесени на каменистом субстрате (см. № № 79, 80). Из Хвергельмер, матери всех вод, северный корень мирового древа черпает соки, которые поднимаются к его самым верхним ветвям, испаряются в *Эйктирнире* над Асгардом и вытекают оттуда в виде облаков, наполненных вафрой (см. № 36), которые изливают на Мидгард плодоносящие дожди и через землю возвращаются к своему первоначальному источнику, источнику Хвергельмер. Гора Хвергельмер (горы Нида, *Нидафьелл*) не могла быть оставлена без заботы и защиты, поскольку она имеет такое огромное значение в экономике мира, и это еще не все, поскольку она в то же время образует границу между царством блаженства нижнего мира и Нифельхелем, подземным Йотунхеймом, чьи морозные потоки поддерживают такое же отношение к обитателям вечнозеленых полей блаженства, какое силы мороза в верхнем Йотунхейме поддерживают к богам Асгарда и за жителей Мидгарда. Нет никаких оснований предполагать, что гвардия храбрых воинов, присягнувших богам Асгарда, тех воинов, которых мы уже видели в боевом порядке возле Эливагара, должна охранять только часть этого

водоема. Клан эльфов, возглавляемый их вождями, тремя сыновьями Ивальде, несмотря на отсутствие прямых доказательств, должен рассматриваться как наблюдавший за Эливагарами на всем их протяжении, даже до их истока, и как имевший такую же важную обязанность по отношению к гигантам нижнего мира, как и по отношению к гигантам верхнего. Как следует из его названия, Нифельхайм окутан тьмой и туманом, от которых вершины горы Хвергельмер образуют естественный вал, защищающий улыбающиеся поля блаженства. Но штормовые ветры могут подняться выше этих вершин и окутать туманом даже королевства Мимер и Урд. Эльфы наделены властью препятствовать этому. Последняя строфа в "Торсдрапе", столь интересная с мифологической точки зрения, подтверждает эту точку зрения. Эгиля там называют *хнейтир ундир-фьяльф блику*, и говорят, что он *хелблотинн*. *Блика* - это название облаков, пока они все еще находятся у горизонта и выглядят как бледные испарения, которые для тех, кто разбирается в погоде, предвещают приближающийся шторм (сравните Изречение Вигфуссона, 69). *Ундир-фьяльфр*, по мнению Эгильсона, означает подземные горы, по Вигфуссону "бездна", *abyssus*. *Хнейтир ундир-фьяльф блику* - "тот, кто побеждает (или разрешает, рассеивает) тучи, поднимающиеся в предчувствии бури из бездны (или над горой нижнего мира)". Поскольку Эгиля можно охарактеризовать таким образом, легко объяснить, почему его называют "хелблотинн", "тот, кто принимает жертвы в подземном царстве блаженства". Он охраняет тевтонские елисейские поля от силы мороза и туманов Нифельхейма и поэтому получает знаки благодарности от их благочестивых жителей.

Призвание сыновей Ивальде как хранителей источника Хвергельмер и Эливагара имеет аналог в призвании, которое в иранской мифологии приписывается прототипу Тьяссе, звездному герою Тистрии (Тишье). Фонтан Хвергельмер, источник океана и всех вод, имеет в иранской мифологии своего двойника в огромном водоеме Вурукаша. Точно так же, как тевтонское мировое древо произрастает из своего северного корня в Хвергельмере, иранское мировое древо Гаокерена произрастает из Вурукаша (Bundehesh, 18). Вурукашу охраняет Тистрия, которому помогают два героя, принадлежащие к классу мифологических существ, которые называются Язатами (Изады; в ведической литературе Яджата), "те, кто заслуживает подношений", а в иранской мифологии они образуют третий ранг божественных существ и, таким образом, соответствуют эльфам из тевтонской мифологии. С помощью этих двух героев и "лихорадки праведников" Тистрия защищает Вурукашу и время от времени сражается с демоном Апаошей, который желает уничтожить мир (Бундехеш, 7). Тистрия, как таковая, предстает в трех обликах: как юноша с яркими и блестящими глазами, как дикий кабан и как лошадь. Может ли быть случайностью, что эти формы имеют свои аналоги в тевтонской мифологии в том факте, что один из братьев Тьяссе (Эгиль-Орвандель-Эбур) носит эпитет "дикий кабан", и что, как будет показано ниже, другой его брат (Слагфин) носит эпитет Хенгест, и что сам Тьяссе-Волунд, который в течение многих лет был обладателем и предположительно изобрел "средство против старения", за которое отвечает Идун, его возлюбленная, — что Тьяссе-Волунд его самого считали юношей с "белой шеей" (Волундарквиды, 2) и со сверкающими глазами (Волундарквиды, 17), которые после его смерти были помещены на небеса в виде звезд?

118.

СЛАГФИН. ЕГО ТОЖДЕСТВО С ГЬЮКЕ. СЛАГФИН, ЭГИЛ И ВОЛУНД - НИФЛУНГИ.

Теперь я перехожу к третьему сыну Ивальда, Слагфину. Имя Слагфин (*Slagfidr*) встречается только в "Волундарквиде" и во введении к нему в прозе. Все, что мы узнаем о нем, это то, что, как и Эгиль, он сопровождал своего брата Волунда в Волчьих долинах; что, как и они, он бежит на лыжах и является охотником; и что, когда девами-лебедями на девятом году их пребывания в Волчьих Долинах овладевает тоска и они возвращаются на юг, он отправляется на поиски своей возлюбленной, точно так же, как Эгиль отправляется на поиски своей. Более того, мы узнаем, что служанка-лебедь Слагфина - сестра Волунда и родственница Эгиля, и что она, соответственно, является сестрой (сводной сестрой) Слагфина. Ее зовут *Хладгудр Сванхвит*, также это имя больше нигде не встречается. Ее (и, соответственно, также мать лебединой девы Волунда) зовут Лебединое перо, *Сванфьедр* (возлюбленная Слагфина - *Сванфьядрар дрос*— str. 2). Имя Сван-перо напоминает нам о Сванхильд Золотое перо, упомянутой в Fornm., ii. 7, жене одного Финальфа. Если Сванфезер идентичен Сванхильд Голдфезер, тогда Финальф изначально должен быть идентичен Ивальде, который также является эльфом и носит имя *Финнаконунгр*, *Sumblus Phinnorum rex*. Но тогда это просто подтверждает то, что мы уже знаем, а именно, что сыновья Ивальде и две девы-лебеди - братья и сестры. Это, однако, не дает нам никакой зацепки, с помощью которой мы могли бы отследить Слагфина в других источниках, заново открыть его под другими именами и восстановить миф о нем, который, кажется, утерян. То, что он, однако, сыграл важную роль в мифологии, можно предположить уже из того факта, что его братья занимают столь центральное место в великом эпосе мифологии. Следовательно, весьма вероятно, что он упоминается в наших мифических фрагментах, хотя и скрыт под каким-то другим именем. Одно из этих имен, а именно Иде, мы уже встречали (см. № 114); и из него мы узнали, что у него вместе со своим братом Эгилем была цитадель близ Эливагара, и они охраняли их берега от силы мороза. Но о его судьбе в целом мы ничего не знаем. Однако не требуются обширные исследования, прежде чем мы обнаружим обстоятельства, которые, сравнивая друг с другом, дают нам результат, что Слагфин - это Гьюке, и, следовательно, открывается путь для более близкого ознакомления с его положением в героической саге, а до этого - в мифологии. Его идентичность с Гьюке очевидна из следующих обстоятельств:

Гьюкунги, прославленные в героической саге, согласно самой саге, являются первыми, кто носит это имя. Их отец - Гьюке, от которого происходит это отчество. Через своего отца они принадлежат к расе, которая называется хнифлунги, нифлунги, небелунги. Гьюкунги образуют ветвь расы нифлунгов, следовательно, все гьюкунги - нифлунги, но не все нифлунги - гьюкунги. Младшая Эдда правильно говорит, *Аф нифлунга этт вар Гьюки* (Младшая Эдда, i. 522), а Атлаквид (17) показывает, что гьюкунги составляют лишь часть нифлунгов. Идентичность гьюкунгов в этом относительном смысле с нифлунгами известна и указывается в Атламале (47, 52, 88), в Брот Сигурдарквиде (16), в Атлаквиде (11, 17, 27) и в "Драп нифлунга".

Кто такие нифлунги в самом широком смысле этого слова или каких известных героев эта раса имела в своем составе, помимо Гьюке и его сыновей — на этот вопрос сага о Хельге Хундингсбейне (i. 48) дает важную информацию, поскольку отрывок сообщает нам, что враждебная раса, с которой сражается Хельге Хундингсбейн, то есть Хальфдан Боргарсон (см. № 29), — это нифлунги. Первым среди нифлунгов в этом стихотворении упоминается Ходброд, чья невеста Хельге (Хальфдан Боргарсон) попадает в его власть. Уже было показано, что в этой героической поэме Ходброд является копией мифологического Орванделя-Эгиля (см. № 29, 32, 101). Отсюда следует, что Волунд, Орвандель-Эгиль и Слагфин - нифлунги, и что Гьюке либо идентичен одному из них, либо, во всяком случае, происходит от того же прародителя, что и они.

Великое сокровище изделий, выкованных из золота, и других драгоценных вещей, которыми владели гьёкунги, согласно героическим традициям, обозначаются в различных источниках таким же образом, как унаследованные. В Атлаквиде (11) сокровище Гьёкунг называется *арф Нифлунга*; то же самое и в Атлаквиде (27). В "Гудрунарквиде" (ii. 25) королева покойного Гьёке обещает ей и дочери Гьёке Гудрун, что она получит контроль над всеми сокровищами "после (at) своего покойного отца (*фьельд альц фьяр в тонком фаудуре даудане*)", и нам говорят, что эти сокровища вместе с залами, в которых они хранились, и драгоценными коврами являются наследством после (at) *Хлаудвера*, "падшего принца" (*хринга рауда Хлаудвеш сали, арсал аллан в "джофур фаллин"*). Из Волундарквиды мы узнаем, что девы-лебеди Волунда и Слагфина - дочери Хлаудвера и сестры их возлюбленных. Таким образом, Хлаудвер идентичен отцу Ивальде, Волунда, Эгиля и Слагфина (см. № 123). Великолепно украшенные залы Ивальде вместе с долей по крайней мере одного сына в его золотых сокровищах, таким образом, перешли по наследству к Гьёке, а от Гьёке к его сыновьям, Гьёкунгам. Хотя в первой песне о Хельге Хундингсбейне говорится, что Волунд, Эгиль и Слагфин были, как и Гьёке, нифлунгами, здесь мы узнаем, что Гьёке был наследником отца Волунда, Эгиля и Слагфина. И хотя Торсдрапа, по сравнению с другими источниками, уже сообщил нам, что Иде-Слагфин и Ганг-Эгиль населяли ту цитадель возле Эливагара, которая называется "шале Иде" и шале Гейрваделя (Geirvandel's), и хотя Гейрвандель, очевидно, является эпитетом Ивальде,^[14] и как цитадель Ивальде соответственно, переданная во владение Слагфину и Эгилю, мы здесь обнаруживаем, что цитадель Ивальде была унаследована Гьёке. Наконец, мы должны сравнить здесь Брагарадур (гл. 2), где сказано, что Ивальде (там его называли Ольвальде) пережили его сыновья, которые гармонично разделили его великие сокровища. Таким образом, Гьёке — один из сыновей Ивальде и унаследовал залы и сокровища после Ивальде; и поскольку он не может быть ни Волундом, ни Эгилем, судьбы которых мы уже знаем, он должен быть Слагфином - результат, подтверждаемый доказательствами, которые мы постепенно представим ниже.

119.

КЛАД НИФЛУНГОВ - ЭТО СОКРОВИЩЕ, ОСТАВЛЕННОЕ ВОЛУНДОМ И ЕГО БРАТЬЯМИ.

Когда Волунд и Эгиль, разгневанные на богов, оставили Фрея во власти великанов и отправились в Волчьи долины, они не смогли взять с собой свои огромные сокровища, унаследованные от отца и приумноженные самостоятельно. Они также не нуждались в них для своих целей. Волунд носил с собой золотой фонтан в своем нарукавном кольце, приносящем богатство (см. № № 87, 98, 101), из которого, должно быть, исходили семьсот колец, которые Нидхад, к своему удивлению, обнаружил в своей кузнице. Но богатства, оставленные этими братьями, не должны были попасть в руки богов, которые были их врагами. Следовательно, они были спрятаны. Саксон (*Hist.*, 193) говорит об отце Свипдага-Эрике, то есть Орвандель-Эгиле, что у него долгое время были великие сокровища, спрятанные в земляных пещерах (*gazæ, quas diu clausæ telluris antra confiderant*). То же самое можно сказать и о Гьёке-Слагфине, который отправился со своими братьями в Волчьи долины. Вилкинасага (см. Ниже) сохранил отчет о сокровище, которое хранилось внутри горы и которым он владел. То же самое в еще большей степени применимо к Волунду, поскольку он был самым известным кузнецом мифологии и героической саги. Популярная фантазия представляла эти сокровища, оставленные и спрятанные Волундом, как хранящиеся в земляных пещерах или в горных залах, охраняемые драконами. Или же он представлял их лежащими на дне моря или глубоких рек, охраняемыми каким-нибудь карликом, обитающим на скалистом острове неподалеку. Многие песни и саги

языческого мира и более ранних дней христианства были связаны с поиском и приобретением клада Ниблунгов тем или иным героем, таким как Вельсунг Зигмунд, потомок Боргаров Хаддинг-Дитерих и Зигфрид-Сигурд-Фафнерсбейн. Сокровище нифлунгов, *ходд Нифлунга* (Атлаквиды, 26), *Нибелунговский Хорт* - это в более ограниченном смысле эти сокровища Волундов, а в самом общем значении золотое богатство, оставленное тремя братьями. Это богатство, представленное в саге, в значительной степени снова оказалось в руках гьёкунгов после того, как Сигурд после победы над Фафнером объединил самое важное из скрытых сокровищ Волунда с сокровищами Гьёкунга и женился на сестре гьёкунга Гудрун. Немецкая традиция, сохранившаяся в поэмах средневековья, показывает, что континентальные германцы долго помнили, что *Нибелунгский хорт* первоначально принадлежал Волунду, Эгилю и Слагфин-Гьёке. В "*Льде фон Зигфриде*" сокровищем владеют три брата, которые являются "Ниблунгами". Назван только один из них, и его зовут король Эвглин, имя которое, с его вариацией Югель, явно является вариацией Эйгеля, как его называют в саге об Орентеле и в Вилкинасаге, и Эгиля, как его называют в скандинавских записях. Король Эвглин, согласно *Льду фон Зигфриду*, является толкователем звезд. *Siegfried bids him Lasz mich deyner kunst geniessen, Astronomey genannt*. Это своеобразное утверждение объясняется мифом, согласно которому Орвандель-Эгиль - звездный герой. Эгиль становится, подобно Атласу из античной мифологии, королем, сведущим в астрономии и исторической интерпретации мифологии. В *Нибелунге Северном* сокровищем владеют "доблестные" ниблунги, Шилбунк и Ниблунк. Шилбунк - это норвежский *Скилфингр*, и я уже показал выше, что Ивальде-Свигдер является прародителем Скилфингов. В стихотворении "Битерольф" известно, что сокровище изначально принадлежало *Нибелоту, дер мачет химеле гулдин; сельбер вольт эр получил сына*. Эти замечательные слова имеют единственное объяснение в мифах о нифлунге Волунде, который первым украсил Асгард золотыми произведениями искусства, а впоследствии пожелал уничтожить обитателей Асгарда, чтобы стать самым богом. В скандинавской героической саге говорится, что сокровища, над которыми размышлял Фафнер, ранее охранялись гномом Андваром, и что последний (Сигурдарквиды Фафн., ii. 3) относится к первому владельцу. Сага описывает сокровище, которое он охранял, как *ту чайку, эр Густр атти*. По самой природе дела первым создателем и обладателем этих работ должен был быть один из самых знаменитых художников мифологии; и поскольку *Gustr* означает "ветер", "дуновение ветра"; поскольку, опять же, Волунд в мифологии - единственный художник, который обозначается синонимом *Gustr*, то есть *Byrr*, "ветер" (Volundarkvda, 12), и *Loptr*, "воздушный" (Fjölsvinnsmal, 26); поскольку, кроме того, песня цикл о Сигурде Фафнерсбейне связан с детьми брата Гьёке Волунда и в ряде других аспектов уходит корнями в миф о сыновьях Ивальда; и поскольку, наконец, немецкая традиция показывает изначальную связь между *Нибелунгом Хортом* и сокровищами сыновей Ивальда, то каждый факт свидетельствует о том, что в *Густре* у нас есть эпитет Волунд, и что клад нифлунгов, как в скандинавской, так и в немецкой саге о Сигурде-Зигфриде, был частью легенды о нифлунгах. наследие и труды Волунда и его братьев. Вигфуссон предполагает, что первая часть составного Слагфина - это *слагр*, "тон", "мелодия", исполняемая на струнном инструменте. Правильность этого мнения подтверждается тем фактом, что сын Слагфин-Гьёке, Гуннар, является величайшим игроком на струнных инструментах в героической литературе. В логове змей он все еще играет на своей арфе, так что ползающие ядовитые твари очарованы ее звуками. Это его замечательное искусство объясняется тем фактом, что его отец - финн "струнного инструмента", то есть Слагфин. Конь Грейн, который везет Сигурда и сокровища, взятые у Фафнера, вероятно, когда-то нес самого Волунда, когда тот направлялся в Волчьи долины. Грейн, во всяком случае, имела место в мифе о Волунде. Путь, пройденный Волундом из его собственного золотого

царства в Волчьей Долины и частично проходивший через северные регионы нижнего мира (*fyr mágrindr nedan*—Fjölsvinnsmál, 26), в Волундарквиде (14) называется путем Грейн.

Наконец, здесь следует указать, что Сигурдрифа, к которому Сигурд переходит после того, как завладеет сокровищем Фафнера ("Гриперссага", 13-15), является мифическим персонажем, перенесенным в "Героическую сагу", который, как будет показано во второй части этой работы, занимал видное место в мифах о сыновьях Ивальде и их девах-лебедях. На самом деле она героическая копия Идун, и изначально она не имела ничего общего с дочерью Будле Брюнхильд. Цикл песен о Сигурде, таким образом, присоединяется как последнее кольцо в могущественном эпосе к мифу о сыновьях Ивальде. Песни о Сигурде возвышаются над судьбоносными сокровищами, которые были выкованы и оставлены падшим Люцифером из тевтонской мифологии, и которые, подобно его мечу мести и его стреле возмездия, наполнены проклятиями и грядущим горем. В героических поэмах сыновья Ивальде являются их владельцами. Сын сына Свипдаг владеет мечом мести. Сыновья сына, Гуннар и Хогне, как обладатели сокровища Ниблунгов, отправляются навстречу своей гибели. Миф об их отцах, сыновьях Ивальде, возвышается над враждой, вызванной Локе между богами, с одной стороны, и великими художниками, эльфийскими принцами, защитниками роста, олицетворенными силами жизни природы, с другой стороны. В связи с этим миф о самом Ивальде вращается в основном вокруг "медовухи", *сомы*, придающего силу напитка в природе. Он тоже, как и его сыновья впоследствии, вступает в конфликт с богами и восстает против них, пытается лишить их открытого им сока *сомы*, вступает в союз с сыновьями Суттунга, у которых вновь обнаруживается драгоценная жидкость, и его убивают за дверью, в то время как Один находится внутри и осуществляет план, благодаря которому мед становится доступным богам и людям (см. № 89). Таким образом, эта цепочка событий продолжается на протяжении трех поколений. И с ним переплетена противоположная ему цепь событий, которая развивается через поколения другой великой мифической расы героев: Хеймдала, сына Боргара, сына Боргара Хальфдана и сыновей Хальфдана Хаддинга и Гуторма (Дитериха и Эрменриха). Боргар сражается и вынужден уступить нападению Ивальда, а затем и его сыновей с Севера в союзе с силами мороза (см. № 22, 28). Хальфдан сражается с сыновьями Ивальда, отвоевывает для растительности тевтонскую страну вплоть до "кургана Сварина", но убит внуком Ивальда Свипдагом, вооруженным мечом Волунд (см. № № 32, 33, 102, 103). В конфликте между Свипдагом и Гутормом-Эрменрихом, с одной стороны, и Хаддингом - с другой, мы видим, что чемпионы разделены на два лагеря в соответствии с мифологическим происхождением их семей: амалийцы и Хильдинги на стороне Хаддинга, потомки Ивальда - на другой (см. № 42, 43). Соответственно, гюкунги, "короли на Рейне", в немецкой традиции находятся на стороне Эрменриха. Соответственно, Видга Волундсон, несмотря на свои дружеские узы с Хаддинг-Дитерихом, также сражается под знаменами Эрменриха. Соответственно, Вильдебур-Эгиль снова вызывается к жизни в героической саге и предстает там как защитник и помощник сына Волунда, своего собственного племянника. И соответственно, Вейт-Вальтер тоже (см. № 123), идентичный Ивальду, отцу Волунда, является воспроизведено в героической саге "Нести знамя Эрменриха в битвах" (ср. № 43).

120.

СИНОНИМЫ СЛАГФИНА-ГЬЮКЕ: ДАНКРАТ (ТАККРАДР), ИРУНГ, АЛДРИАН. СЛАГФИН - ЗВЕЗДНЫЙ ГЕРОЙ, КАК И ЕГО БРАТЯ. ТОЖДЕСТВО АЛДРИАНА С ЧЕЛДРИКОМ-ГЕЛДЕРУСОМ.

Слагфин-Гьюке имеет много названий в немецких традициях, как и в скандинавских. Наряду с именем Гибич, Гибче (Gjike), встречаются синонимы Данкрат, Ирунг и Алдриан. В последней части Нибелунга Северный Гибич называется Данкрат (ср. "Клаге"; Битерольф также носит имя Данкрат и говорит о нем таким образом, который показывает, что в некоторых источниках, использованных автором, Данкрат был синонимом Гибича). В "Вилкинасаге" Гьюке появляется то как Ирунг, то как Алдриан. Алдриан - (Вилкинасага, 150) король Нифлунгаланда, у него есть сыновья Хогне, Гуннар, Герноз и Гильзер. Ирунг (Вилкин., 15 лет) также является королем Нифлунгаланда, и у него есть сыновья Хогне, Гуннар, Гудзорм, Герноз и Гислер. Поскольку Гьюке также является нифлунгом и имеет сыновей Хогне, Гуннара и Гуторма, не может быть никаких сомнений в том, что Гьюке, Гибче, Данкрат, Ирунг и Алдриан являются синонимами, обозначающими одного и того же человека, а именно Слагфина Волундарквиды, Идэ из мифологии. Нибелунг Нот тоже говорит об Алдриане как об отце Хагена (Хогне). Жену Алдриана зовут Ода, Гибича - "фрау Уте", Данкрата - "фрау Уте".

Норвежская форма Данкрата (Танкреда) - *таккрад*, Тхаккрад. Это имя встречается в скандинавских записях всего один раз, и то в связи с Волундом и Нидхадом. В "Волундарквиде" (39) Тхаккрад упоминается как главный слуга Нидхада, который все еще остается у него на службе, когда Волунд, свершив свою месть, улетает в обличье орла из своей тюрьмы. То, что этот слуга носит имя, принадлежащее Слагфин-Гьюке, брату Волунда, не может быть случайностью. Мы должны сравнить рассказ в Вилкинасаге, согласно которому другой брат Волунда, Эгиль, находился на службе у Нидхада, когда Волунд улетел. Из этого следует, что героическая сага привела к тому, что не только Волунд, но и Слагфин и Эгиль попали в руки Нидхада. Как в самой "Волундарквиде", так и во введении к ней в прозе мы читаем, что, когда заболевшие дома девы-лебеди покинули Волчьих долины, Эгиль и Слагфин отправились туда сами: Эгиль отправился на восток искать свою деву-лебедь Олрун, Слагфин отправился на юг, чтобы найти свою Сванхвит ("Волундарквида", 4), и что Нидхад после этого узнал - в песне не говорится как, — что Волунд был один в Волчьих долинах ("Волундарквида", 6). Здесь напрашивается предположение, что Нидхад узнал об этом из того факта, что Слагфин и Эгиль, хотя и разошлись в разные стороны, попали в его власть, когда искали свою возлюбленную. Принадлежала ли эта особенность мифу или нет, определить невозможно. В любом случае примечательно, что в Волундарквиде мы вновь находим гьюкское имя Тхаккрад, так же как в Вилкинасаге мы находим брата Волунда Эгиля в окружении Нидхада.

Имя Ирунг, Иринг, как синоним Гьюке, имеет большее значение с мифологической точки зрения. Видукинд Корвейский (около 950 года) сообщает нам в главе 13 своей "Саксонской хроники", что "Млечный Путь и по сей день обозначается именем Иринг". Чуть ранее он упоминал саксонского воина с таким именем, который, по его мнению, был причиной этого названия (... *Iringi nomine, кем ита является вокалуст, lacteus cæli circulus sit vocatus*; а в "Хронике Аурсберга", согласно Дж. Гримму, ... *lacteus cæli circulus Iringis, номине Ирингестпаза сит вокатус*). Согласно англосаксонским глоссариям, Млечный Путь называется *Iringes uueg*. С этим мы должны сравнить сделанные выше утверждения о том, что Млечный Путь среди тевтонского населения Англии назывался путем уотлингов (то есть потомков Вейта, т.е. Ивальде). Оба утверждения согласуются. В одном речь идет о потомках Ивальде в целом, в другом - о Слагфиниринге, чье имя связано с Млечным Путем. Таким образом, Слагфин, подобно Волунду и Орвандель-Эгилю, был звездным героем. В "Клаге" говорится об Иринге и

двух других героях, в компании которых он появляется в двух других стихотворениях, что они совершили серьезные ошибки и были объявлены изгнанными, и что они, несмотря на усилия по примирению, оставались под наказанием до конца своих дней. Битерольф говорит, что они были изгнанниками и им угрожали их враги. Здесь мы имеем отражение мифа о конфликте между богами и сынами Ивальда, о безуспешных попытках Фрея примирить врагов и об их бегстве на крайний север земли. В немецких поэмах они обращаются в бегство к Аттиле.

Гьукский синоним Алдриан - это имя, образованное по аналогии с Альбрианом, который является разновидностью Эльбериха. По аналогии с этим, Олдриан должен быть вариацией Elderich, Helderich. В британской истории Гальфрида Монмутского есть герой саксонской саги Челдрик, который в союзе с саксонским вождем Балдульфом сражается с генералом короля Артуса Кадором и был им убит. Насколько формы имени Алдриан-Элдерих имеют какую-либо связь с латинизированным Челдриком, я думаю, лучше оставить неопределенным; но есть и другие причины, которые, независимо от реальной или кажущейся идентичности имени, указывают на то, что этот Челдрик - то же самое лицо, что и Алдриан-Гьук. Бугге уже указывал, что Балдриан соответствует Бальдру, Кадор - Хедру; что рассказ Гальфрида о войне между Бальдром и Ходером перекликается с рассказом Саксона о войне между Бальдром и Ходером, и что Челдрикус Гальфрида соответствует королю Саксона Гелдеру, Гелдру, который сражается с Ходером и вступает с ним в конфликт.

Что сразу бросается в глаза в рассказе Саксона о Гелдерусе (см. № 101), так это то, что он поднимает оружие против Хотера, когда узнает, что последний завладел мечом победы и приносящими богатство кольцами—сокровищами, которые были выкованы Волундом и в этом смысле принадлежали к сокровищнице Ниблунгов. То, что Саксон таким образом объяснил причину появления Гелдеруса, может быть объяснено только тем фактом, что Гелдерус был каким-то образом связан с сокровищем Ниблунга и считал себя более правомочным на это, чем Хотерус. Это право вряд ли могло быть основано на какой-либо другой причине, кроме того факта, что Гелдерус был нифлунгом, родственником создателя и владельца сокровищ. В "Вилкинасаге" хранитель и защитник клада Ниблунг, тот, у кого есть ключ от скальных покоев, где хранится клад, носит само имя Алдриан, следовательно, саму фамилию Слагфин-Гьюке, брата Волунда и Эгиля. Это само по себе указывает на то, что Гелдерус - слагфин-альдрианин.

121.

ЛИЧНОСТЬ СЛАГФИНА И ХЬЮ. ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ В МИФЕ О ЛУНЕ И В МИФЕ О БАЛЬДЕРЕ.
ЛИЧНОСТЬ БИЛЛА И ИДУН.

Исходя из роли Слагфин-Гелдеруса в войне между двумя божественными братьями Бальдром и Ходером, описанной как Саксом, так и Гальфридом, мы должны сделать вывод, что он является мифической личностью, получившей историческое название, и тем, кто сыграл важную роль в мифе о Бальдре как друг Бальдра, а также как друг Ходера, хотя и выступал с оружием против последнего. По словам Саксо, Ходер чтит прах своего убитого противника Гелдеруса таким образом, который указывает на прежние дружеские отношения между ними. Сначала он устраивает Гелдеру самые пышные похороны (*pulcherrimum funeris obsequium*), затем воздвигает для него великолепный могильный холм и украшает его знаками своего уважения (*veneratio*) к умершему.

Позиция Слагфин-Гелдеруса по отношению к двум соперничающим божественным братьям, его братство по оружию с Бальдром, уважение и преданность, которые он получает от своего противника Ходера, могут быть объяснены только тем фактом, что у него были очень близкие отношения с двумя братьями и с мифическими личностями, которые играют роль в мифе о Бальдере. Согласно Саксо, Ходер был воспитан *Геварром*, богом луны, отцом Нанны. Как молочный брат Нанны, он влюбляется в нее, которая становится женой его брата Болдера. Теперь мифология действительно упоминает человека, который был усыновлен богом луны и, соответственно, был молочным братом Ходера, но на самом деле не принадлежит к числу настоящих богов. Этот приемный сын унаследовал в древнескандинавских записях одно из имен, которыми бог луны обозначается в англосаксонских поэмах, то есть *Носе*, имя, идентичное скандинавскому *Hjúke*. Хнаф (*Хнафр*, *Нефр*, отец Нанны) также, как уже было показано, назван Хоце в поэме о Беовульфе (см. № № 90, 91). Из истории о Биле и Хью, относящейся к мифу о медовухе и сохранившейся в Младшей Эдде, мы знаем, что бог луны забрал этих детей к себе, когда они должны были отнести своему отцу *Видфиннерудрагоценную* ношу, которую они окунули из источника медовухи, Бергера (см. № № 90, 91).

То, что это усыновление было равносильно усыновлению этих детей богом луны, видно из положения, которое Биль впоследствии занял в кругу богов. Она становится асинье (Младшая Эдда, i. 118, 556) и раздает тевтонскую мифологическую *сому*, созидательный сок природы и вдохновения, ту же жидкость, которую она несла, когда ее забрал бог луны. Скальды земли молятся ей (*ef unna itr vildi Bil skáldi!*), а бог-скальд Асгарда, Браге, освежается с ней на серебряном корабле Геварра-Ноквера (см. Сонаторрек; ср. № № 90, 91). Один приходил к ней каждый день и угощался медом с лунного корабля, когда тот опускался к горизонту на западе. Корабль находится в Гримнерсмале и называется *Секквабеккр*, "заходящий или тонущий корабль", на котором Один и Сага "ежедневно пьют из золотых кубков", в то время как "прохладные волны с шелестящим звуком струятся над" местом, где они сидят. Прохладные волны, бушующие над Соквабеком, - это волны атмосферного моря, по которому плывет корабль Ноквера, и это волны океана, когда серебряный корабль погружается в море. Эпитет *Сага* используется в том же смысле, что и *Биль*, и, вероятно, он возник по той же причине, что и та, которая побудила скальдов называть ведро, которое несли Биль и Хью, *Сегр*. Бил, опять же, это всего лишь синоним Идун. В Хаустлаунге Идун называется *Быргис ар-Гефн*, "место сбора урожая"; Тьяссе называется *Биргис ар-Гефнар бьярга-Тир*, "дающий урожай дис Биргера, горный Тир". Таким образом, Идун назван частично в честь источника, из которого Биль и Хью достали медовуху, частично в честь ведра, в котором ее несли.

В том, что Хью, как и Биль-Идун, считался богом луны приемным ребенком, сомневаться не следует, тем более что мы уже видели, что в скандинавских источниках он носит имя своего приемного отца. Как приемный сын бога луны, он является молочным братом Ходера и Нанны. Следовательно, Хью, должно быть, занимал в мифологии положение, аналогичное тому, в котором мы находим Гелдеруса как брата по оружию мужа Нанны и как человека, с которым дружил даже его противник Ходер. Как брат дочери Ивальде, Бил-Идун, он тоже должен быть сыном Ивальде и, следовательно, одним из трех братьев, либо Слагфина, либо Орвандель-Эгиля, либо Волунда. Мифический контекст не позволяет отождествлять его с Волундом или Эгилем. Следовательно, он должен быть Слагфином. То, что Гелдерус является Слагфином, уже было показано.

Это также объясняет, почему в христианские времена, когда мифы рассказывались как история, считалось, что нифлунги-гьюкунги произошли от *Нефра*, *Нефура* (*Нефир эр Нифлунгер эру фра комнира*— Младшая Эдда, i. 520.) Это связано с тем фактом, что Слагфин, как и его братья, является нифлунгом (см. № 118) и приемным сыном бога луны, чье имя он носил.

Отца Билла и Хью зовут *Видфиннер*. Мы уже видели, что отца Слагфина и его братьев, Ивальде, зовут *Финн*, *Финнаконунгр* (Введение в Волундарквиду), и что он идентичен *Сумблу Финнаконунгру* и *Финнальфу*. Фактически, имя *Финн* никогда не встречается в мифических записях ни отдельно, ни в составных частях, ни в пересказах, за исключением тех случаев, когда оно ссылается на Ивальде или его сына Слагфина. Так, например, бирни, *Финнзлейф*, в Инглингсаге носит историзированный мифический персонаж, по имени которого Саксон назвал приемного сына Геварра, бога луны. Причина, по которой Ивальде получил название *Finnr*, будет указана ниже (см. № 123). И поскольку Ивальде (*Сумбл Финнаконунгр*— Ольвальде) играет важную роль в мифе о медовухе, и поскольку то же самое верно для Видфина, у которого отняли жидкость Бирджера, то есть все основания для вывода, что отец Видфина, Хью и Бил-Идун идентичен *Финнаконунгру*, отцу Слагфина и его сестры.

Следовательно, Гьюке и Хью - это имена, которые носит один и тот же человек — Слагфин, нифлунг, который является прародителем гьюкунгов. Они также выглядят как аналогичные образования из разных корней.

Это также объясняет название моста Асгард, *Билрест*, "Путь Билла". Млечный Путь - это путь Билдун, точно так же, как и ее брата Хью; ибо мы уже видели, что Млечный Путь называется путем Ирунга и что Ирунг - синоним Слагфин-Гьюке. Бил прошла сияющий путь, когда ее забрали в Асгард в качестве асинджи. Слагфин прошел его как молочный брат Балдера и Ходер. Если теперь мы добавим, что тем же путем прошел Свипдаг, когда искал и нашел Фрейю в Асгарде, и дочь Тьяссе-Вульунда, Скаде, когда она потребовала у богов выкуп за убийство своего отца, то мы находим здесь не менее четырех потомков Ивальде, которые путешествовали по Млечному Пути в Асгард; и поскольку отец Вульунда среди своих многочисленных имен также носил имя Вате, Вейд (см. Вилкинасага), то это объясняет, как Млечный Путь стал называться Уотлинг-стрит в древнеанглийской литературе.^[15]

В мифологии существовал круг из нескольких человек, которые были знаменитыми игроками на струнных инструментах. Это Бальдер, Ходер, Слагфин и Браге. В героических поэмах эта группа дополняется сыном Слагфина-Гьюке, Гуннар, и Хьярранди, хорундом немецкой поэмы "Гудрун", к которому я вернусь в моем трактате о героических сагах. Игру Бальдра помнит Гальфрид Монмутский. Имя Ходера упоминается у Саксона и, возможно, также в *Хадарлаге* "Эдды", особом размере или манере пения. Качества Слагфина как музыканта очевидны из его имени, и оно унаследовано его сыном Гуннар. Хьярранди-Хорунд появляется в эпосе о Гудрун рядом с Вейтом (Ивальде), и есть основания отождествлять его с самим Геварром. Все эти имена и личности связаны с мифом осоме, хранящейся на луне. В то время как первый глоток жидкости вдохновения и творческой силы вручается Одину Мимером, впоследствии мы находим запас жидкости, сохраненный богом луны; и те мифические личности, которые связаны с ним, - это те самые, которые появляются как великие арфисты. Бальдер - зять бога луны, Ходер и Слагфин - его приемные сыновья, Гуннар - сын Слагфина, Браге становится мужем Бил-Идун, а Хьярранди, без сомнения, сам бог луны, который поет так,

что птицы в лесах, звери на земле и рыбы в море слушают и очаровываются ("Гудрун", 1415-1418, 1523-1525, 1555-1558).

Как в "Саксе", так и в "Гальфриде" Ходер встречает Слагфина луком в своем конфликте с ним (Челдрикус в "Гальфриде"; Гелдерус в "Саксе"). Лук играет главную роль в отношениях между богами и сыновьями Ивальде. Ходер также встретился с Эгилем в конфликте с луком (см. № 112) и затем потерпел поражение, но благородство Эгиля запретило ему причинять вред молочному брату Слагфина. Ходер, как лучник, получает удовлетворение от поражения в Саксонии, когда своим любимым оружием побеждает брата Эгиля, Слагфина (Гелдеруса), который также является лучником. И, наконец, стрелой, предательски наложенной на лук Ходера, Волунд, охваченный демонической жадой мести и по наущению Лока, лишает жизни Бальдра, брата Ходера.

122.

ОБЗОР СИНОНИМОВ СЛОВА "СЫНОВЬЯ ИВАЛЬДА".

Имена, под которыми Слагфин встречается в наших записях, соответственно, *Иди, Гьюки, Данкрат (таккрад), Ирунг, Алдриан, Челдрикус, Гелдерус, Хью-Ки*. Нам еще предстоит упомянуть еще одного, Хенгеста (*Hengist*), к которому я вернусь ниже. Из этих имен Гелдерус (*Гелдр*), Челдрикус и Алдриан сами по себе образуют группу и, возможно, являются просто вариациями одного и того же слова. Значение имени Хенгест, "мерин", связано с той же группой, и в частности с вариацией *Geldr*. Наиболее важными эпитетами слагфинов, с мифологической точки зрения, являются *Ide, Gjuke, Hjuke* и *Irung*.

Имена Волунда (Виланда, Веланда) в различных записях, как мы видели, следующие: *тъязи, Аджо (Агго), Анунд (Онундр), Регнир, Брунни, Асольфр, Варгр, Фьялльгильдир, Хлебардр, Бирр, Густр, Лоптр, Хаквинус (Он же Экке)*. Из этих имен и эпитетов *Асольфр, Варгр, Фьялльгильдир* и *Хлебардр* сами по себе образуют группу и относятся к его животному-символу, волку. У других братьев тоже есть символы животных. Эгиль символизируется как дикий кабан и медведь под именами *Аурнир, Эбур, Изольф*. Слагфин символизируется как лошадь в Хенгесте, а также в перефразировании *ондр-Ялкр*, "мерин лыж". Как и его братья, он бегун на лыжах. Эпитет *Volund, Брунни*, также отсылает к лыжному спорту. *Регнир* и *Регин* - имена Волунда и его братьев в качестве художников. Имена *Аджо, Анунд* и *Тьяссе* (сверкающий), возможно, берут свое начало в древние арийские времена.

Третьего брата Эгиля зовут *Гангр, Эрвандилл, Эгилл, Агельмунд, Эйгель, Эвглин, Хедброддр, Токо* и *Аво*, лучник; *Эбур (Ибор, Дикий Эбур, Вильфер, Эббо), Аурнир Изольф*. Из этих имен *Эгилл, Агельмунд, Эгиль* и *Эвглин* образуют отдельную группу; *Эрвандилл, Хедброддр, Токо* и *Аво* стрелец образуют другую группу, относящуюся к его славе лучника; *Эбур, Аурнир* и *Изольф* третью, относящуюся к его животным символам.

123.

ИВАЛЬДЕ.

В ходе нашего исследования мы уже встречались с несколькими именами и эпитетами, под которыми Ивальд встречается в мифологии и героических поэмах, и указали на них.

Таковы *Гейрвандилл*, с вариацией *Гейрвадилл; Вади (Vate), Альвальди, Аудвальди, Ольвальди,*

Свигдир (Svegdir), Олмод, Сумбл Финнаконунгр (Sumblus Phinnorum rex), Финнаконунгр, Видфиннер, Финналфр, Фольквалдинг, Хлаудверр.

Из этих имен *Ивальди, Альвальди, Аудвальди* и *Эльвальди* сами по себе образуют группу, поскольку все они имеют *part, valdi, valdr*, "могучий", эпитет, сохранившийся из мифологии в тех героических сагах, в которых рассматриваются отдельные части мифа об Ивальде, где герой вновь появляется как Вальтер, Валтари, Вальдере, Валтариус Мануфортис.

Другую группу образуют *Оулвальди, Эльмодр, Свидир, Сумбл Финнаконунгр*. *Свигдир* означает, как уже было показано, "великий пьющий", а *Сумбл* - синоним "эля", "медовухи". Все имена в этой группе указывают на качества их носителя как личности, принадлежащей к мифу о медовухе.

Название *Sumbl Finnakonungr* одновременно связано с третьей группой названий — *Finnakonungr, Finn, Vidfinnr, Finnálfr, Fin* *Фольквальдинг*. С этой группой эпитеты *Вади* и *Вадилл* (в *Гейрвадилле*) имеют реальную мифологическую связь, на которую будет указано ниже.

Наконец, *Гейрвадилл* связан с эпитетом *Гейрвандилл* из-за того факта, что оба принадлежат Ивальду из-за его места в мифе об оружии.

Как было показано выше, *Гейрвандилл* означает "тот, кто занят копьем", или, точнее, "тот, кто проявляет большую осторожность и умение в обращении с копьем" (*отгейр*, копье, и *ванда*, проявлять осторожность к чему-либо, чтобы оно могло служить своему назначению). У Саксона Гервандиллус-Гейрвандель - отец Хорвендиллуса-Орванделя; герой-копейщик - отец лучника. Очевидно, что эпитеты сына и отца представляют собой параллельные образования, и что поскольку один обозначает выдающегося лучника в мифологии, другой должен относиться к выдающемуся воину-копейщику. Для наших знаний о тевтонском оружейном мифе немаловажно, что главными представителями копья, лука и меча среди героев являются дед, отец и сын. Свидгаг, внук Ивальда, сын Орвандель-Эгиля, выше всех остальных является чемпионом меча, "эльфом меча" (*свердалфр*— см. Olaf Trygv., 43, где тезка Свидгага-Эрика и предполагаемый потомок, Эрик, ярл Хаконсон, назван этим эпитетом). Тот, кто из нижнего мира достает лучший и самый страшный меч, который также, вероятно, считался первым в своем роде в ту эпоху, поскольку его дядю, изготовившего его, называли "отцом мечей" (см. № № 113, 114, 115). Отец Свидгага - самый превосходный лучник, память о котором до сих пор жива в истории о Вильгельме Телле. Дед, Ивальде, должно быть, был самым превосходным стрелком с копьем. Память об этом сохранилась не только в эпитетах *Гейрвандилл* и *Гейрвадилл*, но и в героической поэме "Валтариус Мануфортис", написанной Эккехардом до 950 года в Санкт-Галлене и в Вилькинасаге, которая сохранила некоторые черты мифа об Ивальде.

Облаченный в доспехи, выкованные Волундом (*Фабрика Вуэландии*), Валтариус предстает как великий мастер копья, презирующий все другие виды атакующего оружия -

Vuالتarius erat vir maximus undique telis
Suspectamque habuit cuncto sibi tempori pugnam (v. 366-7).

С копьем он встречает чемпиона по мечу-

Hic gladio fidens hic acer et arduus hasta (v. 822);

и он превратил использование копья в искусство, все секреты которого первоначально были известны ему одному, а затем также Хагано, который узнал их от первого (ст. 336, 367). Вилкинасага говорит о Вальтари как о превосходном мастере владения копьем. Уверенный в успехе, он ставит свою голову на кон в состязании с этим оружием.

Выше уже было показано (см. № 89), что *Свидир*-Ивальде в мифической саге о расе героев был первым правителем шведов, точно так же, как его сыновья, Волунд и Эгиль, стали правителями лонгобардов, а Слагфин - бургундов и, как будет показано ниже, также саксов. Даже в "Инглингасаге", составленной в двенадцатом веке, он остается под именем *Сведир* среди первых королей расы инглингов, а на самом деле как первый герой; ибо его предшественники, *Фьельнир*, *Фрейр* и *Один*, являются дочеловеческими богами (о *Фьельнир* см. Вельуспа). То, что *Свидир* стал расовым героем шведов, объясняется тем фактом, что Ивальд раньше своих сыновей, еще до того, как он стал врагом богов и "лжесвидетелем *хапта*", был защитником северного тевтонского мира от сил мороза, и что свионы были самой северной расой тевтонских владений. Цитадель эльфов на южном побережье Эливагара принадлежала *Гейрвадиллу-сетру* Ивальде, прежде чем она стала цитаделью его сыновей (см. № № 109, 113-115, 117, 118). Континентальные германцы, как и их сородичи на Скандинавском полуострове, знали, что к северу от шведов и на самом крайнем севере жил нетевтонский народ, который бегал на лыжах и практиковался в охоте — финны. И поскольку царство, которое в мифологии было подвластно расовому герою шведов, простиралось до Эливагара, где находился его *сетр*, даже финны, должно быть, были подвластны его скипетру. Это объясняет его фамилию, *Финнаконунгр*, *Финнер*, *Видфиннер*, Фин Фолквалдинг, а также тот факт, что его потомки образуют группу лыжников. О местонахождении *систра* недалеко от Эливагара, в том месте, где Тор обычно переходил вброд этот водоем (см. № 109, 114), у нас есть упоминание в эпитетах ивальде, *Вадилл Вади*. Они указывают на его род занятий - страж брода. Вилкинасага делает из него болотника того же вида, что и Тор, и заставляет его перенести своего сына Волунда через пролив, когда последний был еще мальчиком. Причины, которые у меня, возможно, еще будет возможность изложить, указывают на то, что матерью Ивальде была самая могущественная амазонка из тевтонской мифологии, память о которой сохранилась в рассказе Саксона о королеве Русиле, Русле (*Hist.*, 178, 365, 394-396), и в немецкой героической саге "Рютце". Эту королеву эльфов, живущую к югу от Эливагара, также помнит информатор Тактитуса. В *Германии* (45) мы читаем: *Svionibus Sitonum gentes continuantur. Cetera similes uno different quod femina dominatur.... Hic Suebiae fines*— "Свяоны ограничены Ситонами. Хотя они похожи друг на друга в других вещах, они отличаются в одном отношении, что Ситонами правит женщина. Здесь заканчиваются границы Свебии." Название Ситонес больше нигде не встречается, и было бы тщетно искать его в области реальности. За пределами области Свяонов в то время простиралась мифическая география. Ситоны, которыми управляла королева, принадлежали к тевтонской мифологии, как эллюзианцы и оксионянцы, упомянутые в других местах *Германии*. Не исключено, что название *Ситонес*, основа которого — сит, связано со скандинавским мифологическим названием главной цитадели в их стране - *сетр* (*сетр* *Гейрвадилла*, *сетр* *Иде*; ср. *сетр-вержендр* как обозначение в *Инглингасаге* [17] потомков *Свидира*-Ивальде). Слово *setr* происходит от *setja*, каузативной формы *sitja*, готического *ситанского*.

Теперь я перехожу к имени *Хлаудверрв* Волундарквиде. В этом стихотворении прямо не говорится, кем был отец Волунда, Эгиля и Слагфина, но оно делает это косвенно, упоминая имя отца дев-лебедей Волунда и Слагфина и утверждая, что эти дев-лебедей были сестрами

братьев. Дева-лебедь Волунда называется "*их святая система*" на str. 2. Среди множества неуместных "исправлений", внесенных в текст "Старшей Эдды", также является изменение "*теирра*" на "*теиррар*", сделанное по той причине, что ученик, забыв, что "Волундарквид" была поэмой, порожденной мифологией, считал невозможным, чтобы брат и сестра были мужем и женой, и по той причине, что во введении к "Волундарквиде" в прозе было отмечено, что отцом трех братьев был *Финнаконунгр*. *Хлаудверр* также встречается в немецком источнике "Битерольф" как король Лиутвар. Там он появляется в войне между Хаддинг-Дитерих и Гудхорм-Эрменрихом, и стихотворение делает его чемпионом на стороне, где все, кто в мифологии были врагами асов, обычно занимали свое место, то есть на стороне Эрменриха. Там он занял самое заметное место в качестве знаменосца Эрменриха и вместе с Сабеной возглавляет свои войска. Ту же позицию, что и знаменосец Эрменриха, в "Флукте Дитериха" занимает Вейт, то есть *Вади-Ивальде*, а в "Вилкинасаге" - Валтари, то есть, опять же, Ивальде. Лиутвар, Вейт и Валтари изначально являются одним и тем же лицом в этих немецких записях, точно так же, как Хлаудвер (соответствует Лиутвару), Вейд (соответствует Вейт) и Ивальде (соответствует Валтари) идентичны в заявлении скандинавского Волундаркvida о том, что девы-лебеди Волунда и Слагфина являются их сестрами (сводными сестрами, как мы увидим), и, как и они, дочерьми Ивальде, таким образом, оказывается правильным путем сравнения широко разделенных источников.

В то время как отца этих двух дев-лебедей в Волундарквиде зовут *Хлаудверр*, отца третьей девы-лебедя, возлюбленной Эгиля, в Валландии зовут король *Kiар*. Поскольку Эгиль сначала был женат на дис растительности, Гроа, отцом которой в героической саге является Сигтриг, а затем на Сиф, его дева-лебедь, должно быть, одна из этих двух. В Волундарквиде, где ни у одной из дев-лебедей нет общих мифологических имен, ее зовут Олрун, и говорят, что она не сестра, а родственница (*кунн*— str. 15) из обоих остальных. *Хлаудверр* (Ивальде) и *Kiарр*, следовательно, являются родственниками. Кем *был* Киарр в мифологии, я сейчас не могу рассмотреть. Оба этих короля мифологического происхождения вновь появляются в цикле песен о Сигурде. Выше (№ 118) уже было показано, что гьёкунги фигурируют в "Саге о Сигурде" как наследники и обладатели *залов* Хлаудверра и сокровищниц; добавляется, что "у них самый белый щит из *чертога* Киарра" (Гудрунаркvida, ii. 25; Атакvida, 7). Соответственно, здесь мы еще раз обнаруживаем уже указанную связь между личностями, появляющимися в Волундарквиде, и личностями из Гьёкунгсаги. Отцы дев-лебедей, любящие Волунда и его братьев, вновь появляются в песнях о Сигурде как герои, уже покинувшие место действия и владевшие огромными сокровищами, которые после их смерти перешли по наследству во владение гьёкунгов. Это также следует из того факта, что гьёкунги являются потомками Гьёке-Слагфина, и что Слагфин и его братья - нифлунги, наследники Хлаудвера-Ивальде, который был *гуллаудигром мьёком* (Младшая Эдда).

Как и его сыновья, Ивальд изначально находился в дружеских отношениях с высшими правящими богами; он был присягнувшим им человеком, и из своей цитадели близ Эливагара, *Гейрвадиллс сетр*, он защищал творение богов от сил мороза. Но, как и его сыновья, и до них, он впал во вражду с богами и стал "клятвопреступником *халтом*". Особенности мифа об Ивальде, которые сохранились в героических поэмах и проливают свет на отношения между ним и богом луны, частично изложены в рассказе Геваруса, отца Нанны, у Саксона, а частично в поэмах о Вальтере (Валтариусе, Валтари) и Фине Фольквальдинге. Из этих рассказов явствует,

что Ивальде похитил дочь бога луны; что между ними возникла вражда; что после поражения Ивальде отец Сунны и Нанны предложил ему мир, и что мир был подтвержден клятвой; что Ивальде нарушил клятву, напал на Гевар-Ноквера и сжег его; что во время военных действий между ними Слагфин-Гьюке, хотя и был сыном Ивальде, принял сторону не своего родного отца, а своего приемного; и что Ивальде пришлось заплатить за свои поступки разорением и смертью.

Что касается того, что Ивальд похитил дочь Гевара-Ноквера и женился на ней, то в латинских поэмах "Валтариус Мануфортис", "Нибелунги Нот", "Битерольф", "Вилкинасага" и "Богуфал" ("Хроника Полонии") говорится, что Вальтер бежал с принцессой по имени Хильдигунда. По словам Валтариуса Мануфортиса, во время полета на него напали гьюкунги. Главный из них (в поэме "Гунтари, сын Гьюке") получил в бою рану "прямо в тазовую кость". Утверждение о ране, которую Вальтер нанес главному из гьюкунгов, уходит своими корнями в мифологию, где главный гьюкунг, то есть сам Гьюке, фигурирует под фамилиями (Хенгест, Гелдр, ондр-Джалкр), намекающими на нанесенную рану. В англосаксонской героической поэме Фин Фольквалдинг женат на Хильдебурге, дочери Хнаф-Хоце, а в Хиндлульоде (ср. стр. 17 с str. 15) *Хильдигунн* является матерью жены Хальфдана Альмвейг и, следовательно, женой *Сумбла Финнаконунгра*, то есть Ивальде. *Hildigunnr's* Отца Хильдигунна в Хиндлулиоде зовут Секонунгр, синоним *Nökkver* ("капитан корабля", бог луны), а мать Хильдигун зовут *Свафа*, тем же именем, что и то, под которым представлена Нанна в стихотворении о Хельге Хьорвардсоне. Хильдебург, дочь Хнаф-Хоце, идентична Хильдигун, дочери *Секонунгра*. Сравните, кроме того, стр. 20 в "Хиндлулджод", в которой говорится о Нанне как дочери Ноквера и, таким образом, отсылает к стр. 17, где Хильдигун упоминается как дочь *Сэконунгра*. Фраза *Nanna vat næst thor Nauckva dottir* показывает, что *Неквер* и еще одна его старшая дочь были названы в одной из непосредственно предшествующих строф. Но в них не встречается ни одного мужского имени или эпитета, за исключением *Sækonungr*, "морского короля", который может относиться к *Nökkver*, "судовладельцу" или "капитану корабля", а "дочь" последней упоминается в стихотворении - *Хильдигунн*.

Что касается имен жены Ивальде, то в различных записях содержатся следующие утверждения:

Хлаудвер-Ивальде женат на Сванфезер (*Сванфьедр*, Волундарквида).

Финнальф-Ивальд женат на Сванхильд Золотое перо, дочери Сола (Форнал. сага).

Фин Фольквальдинг-Ивальде женат на Хильдебурге, дочери Хнаэф-Хоце (поэма о Беовульфе).

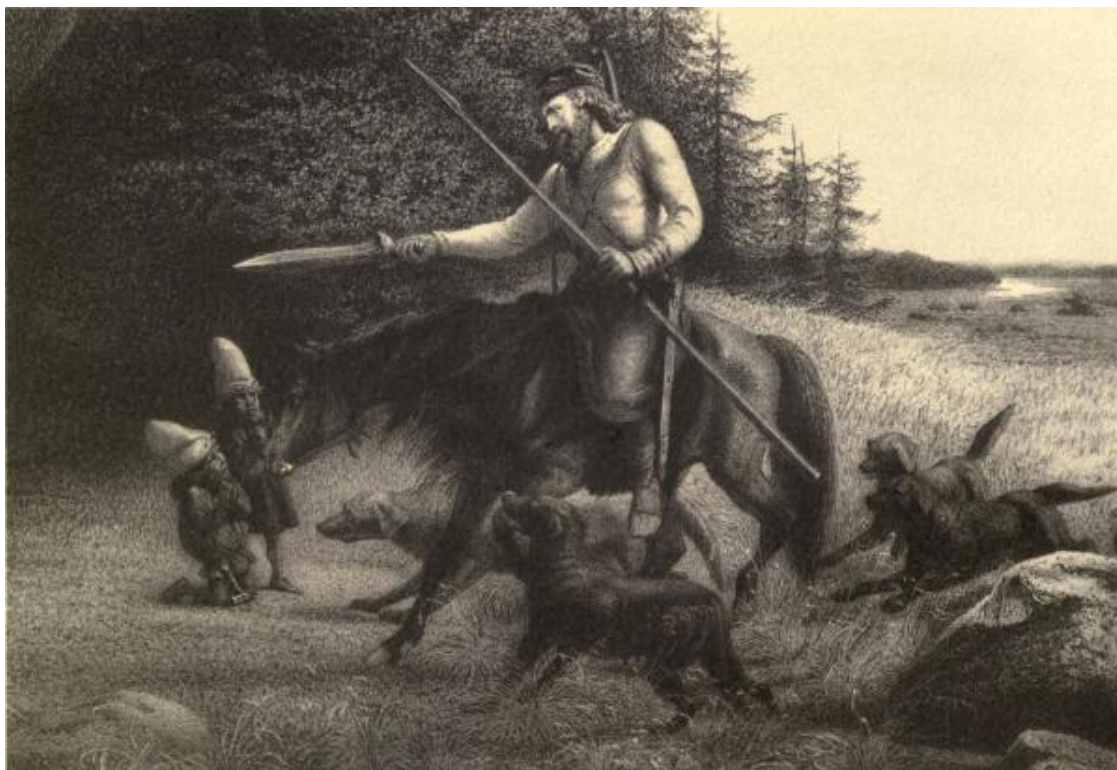
Вальтер-Ивальде женат на Хильдигунте (немецкие стихи).

Сумбл-Финнаконунгр женат на Хильдигун, дочери Секонунгра Ноквера, такой же, как *Хнафр*, *Хнефр*, отец Нанны (Хиндлулиод, по сравнению с Саксом и другими источниками).

Та, кого зовут Сванфезер, дочь солнца Сванхильд Золотое перо, Хильдебург, Хильдигунта и Хильдигун, соответственно, является сестрой лунной дис Нанны и дочерью правителя атмосферы и Луны. Она сама- солнце-дис. Что касается состава имени, мы должны сравнить Хильдигун, *Хилтигунт*, с фамилией Нанны *Сингтгунт*. Тевтонская, или, во всяком случае, скандинавская, мифология знала два божества солнца, мать и дочь. Гримнерсмаль (47) рассказывает нам, что у старшего, *Альффраудулла*, есть дочь, которая не в настоящее время, но в будущем будет управлять машиной солнца (*эйна доттур берр Альфраудулл ...*). Старшая - жена

бога луны. Младшая - Сунна, упомянутая в мерзебургской формуле (см. № 92), сестра Сингунт-Нанны. Как фамилия Сунна также встречается в скандинавской литературе (Альвиссмаль, 17; Младшая Эдда, i, 472 и другие).

В поэме "Беовульф" и в "Битве при Фернсбурге" мы находим Финна Фольквальдинга, мужа Хильдебурга, врагом своего тестя Хнафа, побежденного им и Хенгестом. После войны, закончившейся для него неудачно, он заключает мир со своими победителями, нарушает мир, ночью атакует цитадель и кремирует убитых и раненых на огромном погребальном костре. Хнаф среди павших, и Хильдебург плачет на его погребальном костре; Хенгест сбегает и впоследствии мстит за смерть Хнафа. Саксон подтверждает тот факт, что историзированная личность, которая в мифологии является богом луны, подверглась нападению и сожжению одним из своих "сатрапов", а затем была отомщена. Это он рассказывает о своем Геварусе, отце Нанны (*Hist.*, 131). Переписка по этому вопросу показывает, что этот эпизод уходит корнями в мифологию, хотя было бы тщетно пытаться выяснить символическое значение с точки зрения физической природы того факта, что бог луны подвергся нападению и был сожжен мужем его дочери, солнечной дис.

КОРОЛЬ

СВАФРЛЕЙМ ЗАКРЕПЛЯЕТ МЕЧ ТИРФИНГ.

(С картины Лоренца Фрелиха.)

В исландской "Саге о Херваре" рассказывается о мифическом мече под названием Тирфинг, который Один приказал гномам Дурину и Двалину выковать для его внука, короля Свафрлейма. Когда против их воли они были вынуждены передать меч королю, гномы наложили на него проклятие, заявив, что он никогда не должен быть извлечен из ножен, не причинив кому-либо смерти. Вскоре после этого Свафрлейм был убит Арнгримом, а меч перешел к Ангантайру, который, в свою очередь, был убит Яльмаром, и, чтобы ослабить проклятие, Тирфинг был

похоронен вместе с ним. Однако дочь Ангантюра, Эрвор, с помощью заклинания изгнала дух своего отца и завладела мечом, после чего у него сменилось много владельцев, но проклятие осталось, ибо оно, как и прежде, приносило смерть каждому, кто обнажал его.

Между тем из этих разрозненных мифических фрагментов, сохранившихся в героических поэмах, при сравнении с утверждениями, содержащимися в самой мифологии, мы получаем следующую связанную историю, такую как миф о медовухе:

Изначально медовуха, *сома*, принадлежала только Мимеру. Из неведомой глубины он поднимается в нижнем мире прямо под мировым деревом, средний корень которого орошается источником драгоценной жидкости. Только путем самопожертвования, после молитв и слез, Одину разрешается сделать глоток из этого источника. Напиток увеличивает его силу и мудрость и позволяет ему наводить порядок в мире, расположенном над нижними областями. Из своего среднего корня мировое дерево черпает жидкость из источника медовухи, которая благословляет эйнхериев Асгарда как напиток и благословляет народ Мидгарда как плодоносящая медвяная роса. И все же этот мед нельзя назвать чистым; его смешивают с жидкостями из фонтанов Урд и Хвергельмера. Но где-то в Йотунхеймах в фонтане Бирджер был обнаружен настоящий мед. Это открытие держалось в секрете. Хранителем тайны был Ивальд, присягнувший страж возле Эливагара. Ночью он послал своего сына Слагфина (впоследствии названного в честь своего приемного отца Хью) и свою дочь Биль (Идун) зачерпнуть жидкости из фонтана Биргер и принести ему. Но дети так и не вернулись. Бог луны забрал их и напитки Бирджера к себе, и таким образом боги Асгарда смогли отведать этот напиток. Ивальд, со своей стороны, без согласия бога луны обеспечил свою дочь солнце-дис, и, несомненно, она родила ему дочерей Идун, Альмвейг и других детей роста и омоложения после того, как он зачал Слагфина, Эгиля и Волунда от великанши Грейп. Соответственно, бог луны и Ивальде отняли друг у друга детей. То обстоятельство, что медовуха, дающая богам их созидательную силу и мудрость, была украдена у Ивальде — эта находка, которую он держал в секрете и хотел сохранить только для себя, — делает его непримиримым врагом бога луны, является причиной войны между ними и заставляет его нарушить данную ему клятву. Он нападает на Гевара ночью, убивает и сжигает его, а также забирает мед, хранящийся на лунном корабле. Отныне и навсегда он враг богов и вступает в союз со злейшими врагами их мира, силами мороза и огня. Глубоко внизу, в Аиде, долгое время обитал другой враг богов, Сурт-Дурин, глава клана сыновей Суттунга, отец Фьялара. В древнейшие времена он тоже был другом богов и сотрудничал с Мимиром при первом сотворении мира (см. № 89). Но теперь эти узы дружбы давно разорваны. Спускаясь в глубокие и темные долины, в которых обитает этот враждебный богам клан, Ивальд приносит в безопасное место свое медовое сокровище. Очевидно, он отдает его в качестве платы за дочь Фьялара Гунлад и в качестве залога своего союза с миром великанов. В день свадьбы Один предстает перед ним в своем обличье, входит в чертоги Сурта, женится на Гунлад, похищает жидкости Бирджера и в обличье орла улетает с ними в Асгард. В день свадьбы Ивальд выходит за пределы горной обители Сурта, но никогда не входит внутрь. Гном, хранитель чертогов, заманивает его в ловушку. Уже говорилось, что он, вероятно, был погребен под лавиной.

Миф о переносе медовухи на Луну и о ее судьбе там оставил различные следы в традициях тевтонского народа. На Севере в пятнах на Луне были видны Хью и Биль с их грузом меда. В южной Швеции, по словам Линга, в начале этого столетия все еще было известно, что ведро, которое несут фигуры на луне, было "чайником для заваривания", следовательно, содержащим или содержавшимся ранее заваренную жидкость. Согласно английским традициям, не двое детей Видфина, а пьяный преступник (*Древние песни* Ритсона; ср. Дж. Гримм, *Втор. Миф.*, 681), обитал в полнолуние, и широко распространенные предания обвиняют его в том, что он собирал хворост с целью совершения преступления или в неподходящее время (в субботу). Оба утверждения о том, что он пьян, и о том, что его преступление состоит в сборе хвороста, заставляют нас предположить, что этим "человеком на луне" изначально был Ивальде, чемпион по выпивке и разбойник медовухи, который напал на бога луны и сжег его. Его наказание состоит в том, что он никогда не попадет на небеса, а останется на Луне, и там ему придется вечно носить вязанку хвороста (такова немецкая традиция, а также традиция, рассказанная Чосером). Скорее всего, ему придется нести сожженный им терновый жезл бога луны. Бог луны (см. № № 75, 91) правил тевтонскими эринниями, вооруженными жезлами (*лимар*), и в этом качестве он носил эпитет *Эйлими*. В голландском стихотворении четырнадцатого века говорится, что виновник *дуэте хит Людергер*. Вариация, которую Дж. Гримм (*Втор. Миф.*, 683) цитирует Лодегера. Это название отсылает, как указал Гримм, к древненемецкому Люткеру, Людигеру из немецкой поэмы средних веков. В "Нибелунге на Севере" Людигер борется с гюкунгами; в "Дитерихсе Флюхте" он отказывается от дела Дитриха и вступает в союз со злым Эрменрихом. Как и Лиутвар, Людигер является продолжением норвежского Хлаудвера, в котором мы уже заново открыли Ивальде. В то время как, согласно Младшей Эдде, оба сына Ивальде, Хью и Биль, появляются на луне, согласно английской и немецкой традициям, именно их преступный отец появляется на месте пожара, который он разжег, опьяненный медовухой, которую он ограбил, и наказанный розгой, которую держит его жертва.

Утверждение в *Forspjallsljod* о том, что у Ивальде было две группы детей, соответствует результату, к которому мы пришли. От великанши Грейп он отец Слагфина, Эгиля и Волунда; от солнца-дис Гевар, дочери Ноквера и сестры Нанны, он отец дисов роста, среди которых Идун, которая сначала была возлюбленной или женой Волунда, а затем вышла замуж за Браге. Другая дочь Ивальде - возлюбленная Слагфин-Гьюке, Ауда, "фрау Юта" из немецкой героической саги. Третья - Сигне-Альвейг, у саксов дочь *Сумблуса Финнорума* (Ивальда). На его свадьбе с ней Хальфдан нападает на Эгиля и убивает его. Хаддинг - сын Хальфдана и ее.

Несколько фактов указывают на то, что, когда их отец стал врагом богов, сыновья Ивальде все еще были их друзьями, и что Слагфин, в частности, был на стороне своего приемного отца в конфликте с Ивальде. С этим соотносится также поведение гюкунгов по отношению к Валтариусу, когда он обращается в бегство с Хильдигун. В англосаксонской героической поэзии имя Хенгест носит человек, который там занимает место Слагфина как ближайшего человека Хнаф-Гевара. Во введении к "Младшей Эдде" английские авторитетные источники утверждают, что *Хейнгестр* (Хенгест) был сыном Витты и ближайшим родственником Свипдага. Если, как предполагали предыдущие исследователи, Витта - это Вейд, то Хенгест - сын Ивальде, и это согласуется с утверждением о его родстве со Свипдагом, который является внуком Ивальде. Значение слова "Хенгест" само по себе относится к Слагфин-Гелдру. Имя *Гельдр* является причастием от *гельда* и означает *кастрат*. Первоначальное значение слова *Hengest* - "мерин", *equus castratus* (в современном немецком языке это слово впервые приобрело свое нынешнее значение). То, что прилагательное *idea castratus* было перенесено на субстантив *equus*

castratus, объясняется тем фактом, что *Джилс*, *Гизл*, мифическое имя лошади (Младшая Эдда, i. 70, 482), также было именем гьюкунгов. Одного из предков Хенгеста в его генеалогии в Беде и в Англосаксонской хронике зовут Викт-гилс; одного из сыновей Слагфин-Гьюке зовут *Гилсер*. Не мифический и не исторический брат Хенгеста, добавленный в более поздние времена, носит имя Хорса. География Равенны гласит, что, когда саксы покинули свои старые жилища на континенте, они выступили *cum principe suo Anschis* и со своим вождем *Анс-гизлом*, который, следовательно, появляется здесь на месте Хенгеста. Синонимом Хенгеста является норвежское *Jálkr*, *equus castratus*, и то, что какой-то член мифологической группы лыжников, то есть какой-то один из представителей расы Ивальде мужского пола в норвежской версии тевтонской мифологии, носил этот эпитет, подтверждается перефразировкой *öndr-Jálkr*, "*equus castratus* лыжников". Причина такого обозначения кроется в описанном выше событии, которое было передано поэмой "Валтариус Мануфортис". Главный из гьюкунгов, первоначально сам Гьюке, сражается там с Валтариусом, который в мифологии был его отцом, и получает в ходе конфликта рану "прямо в бедренную кость". Эта рана может иметь символическое значение из-за того факта, что борьба ведется между отцом и сыном. Согласно английскому хронисту Неннию, у Хенгеста было два брата, Охта и Эбисса. Несмотря на свою искаженность, эти имена напоминают нам о братьях Слагфина, Агго-Аджо (Волунд) и Ибор-Эббо (Эгиль).

Согласно исторической саге, Хенгест был предводителем первой саксонской армии, высадившейся в Британии. Все ученые давно согласились с тем, что этот Хенгест - мифический персонаж. Сага о переселении из тевтонской мифологии была перенесена язычниками-саксами в Англию и просуществовала там до христианских времен. После того, как имена настоящих лидеров саксонской иммиграции были забыты, Хенгесту было разрешено занять их место, потому что в мифологии он был лидером саксонских эмигрантов из их первоначальной страны, Скандинавского полуострова (см. № 16), и потому что эта иммиграция была смешана в христианские времена с памятью об эмиграции из Германии в Британию. Таким образом, в то время как лонгобардцы сделали Волунда и Эгиля (Аджо и Ибора) лидерами своей эмиграции, саксы сделали брата Волунда и Эгиля Слагфина (Хенгест-Гьюке) своим лидером. Бургундцы также считали Слагфина (Гьюке) своим героем эмиграции и королевским прародителем. Об этом есть свидетельства частично в "*Lex Burgundionum*", в предисловии к которому перечисляются бургундские короли, носящие имена гьюкунгов; частично в средненемецкой поэме, в которой гьюкунги превращаются в бургундских королей. Следовательно, саксонская и бургундская саги о переселении народов, как и саги о других тевтонских расах, связаны с расой ивальде и фимбул-винтер.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[1] Для "братьев" в тексте, возможно, намеренно, использовалось двусмысленное слово *germani*. Таким образом, это был бы не единственный случай, когда слово используется в обоих значениях одновременно. Ср. Квинтил, 8, 3, 29.

[2] Есть история о сотворении человека тремя странствующими богами, которые становятся в средневековых историях Иисусом и св. Петром и Павлом, ходящими среди людей, как в прелестной апологии *доброго человека-скряги Шампфлери*, так прекрасно

проиллюстрированной Легро. В эддической легенде одного из этих богов зовут *Хне*; он является *произносителем речей* Волоспы и описывается в похвалах, взятых из утраченных поэм, как "длинноногий" [*лангифотр*], "повелитель тины" [*аурконунгр*]. Станные эпитеты, но легко объяснимые, если разобраться в этимологии слова *Hœne* = *hohni* = санскр. *сакунас* = гр. *кукнос* = белая птица, лебедь или аист, крадущийся по грязи, повелитель болот; и теперь легко увидеть, что эта птица - Творец, бродящий в хаосе, размышляющий над примитивной мешаниной или тоху-боху, и, наконец, высиживающий яйцо мира. Хони также, как можно было бы предположить, следует отождествлять с Хеймдалем, *ходоком*, который также является богом-творцом, который спит *чутче птицы*, который также является "*прекрасным Ансом*" и "*белейшим из ансов*", "пробуждающим богов", так сказать, небесным певцом (Вигфуссон, *Corpus Poeticum Boreale*, том i, Введение, стр. iii., цитируется переводчик).

[3] В строфе 8 Фьольсвин говорит о Менгладе:

*Menglöd of heitir,
en hana módir of gat
vid Svafrrthorins syni.*

Свафр сам по себе или как часть соединения указывает на Вана-бога. Согласно рассказу, изложенному в "Истории Форнальдерсаги" (i. 415), дочь Тьяссе была замужем за "королем" *Свафрлами*. В мифологии именно отец Фрейи, бог Вана Ньерд, берет дочь Тьяссе в жены. В Солнечной песне (стр. 79, 80) дочери Ньерда упоминаются вместе с *Свафром* и *Свафрлоги*. Дочерям девять лет, как Менглад и ее сыновьям.

[4] В *Saxo*, как и в других источниках примерно того же времени, имена с придыханием обычно не встречаются. Я уже приводил примеры Хандуануса, Андвани, Гелиаса, Элиаса, Херсбернуса, Эсбьерна, Хевинда, Эйвинда, Хорвендилла, Орвандилла, Гестии, Эстляндии, Холандии, Оланда.

[5] Согласно синопсису Гейсмера. Сам Саксон ничего подобного не говорит. Настоящее прочтение отрывка у Саксона явно искажено.

[6] Это Багге тоже заметил, и он справедливо предполагает, что эпизод с мечом был интерполирован из какого-то другого источника.

[7] Этот анализ будет дан во второй части этой работы в "трактате о мифе о Бальдере".

[8] Поскольку Иордан смешал мифологического Гудхорма-Йормунрека с историческим Эрманарексом и связал с историей последнего героическую сагу об Аммиусе-Хамдире, было легко смешать Хамдира с Хеймдалем, который, как и Хамдир, является врагом мифического Йормунрека.

[9] *Рунические памятники*, автор Джордж Стивенс.

[10] См., например, Th. Расследования Визена и Финнура Йонссона *Крит. Исследование*. (Копенгаген, 1884).

[11] Издания изменили *Urdar* на *Urdri* тем самым превратили процитированный выше отрывок в бессмыслицу, в чем, в свою очередь, обвинили автора *Forspjallsljod*, и это было представлено в качестве аргумента в доказательство того, что стихотворение является поддельным.

[12] Хольцман и Бергманн уже давно указали, что Харбард идентичен Локе. Идея о том, что Харбард, который по всем чертам является Локе в Локасенне и, подобно ему, выступает насмешником над богами и хвастается своими злыми делами и успехом у прекрасного пола, должен быть Одним, является одним из доказательств того, как неметодичная символическая интерпретация может сбить с толку. Во второй части этой работы я полностью расскажу о Харбардсльоде. В "последних днях язычества в Исландии" можно найти доказательства того, что тогда было хорошо известно, что Харбард, упомянутый в этой поэме, был врагом богов.

[13] Когда я перейду к рассмотрению мифа о Бальдере во второй части этой работы, я укажу источник, из которого автор Gylfaginning, по недоразумению, сделал вывод, что человек подвигов, воин, лучник и охотник Ходер был слеп. Это недоразумение дало желанную поддержку символической интерпретации, которая в "Слепом Ходере" нашла, среди прочего, символ ночи (но у ночи "много глаз").

[14] В Saxo Gervandillus (*Гейрвандилл*) является отцом Horvandillus (*Эрвандилл*). Доказано, что Орвандель идентичен Эгилю. И поскольку Эгиль - сын Ивальде, Гейрвандель идентичен Ивальде.

[15] Таким образом, мнение Вигфуссона о том, что мост Асгард идентичен Млечному Пути, верно. То, что радугу следует рассматривать как Бильрост с его перемычками, - выдумка автора Gylfaginning.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ТЕВТОНСКОЙ МИФОЛОГИИ, с Объяснениями Характера, атрибутов и значения Богов, Богинь, Великанов, карликов и связанных с ними существ и мест.

СЛОВАРЬ БОГОВ И БОГИНЬ.

А

Ægir. [Англосакс., *eagor*, море]. Бог, правящий бушующим морем. Он развлекает богов каждый урожай и варит для них эль. *Æger*.

Агнар. Сын короля Храудунга и приемный сын Фригг. *Агнар*.

Агнар. Сын короля Гейррода. Он подает напиток Гримнеру (Одину). *Агнар*.

Альфр. Эльф, фея; класс существ, подобных гномам, между богами и людьми. Они были двух видов: эльфы света (*Льосалфар*) и эльфы тьмы (*Доккальфар*). Обитель эльфов - *Альфхейм*, сказочная страна, а их король - бог Фрей. *Эльф*.

Альфодр или Альфадир [Отец всего]. Имя Одина как верховного бога. *Всеотец*.

Альфхеймр. Страна эльфов, волшебная страна. Жилище Фрея. *Альфхейм*.

Альсвид. Мудрый. Один из коней солнца. *Альсвид*.

Алвисс. Гном, который отвечает на вопросы Тора в "Слове Алвиса". *Алвис*.

Амсвартнир. Название моря, в котором находился остров, где был прикован волк Фенрер. *Амсвартнер*.

Аннарр или Онарр. Муж ночи и отец Йорда (земли). *Аннар*.

Андхримнир. Повар в Валхале. *Андхримнер*.

Андвари. Имя карлика в форме щуки; владельца рокового кольца звали *Андваранаутр*. *Андваре*.

Андварафорс. Сила или водопад, в котором карлик Андваре держал себя в форме рыбы-щуки. *Андваре-Сила*.

Андваранаутр. Роковое кольцо, данное Андваре (осторожному духу). *И Варенавт*.

Ангантюр. У него судебный спор с Оттаром Хеймске, которому благоволит Фрейя. *Ангантюр*.

Ангейя. Одна из девяти матерей Хеймдаля. В "Слове Хиндлы" Старшей Эдды говорится: "Девять дев-великанов родили милостивого бога на краю света. Это: Гьялп, Грейп, Эйстла, Ангейя, Ульфрун, Эйргьяфа, Имд, Атла и Ярнсакса. *Анджейя*.

Ангрбода [Вызывающая Тоску]. Великанша; мать волка Фенрира от Лока. *Ангербода*.

Арвакр [Рано просыпающийся]. Имя одного из коней солнца. *Аарвак*.

Осел или Ас; множественное число "Асы". *Асы*, боги. Это слово встречается в таких английских названиях, как Осборн, Осуолд и др. С *n* он обнаруживается в Зародыше. *Анsgар* (англосаксонский. *Oscar*). Термин *асы* используется, чтобы отличить Одина, Тора и т.д. от *ванов* (ванов). *Аса*.

Аса-Локи. Локе, названный так, чтобы отличать его от Утгард-Локе, который является великаном. *Аса-Локе*.

Аса-Торр. Распространенное имя Тора. *Аса-Тор*.

Асгардр. Обитель богов (*асов*). *Асгард*.

Аскр. Имя первого человека, созданного Одином, Хенером и Лодером. *Спрашивай*.

Асинья; множественное число Асинджур. Богиня; женское начало *Осла*. *Асинье*.

Atla. Одна из девяти матерей Хеймдаля. *Atla*.

Аудумла; также пишется Аудумб. Корова образовалась из замерзших паров, превратившихся в капли. Она вскормила великана Имера. *Аудумбла*.

Аурбода. Жена Гимера и мать Герда. *Аурбода*.

Аургельмир. Великан; дед Бергельмера; назывался также Имер. *Аургельмер*.

Австриец. Карлик, правящий восточным регионом. *Austre. Восток*.

В

Бальдр. Бог летнего солнечного света. Он был сыном Одина и Фригг; убит Ходером по наущению Лока. Он возвращается после Рагнарека. Его жилище - Брейдаблик. *Бальдер*.

Баррей. Приятная роща, в которой Герд договорился со Скирнером встретиться с Фреем. *Барей*.

Бауги. Брат Суттунга, на которого (Бауги) Один работал одно лето, чтобы заручиться его помощью в приобретении поэтического напитка Суттунга. *Бодж*.

Бели. Великан, брат Герда, убитый Фреем. *Беле*.

Бергельмир. Великан; сын Трудгельмера и внук Аургельмера. *Бергельмер*.

Бестла. Жена Бура и мать Одина. *Бестла*.

Бейла. Служанка Фрея; жена Бигвера. *Бейла*.

Бифрост. [Дрожать; дрожащий путь]. Радуга. *Бифрост*.

Бильскирнир. Небесная обитель Тора, судя по вспышке света в молнии. *Билскирнер*.

Болторн. Великан; отец Бестлы, матери Одина. *Болторн*.

Больверкр [Творит ужасные вещи]. Вымышленное имя Одина, когда он пошел за медом Суттунга. *Больверк*.

Бодн. Один из трех сосудов, в которых хранился поэтический мед. Поэтому поэзию называют волной *бодна*. *Бодн*.

Борр [берр, сын; шотландский ребенок]. Сын Буре и отец Одина, Вайл и Ве. *Бор*.

Браги. Бог поэзии. Сын Одина. Он лучший из скальдов. *Браге*.

Брейдаблик. [Буквально мерцать]. Жилище Бальдра. *Брейдаблик*.

Брисингамен. Ожерелье или украшение Фрейи. *Брисингамен*.

Бури. Отец Бора. Его произвела на свет корова, облизывающая камни, покрытые инеем. *Буре*.

Быгвир. Слуга Фрея; муж Бейлы. *Быгвир*.

Билейптр [Пламя жилища]. Брат Локи. *Билейптр*.

D

Дагр [День]. Сын Деллинга. *Даг*.

Даинн. Олень, который грызет ветви Игдрасиля. *Даин*.

Деллингр [Источник дня]. Отец дня. *Деллинг*.

Дис; множественное число Дизир. Сопровождающий дух или ангел-хранитель. Любое мифическое существо женского пола может называться Дис. *Дис*.

Драупнир. Кольцо Одина. Его положили на погребальный костер Бальдра. Скирнер протянул его Герду. *Драупнер*.

Дроми. Одни из оков, которыми был прикован волк Фенрис. *Дром*.

Дюнейрр, Дурапроп. Олени, которые грызут ветви Игдрасиля. *Долговечность*.

Дуринн. Гном, второй по степени. *Дурин*.

Двалинн. Карлик. *Двалин*.

Двергр. Гном. В современных исландских преданиях гномы исчезли, но остались в местных названиях, таких как Дверга-стейнн, а также в нескольких словах и фразах. Из-за веры в то, что гномы жили в скалах, эхо называется *дверг-мал* (разговор гномов), а *дверг-мала* означает отдавать эхо. Гномы были искусны в обработке металла.

E

Эдда. Буквальное значение этого слова - прабабушка, но этот термин обычно применяется к мифологическому сборнику стихов, обнаруженному Бриньольфом Свейнссоном в 1643 году. Он, ведомый причудливым и ошибочным предположением, дал книге, которую он нашел, название "Семундар Эдда", "Эдда Семунда". Это так называемая *Старшая Эдда*. *Младшая Эдда*- это название, применяемое к произведению, написанному Снорре Стурлесоном, и содержит древние мифологические знания и старые искусственные правила составления стихов. Древние применяли название *Эдда* только к этому произведению Снорре. "*Старшая Эдда*" никогда так не называлась. И также неясно, знал ли сам Снорре свое произведение под названием "Эдда". В "Ригсмал" ("Сказание о Риге") Эдда является прародительницей расы рабов.

Эгдир. Орел, появляющийся в Рагнарек. *Эгдер*.

Эгилл. Отец Тьяльфа; гигантское жилище у моря. Тор оставил своих коз при нем, когда направлялся к великану Хаймеру за сосудом, в котором можно было варить эль.

Эйктирнир. Олень, стоящий над чертогом Одина (Валхал). С его рогов капает вода, из которой текут реки. *Эйктирнер*.

Эйнхерии; множественное число Эйнхерий. Единственные (*бесконечные*) или великие чемпионы; герои, павшие в битве и допущенные в Валхал. *Einherje*.

Эйр. [Это слово означает *мир, милосердие*]. Слуга Менглода и самый искусный из всех в искусстве врачевания. *Эйр*.

Эйстла. Одна из девяти матерей Хеймдаля. *Эйстла*.

Эльдримнир. Котел, в котором готовят Сехримнер из кабана в Валхале. *Элдримнер*.

Eldir. Добывающий огонь; слуга Эгера. *Старейшина*.

Эливагар. Ледяные волны; Ядовитые холодные потоки, вытекающие из Нифльхейма. *Эливагар*.

Эмла. Первая женщина. Боги нашли два безжизненных дерева, *аск* (ясень) и *эмблу*; из пепла они сделали *мужчину*, из эмблы - *женщину*.

Эйргьяфа. Одна из девяти матерей Хеймдаля. *Эйргьяфа*.

F

Фафнир. Сын Хрейдмара. Он убивает своего отца, чтобы завладеть Андваренавтом. Впоследствии он превращается в дракона и охраняет сокровища в Гнитахите. Он убит Сигурдом, а его сердце зажарено и съедено. *Фафнер*.

Фальхофнир [Полое копыто]. Один из коней богов. *Фальхофнер*.

Фарбаути [Разрушитель кораблей]. Отец Лока. *Фарбаут*.

Фенрир или Фенрисульфр. Чудовище-волк. Он сын Лока, который кусает руку Тира. Боги заковали его в цепи, где он остается до Рагнарека. В Рагнареке он освобождается, проглатывает солнце и побеждает Одина, но убит Видаром. *Фенрер* или волк *Фенрис*.

Фенсалир. Обитель Фригг. *Фенсал*.

Fjalar. Неправильное название для Скримера, в чьей перчатке укрылся Тор. *Fjalar*.

Fjalar. Карлик, убивший Квасера и приготовивший из его крови поэтический мед. *Fjalar*.

Fjalar. Петух, который каркает в Рагнарек. *Fjalar*.

Фимафенгр. Ловкий слуга Эгера. Он был убит ревнивым Локе. *Фимафенг*.

Фимбул. Это означает *великий*. В мифологии он предстает как:

Фимбульфамби. Великий дурак. *Фимбульфамби*.

Фимбултайр. Могущественный бог, великий помощник (Один). *Фимбултайр*.

Фимбулветр [*ветер, зима*]. Великая и ужасная зима продолжительностью в три года, предшествующая концу света. *Фимбул-зима*.

Фимбультул. Небесная река. *Фимбультул*.

Фимбалтулр. Великий мудрец. *Фимбалтулер*.

Фьолнир. Одно из многих имен Одина. *Фьолнер*.

Фьоргин. Олицетворение земли; мать Тора. *Фьоргин*.

Фольквангр. [Рай, поле]. Народное поле. Жилище Фрейи. *Фолькванг*.

Форньотр. Самый древний гигант. Он был отцом Эгера, или Глера, бога океана; Логге, пламени, и Кааре, ветра. Его женой была Ран. Эти божества обычно считаются принадлежащими к более ранней мифологии, вероятно, к мифологии финнов или кельтов. *Форньо*.

Форсети [председательствующий, президент, председательствующий]. Сын Бальдра и Нанны. Его жилище - Глитнер, а его офис - офис миротворца. *Форсете*.

Franangrs-форс. Сила или водопад, в который бросился Локе в образе лосося, и где боги поймали его и связали. *Фраанангер-Сила*.

Фреки. Один из волков Одина. *Фрике*.

Фрейя [Женское начало Фрейра]. Дочь Ньерда и сестра Фрея. Она живет в Фолькванге. Половина павших в битве принадлежит ей, другая половина - Одину. Она одалживает Локе свою маскировку из перьев. Она богиня любви. Ее муж - Одер. Ее ожерелье - Брисингамен. У нее кабан с золотой щетиной. *Фрейя*.

Фрейр. Он сын Ньерда, муж Скади, истребительницы Беле, и вступает в конфликт с Суртом в Рагнареке. Альфхейм был подарен ему в качестве зуба. Для него был построен корабль Скидбладнер. Он влюбляется в Герд, прекрасную дочь Гимера. Он отдает свой верный меч Скирнеру. *Фрей*.

Фригг. [Любовь]. Она жена Одина, мать Бальдра и королева богов, и правит вместе с Одинем в Хлидскьяльфе. Она требует от всех существ клятвы, что они не причинят вреда Бальдру. *Фригг*.

Фулла [Полнота]. Служанка Фригг. Она заботится о туалете, одежде и тапочках Фригг. Нанна прислала ей кольцо из Хельхейма. Она представлена с распущенными по плечам волосами. *Полная*.

G

Галар. Один из двух гномов, убивших Квасера. Другим был Фьялар. *Галар*.

Ганрейд. Имя, принятое Одинем, когда он отправился навестить Вафтруднера. *Ганраад*.

Ганглеры. Одно из имен Одина в "Слове Гримнера". *Ганглер*.

Ганглери. Имя, которое принял король Гильф, когда прибыл в Асгард. *Ганглер*.

Гардрофа. У богини Гнаа есть конь по имени Хофварпнер. Родоначальником этого коня является Хамскерпер, а его матерью - Гардрофа. *Гардрофа*.

Гармр. Собака, которая лает на Рагнарека. Его называют самым крупным и лучшим среди собак. *Гарм*.

Гефджун или Гефджон. Богиня. Она служанка, и все те, кто умирают служанками, становятся ее служанками. Она присутствует на пиршестве Эгера. Один говорит, что она знает судьбы людей так же хорошо, как и он сам. *Гефюн*.

Гейрродр. Сын короля Храудунга и приемный сын Одина; он становится королем, и его посещает Один, который называет себя Гримнером. Он убит своим собственным мечом. Есть также великан по имени Гейрред, которого однажды посетил Тор. *Гейрред*.

Гейрскогуль. Валькирия. *Гейрскогуль*.

Гейрвимуль. Небесная река. *Гейрвимуль*.

Гердр. Дочь Гимира, красивая молодая великанша; возлюбленная Фрея. *Gerd*.

Geri. [джерр, жадный]. Один из волков Одина. *Гир*.

Герсеми. Одна из дочерей Фрейи. *Герсеме*.

Гьялларбру [гьялла, кричать, звучать]. Мост через реку Гьол, недалеко от Хельхейма. Мост между землями живых и мертвых. *Джалларбридж*.

Гьяллархорн. Рог Хеймдаля, в который он протрубит в Рагнарек. *Горн Гьяллара*.

Гиллинг. Отец Суттунга, владевшего поэтическим медом. Он был убит Фьяларом и Галаром. *Жабры*.

Гимли [Небеса]. Обитель праведников после Рагнарека. *Гимле*.

Гьялп. Одна из девяти матерей Хеймдаля. *Гьялп*.

Гиннунга-пропасть. Великая зияющая пропасть, предземная бездна, хаос или бесформенная пустота, в которой обитали высшие силы до сотворения мира. В одиннадцатом веке море между Гренландией и Винландом (Америка) называлось Гиннунга-гэп. *Гинунгагап*.

Гьолл. Одна из рек Эливагар, которая протекала ближе всего к воротам обители Хель. *Джол*.

Гизл [Солнечный луч]. Один из коней богов. *Гизл*.

Глэдр [Чистый, сияющий]. Один из коней богов. *Глэд*.

Гладсхеймр [Дом света или веселья]. Жилище Одина. *Гладсхейм*.

Гласир. Роща в Асгарде. *Глейзер*.

Глейпнир. Последние оковы, которыми был связан волк Фенрер. *Глейпнер*.

Глер [Стеклянный]. Один из коней богов. *Глер*.

Глитнир [Сверкающий]. Золотой зал Форсете. *Глитнер*.

Гна. Она посланница, которую Фригг отправляет в различные миры со своими поручениями. У нее есть лошадь по имени Хофварпенр, которая может бегать по воздуху и воде. *Гнаа*.

Гнипахеллир. Пещера, перед которой лает собака Гарм. *Пещера Гнипа*.

Гнитахейдр. Жилище Фафнера, где он хранил сокровище, называлось Андваренаут. *Гни́та-хит*.

Уходи. Змей под Игдрасилем. *Уходи*.

Goll. Валькирия. *Gol*.

Гомул. Небесная река. *Гомул*.

Гондул. Валькирия. *Гондул*.

Гопул. Небесная река. *Гопул*.

Грабакр. Один из змей Игдрасиля. *Граабак*.

Град. Небесная река. *Град*.

Графвитнир, Графволлудр. Змеи под Игдрасилем. *Графвитнер; Графволлуд*.

Грейп. [Англ. хватка]. Одна из девяти матерей-гигантов Хеймдаля. *Greip*.

Гримнир. Своего рода капюшон, закрывающий верхнюю часть лица. Гримнер - это имя Одина из-за его переодетых путешествий. *Гримнер*.

Гроа. Великанша, мать Орванделя. Тор пришел к ней, чтобы она заколдовала кремень у него во лбу. *Груа*.

Гильфакси [Златогривый]. Конь великана Хрангнера. *Голдфакс*.

Гуллинкамби [Золотой гребень]. Петух, который кричит в Рагнарек. *Гуллинкамб* или *Голдкомб*.

Гуллтоппр [Золотой волчок]. Лошадь Хеймдаля. *Золотой волчок*.

Гульвейг [Жажущая золота]. Олицетворение золота. Несмотря на то, что она пронзена и трижды обожжена, она все еще жива. *Гульвейг*.

Гуллинбурсти [Золотая щетина]. Кличка свиньи Фрея. *Гуллинбурсте*.

Гунгнир (сильно дрожа). Копье Одина. *Гунгнер*.

Гуннлод [Приглашать]. Та, кто приглашает на войну. Она была дочерью великана Суттунга и отвечала за поэтический мед. Один получил это от нее. *Гунлад*.

Гильфи. Король Свитхода, посетивший Асгард под именем Ганглер. Первая часть Младшей Эдды называется Гильфагининг, что означает Заблуждение Гильфе. *Гильфе*.

Гиллир [Золотой]. Один из коней богов. *Гиллер*.

Гимир. Великан; отец Герд, возлюбленный Фрея. *Гимир*.

Гимир. Другое имя божества океана Эгера. *Гимер*.

Н

Халлинскиди. Другое имя бога Хеймдаля. Обладатель наклонного пути (*халла*). *Халлинскид*.

Хамскерпир [Средство для отверждения шкур]. Лошадь; отец Хофварпнера, который был лошастью Гнаа. *Хамскерпер*.

Наг. Высший, применяемый к Одину. *Нааг*.

Харбардр. Имя, принятое Одином в "Слове о Харбарде". *Харбард*.

Хейдрунр [Ярко бегущий]. Козел, который стоит над Валхалом. *Heidrun*.

Хеймдалр. В древней мифологии он был небесным стражем, в средневековой - подчинялся Святому Петру. Согласно "Сказанию о Риге" (Хеймдал), он был отцом и основателем различных классов людей, знати, холопов и рабов. У него есть рог, называемый Гьяллар-рог, в который он трубит в Рагнарек. Его жилище - Химинбьерг. Он хранитель Бифроста (радуги). Девять великанш - его матери. *Хеймдаль*.

Хель. [Англосаксонский. и англ. *ад*; убивать]. Богиня смерти, рожденная Локе и Ангербодой. Она соответствует Прозерпине. Ее обиталище - Хельхейм, под одним из корней Игдрасиля. *Привет*.

Хелблинди. Имя Одина. *Хелблинде*.

Хелгриндр. Врата Хель. *Хелгринд* или *Хелгейт*.

Helheim. Обитель Хель. *Helheim*.

Херфодр, Херьяфодр. [Отец воинств]. Имя Одина. *Ее Отец*.

Хермодр [Храбрость воинств]. Сын Одина, который дарит ему шлем и доспехи. Он поехал на Слейпнере в Хель, чтобы вернуть Бальдра. *Хермод*.

Хильдисвини [Означает войну]. Свинья Фрейи. *Хильде-свинья*.

Химинбьерг [Небеса, помощь, защита; отсюда небесный защитник]. Жилище Хеймдаля. *Химинбьерг*.

Химинбрьотр [Разрушитель Небес]. Один из быков гиганта Хаймера. *Химинбрьотер*.

Хлеси. Обитель Эгера. *Хлеси*.

Хлидскьяльф. Резиденция Одина, откуда он смотрел на все миры. *Хлидскьяльф*.

Хлин. Одна из служанок Фригг; но саму Фригг иногда называют этим именем. *Хлин*.

Хлодин. Богиня; имя земли; мать Тора. *Хлодин*.

Хлориди [англ. *низкий*, рев и *рев*, раскаты грома]. Одно из имен Тора; ревуший громовержец. *Хлорид*.

Хникарр, Хникудр. Имена Одина, *Хникара* и *Хникудера*.

Нносс [англосаксоф. *молотить*]. Дорогая вещь; имя одной из дочерей Фрейи. *Хнос*.

Ходдмимишолт. Холт или роща Ходмимера, где два человеческих существа Лиф и Лайфтразер были сохранены во время Рагнарека. *Лес Ходмаймера*.

Ходр. Убийца Бальдра. Он слеп, возвращается к жизни в возрожденном мире. Каин из скандинавской мифологии. *Ходер*.

Хенир. Один из трех богов-творцов. Вместе с Одином и Лодером Хенер создает Аска и Эмблу, первую человеческую пару. *Хоэнер*.

Хофварпнир [Метатель копыт]. Лошадь Гнаа. Его отец Хамскерпер, а мать Гардрофа. *Хофварпнер*.

Хресвелгр [Глотатель трупов]. Гигант в орлином оперении, создающий ветер. *Хресвелгер*.

Нгаудунгр. Отец Гейрреда. *Нгаудунг*.

Хрейдмарр. Отец Регин и Фафнера. Он взыскивает с богов кровавый штраф за убийство Выдры. Он убит Фафнером. *Хрейдмар*.

Хримфакси [Иней-грива]. Конь ночи. *Римфакс*.

Хримтурсар [англ. *иней*, изморозь]. Иней-великаны или ледяные великаны, обитающие под одним из корней Игдрасиля. *Великаны*.

Гродвитнир. Волк; отец волчьей ненависти. *Гродвитнер*.

Хроптр. Одно из имен Одина. *Хропт*.

Хрунгнир. Великан; друг Хаймера. Тор сражался с ним и убил его. *Хранитель*.

Хрингхорни. Корабль, на котором было сожжено тело Балдера. *Хрингхорн*.

Хростьофр [Конокрад]. Великан. *Хростьоф*.

Хугинн [Разум]. Один из воронов Одина. *Хугин*.

Хвергельмир [Старый чайник]. Источник посреди Нифльхейма, откуда вытекают реки Эливагар. Северный Тартарос. *Хвергельмер*.

Гимир. Великан, с которым Тор ходил на рыбалку, когда поймал змея Мидгарда. Его жена была матерью Тира. Тир и Тор отправились к нему, чтобы раздобыть для Эгера котел, в котором можно было сварить эль для богов. *Хаймер*.

Хиндла. Вала, которую посещает Фрейя, которая приходит к ней, чтобы узнать генеалогию своего любимца Оттара. *Хиндла*.

Я

Идаволлр. Равнина, где боги впервые собираются, где они основывают свои небесные обители и где они собираются снова после Рагнарека. Равнины Иды. *Идаволд*.

Идунн. Дочь карлика Ивальда; она была женой Браге и богиней ранней весны. У нее есть молодильные яблоки, которыми питаются боги. *Идун*.

Ифинг. Река, которая отделяет великанов от богов. *Ифинг*.

Imd. Одна из девяти матерей-великанов Хеймдаля. *Imd*.

Имр. Сын великана Вафтруднера. *Им*.

Ингунар-Фрейр. Одно из имен Фрея. *Фрей Ингун*.

Innsteinn. Отец Оттара Хеймске; любимец Фрейи. *Instein*.

Ивальди. Карлик. Его сыновья строят корабль Скидбладнер. *Ивальд*.

Ј

Джафнхар [Столь же высокий]. Имя Одина.

Джалкр. Имя Одина (Джек-убийца великанов?). *Джалк*.

Ярсакса [Железная рубилка]. Одна из девяти матерей-великанов Хеймдаля. *Ярсакса*.

Ярнвидр [Железное дерево]. Лес к востоку от Мидгарда, населенный великаншами по имени Ярнвидс. У этого леса были железные листья. *Ярнвид*.

Ярнвидиур. Великанши в железном дереве. *Ярнвиды*.

Йорд. Жена Одина и мать Тора. *Земля*.

Йотунн. Гигант. Гиганты были самыми ранними сотворенными существами. Боги спрашивают их о Бальдре. Тор часто сражается с ними. Известные гиганты: Имер, Хаймер, Хрунгнер, Орвандель, Гимер, Скримери, Вафтруднер и Тьяссе. *Гигант*.

Етунхеймар (множественное число). Утгаард; дом великанов в самых отдаленных частях земли. *Етунхейм*.

К

Керлаугар (множественное число). Две реки, которые Тор должен пересекать каждый день. *Керлауг*.

Кормт. Еще одна река, которую Тор должен пересекать каждый день. *Кормт*.

Квасир. Заложник, переданный ванами асам. Его кровь, когда он был убит, была поэтическим напитком, хранившимся Суттунгом. *Квасер*.

L

Лэдингр. Одни из оков, которыми был связан волк Фенрис
. *Лаэнинг*.

Лаэрадр. Дерево возле Валхала. *Лаэрад*.

Ландвиди [Горный хребет, поросший деревьями]. Обитель Видара. Первобытные леса.
Земельный участок.

Лафей [Зеленый остров]. Мать Локи. *Лафей*.

Лейфтразир, Лиф. Два человека, спасшиеся в роще Ходмимера во время пожара Сурта в Рагнареке; последние существа в старом и первые в новом мире. *Жизнь и Lifthraser*.

Летфети [Легконогий]. Один из коней богов. *Легконогий*.

Литр. Гном, которого Тор пнул в погребальную кучу Бальдра. *Литр*.

Лоддфафнир. Протеже Одина. *Лодфафнер*.

Лодурр [К пламени]. Один из трех богов (Один, Хенир и Лодер), создавших Аска и Эмблу, первых мужчину и женщину. Он идентичен Локе. *Лодер*.

Локи [Заканчивать, завершать; Локе - конец и завершение божественности]. Злой великан - бог скандинавской мифологии. Он управляет кораблем Нагльфар в Рагнареке. Он одалживает одеяние Фрейи из перьев и сопровождает Тора к великану Триму, который украл молот Тора. Он отец Слейпнера, а также змея Мидгарда, волка Фенрира и Хель. Он становится причиной смерти Бальдра, оскорбляет богов на пиру Эгера, но попадает в плен во Фраанангерфорсе и связан богами. *Локи*.

Лоптр [Антенна]. Другое название Лока. *Лоптер*.

М

Магни [мегин, сила]. Сын Тора. *Магне*.

Мани [англ. луна]. Брат Сол (солнца женского рода), и оба были детьми великана Мундилфаре. *Луна* или *Маане*.

Мардолл или Мартолл. Одно из имен Фрейи. *Мардаллар гратр* (слезы Мардала), золото. *Мардал*.

Мангармр [Глотатель Луны]. Волк из потомства Лока. Он пожирает луну. *Маанегарм* или *Лунный Гарм*.

Мангеймар (множественное число) [Дома человека]. Наша земля. *Мангейм*.

Meili. Сын Одина. *Meile*.

Мидгардр. [В Камберленде, Англия, есть три фермы: *Хай-гарт*, *Мидл-гарт*, *Лоу-гарт*.] Средний двор, средний город, то есть земля, - мифологическое слово, общее для всех древних тевтонских языков. Только исландская Эдда сохранила истинный мифический смысл этого древнего тевтонского слова. Земля (Мидгард), обитель людей, расположена в центре вселенной, ограничена горами и окружена великим морем; по другую сторону этого моря находится Утгард (внешний двор), обитель великанов; Мидгард защищен двором или городищем Асгард (город богов), лежащим в середине (небо понимается как возвышающееся над землей). Таким образом, земля и человечество представлены как цитадель, осажденная силами зла извне, защищаемая богами сверху и изнутри. *Мидгард*.

Мидгардсормр [Змей Мидгаарда]. Мировой змей, скрытый в океане, чьи кольца опоясывают весь Мидгард. Однажды Тор ловит его на рыбалку и ловит на свой крючок. В "Рагнароке" Тор убивает его, но сам отравляется его дыханием. *Мидгард-змей*.

Мимамейдр. Мифическое дерево; вероятно, то же, что Игдрасиль. Свое название оно получило от Мимер и означает дерево Мимера. *Мимамайдер*.

Мимир. Имя мудрого великана, хранителя священного колодца Мимис-бруннер, "ожог Мимера", "колодец мудрости", у которого Один заложил свой глаз в обмен на мудрость; миф, который объясняется как символ небесного свода с его единственным глазом, солнцем, садящимся в море.

Мьельнир. Грозный молот Тора. После Рагнарека им владеют его сыновья Мод и Магне. *Мьельнер*.

Мистильтейн [англ. *омела*]. Омела, или омовица, роковая ветка, которой был убит Бальдер, белый бог солнца. После смерти Бальдра начался Рагнарек. Смерть Бальдра также символизировала победу тьмы над светом, которая наступает каждый год в середине зимы. Омела в английских семьях на Рождество, без сомнения, является пережитком ритуала, утерянного в самых отдаленных языческих странах, поскольку битва света и тьмы в середине зимы была предзнаменованием окончательного свержения Рагнарека. Легенда и слово являются общими для всех тевтонских народов всех эпох. *Омела*.

Моди [Мужество]. Сын Тора. *Моде*.

Модсогнир. Гном высшей степени или ранга. *Модсогнер*.

Моинн. Змея под Игдрасилем. *Моин*.

Мундильфари. Отец солнца и луны. *Мундильфари*.

Мунин [Воспоминание]. Один из воронов Одина. *Мунин*.

Муспелл. Название обители огня. Он населен множеством демонов, которые должны появиться в Рагнарек и уничтожить мир огнем. *Муспель*.

Муспелльсхайм. Обитель Муспеля. Это интересное слово (*Муспелл*) не ограничивалось скандинавской мифологией, оно дважды встречается в древнесаксонской поэме "Гелианд". В этих случаях *муспель* означает *судный день, последний день* соответствует Рагнареку из скандинавской мифологии.

Моккуркальфи [Плотное облако]. Глиняный великан из мифа о Торе и Хрунгнере. *Моккеркальфе*.

N

Нагльфар [Корабль-гвоздь]. Мифический корабль, сделанный из обрезков ногтей. Он появляется в "Рагнароке". *Нагльфар. Гвоздодержство*.

Нал [Игла]. Мать Локи. *Наал*.

Нанна. Дочь Нэпа (бада); мать Форсета и жена Бальдра. Она умирает от горя из-за смерти Бальдра. *Нанна*.

Нари или Нарфи. Сын Локе. Локе был связан кишками Наре. *Наре* или *Нарфе*.

Настронд [Берег трупов]. Место наказания нечестивых после Рагнарека. *Наастранд*.

Нидафьолл. Нида - горы на севере, где после Рагнарека находится золотой зал для расы Синдре (гномов). *Нидафелл*.

Нидхогг. Змей нижнего мира, разрывающий тела мертвых. Он также разрывает Игдрасиль. *Нидхуг*.

Нифльхейм. Мир тумана или дымки; самый нижний из миров инея. Место наказания (Аид). Его посетил Один, когда отправился узнать о судьбе Бальдра. *Нифльхейм*.

Ньердр. Ван, ванагод. Он был мужем Скади и отцом Фрея и Фрейи. Он живет в Ноатуне. *Ньерд*.

Ноатун [Место кораблей]. Жилище Ньерда; Ньерд - божество воды или морей. *Нетаньяху*.

Нордри [Север]. Гном, правящий северными регионами. *Nordre* или *Север*.

Нотт. Ночь; дочь Норве. *Ночь*.

Норн; множественное число Норнир. Таинственные сестры; три небесные норны Урд, Вердане и Скульд (Прошлое, Настоящее и Будущее); они обитали у источника Урд и правили судьбой мира. Три норны также присутствовали при рождении каждого человека и составляли гороскоп его жизни. *Норн*.

О

Один [англосаксонский. *Wodan*]. Сын Бора и Бестлы. Он - главный из богов. С Вайлом и Ве он создает Имер. С Хенером и Лодером он создает Аск и Эмблу. Он - источник мудрости, основатель культуры, письменности и поэзии, прародитель королей, повелитель битв и побед. У него два ворона, два волка и копье. Его трон - Хлидскьяльф, откуда он взирает на все миры. В Рагнареке его пожирает волк Фенрис. *Один*.

Одр. Муж Фрейи. *Oder*.

Одроэрир [Движитель духа]. Один из сосудов, в котором хранилась кровь Квасера, то есть поэтическая медовуха. Вдохновляющий нектар. *Странный человек*.

Офнир. Змей под Игдрасилем. *Офнер*.

Околнир. После Рагнарека у великанов есть зал (*пивной зал*) под названием Бример в Околнере.

Оку-торр. Назван так в честь финского бога грома Укко. *Акетор*.

Оски [Желание]. Имя Одина. *Оске. Желание*.

Отр [Выдра]. Сын Хрейдмара; в образе выдры, убитой Локе. *Отер*.

Оттарр или Оттарр Хеймски [Глупый]. Сын Инстейна, протеже Фрейи. У него состязание с Ангантюр. Хиндла протягивает ему чашу на память. *Оттар*.

Р

Рагнарек [Приговор, суждение, от *рекья*, представляет собой полное развитие от сотворения до распада, и в этом слове обозначало бы распад, конец света богов; или это может быть от *рокр* (*рейккр*, дым), сумерки, и тогда это слово означает сумерки богов]. Последний день; гибель богов и мира. *Рагнарек*.

Ран [Роб]. Богиня моря; жена Эгера. *Ран*.

Рататоскр. Белка, которая бежит вверх и вниз по ветвям Игдрасиля. *Рататоск*.

Рати. Шнек, используемый Одним для получения поэтического меда. *Оценить*.

Регинн. Сын Хрейдмара; брат Фафнера и Оттер. *Регин*.

Риндр. Олицетворение твердой замерзшей земли. Мать Долины. Любовь Одина и Риндр напоминает любовь Зевса и Европы из греческих легенд. *Кожура*.

Росква. Имя первой последовательницы Тора. Она символизирует спелые поля урожая. *Росква*.

S

Саэримнир [Производитель инея]. Имя кабана, которым постоянно питаются боги и герои в Валхале. *Сэримнер*.

Сага [История]. Богиня истории. Она обитает в Соквабеке.

Сесрумнир. Большой дворец Фрейи. *Сесрумнер*.

Сидхоттр [Длинный капюшон]. Одно из имен Одина, из-за того, что он путешествовал переодетым, с большой шляпой на голове, свисающей на одну сторону лица, чтобы скрыть отсутствующий глаз. *Сидхат*.

Сидскегг [Длиннобородый]. Одно из имен Браге. Это также имя Одина в "Слове Гримнера". *Сидскег*.

Сиф. Жена Тора и мать Уллера. Это слово обозначает близость. Сиф, золотоволосая богиня, жена Тора, олицетворяет мать-землю своей ярко-зеленой травой. Она была богиней святости семьи и брака, отсюда и ее имя. *Сиф*.

Сигфадир [Отец победы]. Имя Одина. *Сигфатер*.

Сигюн. Жена Локе. Она держит таз, чтобы змеиный яд не попал Локе в лицо. *Сигюн*.

Сильфринтоппр. Один из коней богов. *Сильвертоп*.

Синдри. Один из самых известных гномов. *Синдре*.

Синир [Сухожилие]. Один из коней богов. *Siner*.

Сьофн. Одна из богинь. Ей доставляет удовольствие обращать сердца мужчин к любви. *Сьофн*.

Скади [*уничтожать*, причинять вред, порчу]. Великанша; дочь Тьясса и жена Ньерда. Она живет в Тримхейме и вешает ядовитую змею на лицо Лока. *Скади*.

Скейдбримир [Скакун]. Один из коней богов. *Скейдбример*.

Скидбладнир. Название знаменитого корабля бога Фрея, который мог одинаково передвигаться как по суше, так и по морю и мог по желанию становиться маленьким или большим. *Скидбладнер*.

Скинфакси [Сияющая грива]. Дневной конь. *Скинфакси*.

Скирнир [Светлый]. Посланец Фрея. *Скирнер*.

Скримир. Имя великана; также имя, принятое Утгардом Локе. *Скримир*.

Скульд [Shall]. Норн будущего. *Скульд*.

Скогул. Валькирия. *Скогул*.

Слейпнир [Туфелька]. Имя восьминогого скакуна Одина. Он зачат Локе от Свадильфары. *Слейпнер*.

Снотра [Аккуратно]. Имя одной из богинь. *Снотра*.

Сокмимир [Мимер глубин]. Великан, убитый Одином. *Сокмимер*.

Соквабеккр. Особняк, где Один и Сага пьют из золотых кубков. *Соквабек*.

Сол [Солнце]. Дочь Мундильфаре. Она управляет лошадьми, которые тянут колесницу солнца.

Сонр. Один из сосудов, содержащих поэтический мед. *Son*.

Судри [Юг]. Карлик, правящий южным регионом. *Sudre*. *Юг*.

Суртр. Огненный великан в Рагнареке, который сражается с богами на равнине Вигрид и охраняет Муспельхейм. *Surt*.

Suttungr. Гигантский обладатель поэтического меда. *Суттунг*.

Свадильфари. Лошадь; отец Слейпнера. *Свадильфари*.

Свафнир. Змей под Игдрасилем. *Свафнер*.

Свалинн [Охладитель]. Щит, помещенный перед солнцем. *Свалин*.

Свасудр [Восхитительный]. Имя великана; отец солнца. *Свасуд*.

Син. Второстепенная богиня.

Т

Тир. Собственно родовое имя высшего божества, сохранившееся во многих составных частях. В мифологии он однорукий бог войны. Волк-Фенрис откусил ему руку. Он идет с Тором в Хаймер, чтобы одолжить чайник для Эгера. Он сын Одина от великанши. *Тир*.

Тьяльфи. Имя слуги и последователя Тора. Само это слово означает "копатель". Имена Тьяльф и Росква указывают на то, что Тор был другом фермеров и богом земледелия. *Тьяльф*.

Тьязи [Тьясси]. Великан; отец жены Ньерда, Скейд. Его жилищем был Тримхейм; он был убит Тором. *Тьяссе*.

Торр. Английское *Thursday* - это более поздняя форма, в которой соблюдались фонетические правила скандинавского языка. Бог грома, хранитель молота, вечно сражающийся убийца троллей и истребитель злых духов, друг человечества, защитник земли, небес и богов; ибо без Тора и его молота земля стала бы беспомощной добычей великанов. Он был освящающим, а молот был крестом или священным знаком древних язычников. Тор был сыном Одина и Фьоргин (матери-земли); он был грубым, вспыльчивым, без обмана и хитрости, немногословным, но готовым нанести удар — таким был Тор, любимое божество наших предков. Лучшие легенды Младшей Эдды и лучшие сказания Старшей Эдды относятся к Тору. Его чертог - Бильскирнер. Он убивает Тьясса, Трима, Хрангнера и других великанов. В Рагнареке он убивает змея Мидгарда, но падает, отступив на девять шагов, отравленный дыханием змея. *Тор*.

Триди [Третий]. Имя Одина в Гильфагининге. *Трид*.

Труджельмир. Великан-отец Бергельмера. *Труджельмер*.

Трудхеймр или Трудвангр. Обитель Тора. *Трудхейм*; *Трудванг*.

Трудр. Имя богини; дочери Тора и Сиф. *Удар*.

Тримхейм. Жилище Тьяссы и Скади. *Тримхейм*.

Тримр. Великан, который украл молот Тора и потребовал Фрейю в награду за его возвращение. *Трим*.

Токк. Имя великанши (предположительно переодетой Локи) в мифе о Бальдре. *Ток*.

U

Ульфрун. Одна из девяти матерей-великанов Хеймдаля. *Ульфрун*.

Ульр. Сын Сиф и пасынок Тора. Имя его отца не называется. Он живет в Идалере. *Уллер*.

Урдарбрунн. Фонтан норн Урд. Фонтан Урдар. Таинственный источник.

Урдр [англ. *странный*]. Одна из трех норн. Норн прошлого. *Урд*.

Утгардар [Внешний двор]. Обитель великана Утгард-Локе. *Утгард*.

Утгарда-Локи. Великан Утгарда, которого посетил Тор. Он называет себя Скримером. *Утгард-Локе*.

V

Вафтруднир. Великан, которого посетил Один. Они испытывают друг друга в вопросах и ответах. Великан побежден и лишается жизни. *Вафтруднер*.

Валаскьяльф. Одно из жилищ Одина. *Валаскьяльф*.

Вальфодр [Отец убитого]. Имя Одина. *Вальфатер*.

Валгринд. Врата Валхала. *Валгринд*.

Вальхолл [Зал убитых]. Зал, в который Один приглашал тех, кто был убит в битве. *Валхал*.

Валькирия [Выбирающая убитых]. Отряд богинь, служанок Одина. Они служат в Валхале и отправляются с поручениями Одина. *Валькирия*.

Vali. Является братом Бальдра, который убивает Ходера, когда ему была всего одна ночь от роду. Он правит вместе с Видаром после Рагнарека. *Вейл*.

Vali. Сын Лока. *Вейл*.

Валтамр. Вымышленное имя отца Одина. *Валтам*.

Ve. Брат Одина (Один, Вайл и Вэ). *Вэ*.

Вегтамр. Имя, принятое Одином. *Вегтам*.

Ванахеймар. Обитель ванов. *Ванахейм*.

Ванр; множественное число Ванир. Те божества, чья обитель находилась в Ванахейме, в отличие от асов, которые обитают в Асгарде: Ньерд, Фрей и Фрейя. Ваны вели войну с асами, но впоследствии, в силу договора, объединились и стали одним целым с ними. Ваны были божествами моря. *Фургон*.

Веорр [Защитник]. Имя Тора. *Веор*.

Верданди [Стать]. Норна настоящего.

Vestri. Гном, правящий западным регионом. *Vestre. Запад*.

Видарр. Сын Одина и великанши Грид. Он живет в Ландвиде. Он убивает волка Фенрира в Рагнареке. Правит Вейлом после Рагнарека. *Видар*.

Вигридр [Битва]. Поле битвы, где боги и сыны Сурта встречаются в Рагнароке. *Бодрый*.

Vili. Брат Одина и Ве. Эти трое сыновей Бора и Бестлы строят мир из тела Имера. *Мерзко*.

Вимур. Река, которую пересекает Тор. *Вимер*.

Виндсвальр. Отец зимы. *Виндсваль*.

Виндхеймр. Место, в котором сыновья Бальдра и Ходера будут жить после Рагнарека. *Виндхейм. Дом ветра*.

Вин-гольф [Особняк блисс]. Дворец асиньес. *Вингольф*.

Вингторр. Имя Тора. *Вингтор*.

Vor. Богиня обручений и браков. *Vor*.

У

Идалир. Жилище Уллера. *Идалир*.

Иггр. Имя Одина. *Игг*.

Иггдрасиль [носительница Игга (Одина)]. Ясень, обнимающий мир. Это дерево символизирует весь мир. *Иггдрасиль*.

Имир. Огромный великан в космогонии, из тела которого Один, Вайл и Ве создали мир. Прародитель великанов. Он был создан из льда и огня в Гинунгагапе. *Имер*.